198
577

На правахъ рукописи.

98
577

В. И. Пичета.

Исторія Московскаго Государства.

Курсъ лекцій, читанныхъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, учр. **В. А. Полторацкой** въ 1916/17 академическомъ году.

Изданіе только для слушательницъ автора.

МОСКВА.—1917 г.
Изд. О-ва Высшихъ Женскихъ Курсовъ сл. Истор.-филол. фак.

На правахъ рукописи.

В. И. Пичета.

198 577

Исторія Московскаго Государства.

Курсъ лекцій, читанныхъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, учр. **В. А. Полторацкой** въ 1916/17 академическомъ году.

Изданіе только для слушательницъ автора.

674/2

МОСКВА.—1917 г.
Изд. О-ва Высшихъ Женскихъ Курсовъ сл. Истор.-филол. фак.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1185518

Типо-литографія Русскаго Товарищества Печатнаго и Издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

Образованіе Московскаго государства.

I. Исторія Московскаго княжества въ XIV—XV в.

Колонизація сѣверо-восточной Руси. Политическое дѣленіе Суздальской Руси послѣ Всеволода III. Возникновенія московскаго княжества. Географическое положеніе Москвы, торговыя дороги и значеніе ихъ въ исторіи роста Москвы. Первые московскіе князья. Территорія московскаго княжества въ XIV—XVI в.

Славянскіе поселенцы появляются въ сѣверо-восточной Руси, въ междурѣчьи Волги и Оки, не ранѣе IX в. До того времени вся эта территорія была занята финскими племенами, находившимися на довольно низкой ступени культурнаго развитія. Ранѣе всего появились здѣсь выходцы изъ Новгорода. Разныя причины толкали ихъ сюда—съ одной стороны естественный приростъ населенія въ Новгородской землѣ и разнаго рода стихійныя бѣдствія, время отъ времени падавшія на Новгородъ, заставляли многихъ оставлять свою родину и искать счастья на чужбинѣ. Съ другой стороны, не надо забывать, что черезъ междурѣчье шелъ торговый путь на востокъ, къ болгарамъ, къ устью Камы, гдѣ сходились славянскіе купцы съ азіатскими торговцами. Благодаря этому, Русь Сѣверо-восточная постепенно заселялась, начиналась постройка городовъ; финскія племена, до сихъ поръ бывшія господами всей этой суровой территоріи, какъ-то незамѣтно растворялись среди этой новопришедшей славянской массы. Новгородская колонизація С. В. Руси—это только одно направленіе славянской колонизаціи. Сюда шло населеніе также и изъ южной Руси, и при томъ это переселеніе началось довольно рано, едва ли не съ половины XI вѣка. Первоначально, эта колонизаціонная волна была невысока. Населеніе оставляло югъ и переходило въ край болотистый, богатый лѣсомъ и суровый по климату, отчасти подъ вліяніемъ княжескихъ усобицъ, половецкихъ набѣговъ, отчасти влекомое туда зоологическими богатствами, которыя были уничтожены на югѣ экстенсивной промысловой дѣятельностью южно-русскаго населенія. Но съ половины XII вѣка колонизаціонная струя съ Поднѣпровья значительно усиливается въ XIII вѣкѣ, достигая наибольшаго напряженія въ XIII в. когда Приднѣпровье оказалось совершенно разореннымъ, будучи отрѣзано отъ старыхъ привычныхъ торговыхъ путей. Южно-русское колонизаціонное теченіе значительно расширило границы сѣверо-восточной Руси, занятыя первоначально населеніемъ. Послѣднее сильно разбросалось по всей территоріи, занявъ тѣ удобныя мѣста, которыхъ сравнительно было немного въ междурѣчьи Оки и Волги. Благодаря усиленной колонизаціи изъ Поднѣпровья граница заселенной территоріи на сѣверѣ доходила до города Бѣлоозера, на востокѣ она шла по водораздѣлу притоковъ сѣверной Двины и Волги, далѣе по Унжѣ, Волгѣ и Окѣ, отъ которой, не доходя до Мурома, граница поворачивала на Западъ къ верховью Пры и устью рѣки Нерской, далѣе къ верховьямъ рѣкъ Лопасни и Москвы,

а оттуда на западъ къ границамъ Новгородской земли [1]). Въ политическомъ отношеніи Суздальская земля была единой до смерти Всеволода III, затѣмъ она распадается на самостоятельныя княжества: Ростовское, примыкавшее къ сѣвернымъ границамъ Суздальской земли съ городами Ярославль, Угличъ, Бѣлоозеро; въ восточной ея части образовалось Суздальско-Нижегородское княжество, доходившее до устья рѣки Оки. Положеніе этого княжества было выгодно въ торговомъ отношеніи—съ одной стороны открывалась большая водная дорога на востокъ, съ другой стороны, его границы были открыты со стороны степи и сильно страдали отъ татарскихъ набѣговъ. На Сѣверо-Западѣ выдѣлилось Тверское княжество. Благодаря своему превосходному географическому положенію по верховьямъ Волги и отдаленности отъ татарскихъ набѣговъ, оно было очень богато и сильно. Вся его территорія была покрыта сѣтью торговыхъ городовъ, среди которыхъ особенно выдѣлялись: Кашинъ, Зубовъ, Ржевъ [2]).

---

[1]) Колонизація сѣверо-восточной Руси довольно детально изучена спеціалистами. Наиболѣе картинное изображеніе хода этой колонизаціи можно найти въ „Курсѣ русской исторіи“ В. О. Ключевскаго. Усиленіе колонизаціонной волны въ XIII в. большая часть историковъ (Соловьевъ, Ключевскій, Любавскій, Платоновъ) ставятъ въ связь съ окончательнымъ запустѣніемъ Приднѣпровья. Къ нимъ примыкаетъ и Рожковъ, который однако находитъ возможнымъ отнести начало колонизаціи съ Юга къ болѣе раннему времени. Онъ ставитъ ее въ связь съ промысловой дѣятельностью населенія и истощеніемъ зоологическихъ богатствъ на югѣ, благодаря хищнической ихъ эксплуатаціи. Любавскій въ исторіи колонизаціи отмѣчаетъ два момента: болѣе ранній до конца XIII и поздній въ XIV в. Въ первомъ случаѣ населеніе широко разбросалось по всей сѣверо-восточной Руси, во второмъ случаѣ, подталкиваемое татарами, стало уходить въ глубь Суздальской Руси, къ ея южнымъ предѣламъ, гдѣ образовалось Московское княжество. Эта обратная колонизація имѣла огромное вліяніе на ростъ и возвышеніе Московскаго княжества.

[2]). Вопросъ о политическомъ порядкѣ, установившемся въ сѣверо-восточной Руси былъ предметомъ усиленнаго вниманія изслѣдователей. Нельзя сказать, чтобы среди послѣднихъ царило единодушіе. Раньше всего на политическія отношенія Суздальской Руси обратилъ вниманіе С. М. Соловьевъ, въ „Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“, нашедшій тамъ удѣлы, которыхъ не было въ Кіевской Руси. Появленіе „удѣла“ Соловьевъ ставитъ въ связь съ разложеніемъ родовыхъ отношеній и появленіемъ государственнаго начала. Съ Соловьевымъ не согласенъ Кавелинъ, объяснявшій появленіе удѣла, результатомъ розложенія рода и выдѣленіе изъ него семейнаго начала. (Критическій обзоръ выше назван. сочиненія и Исторіи Россіи т. I; въ Собраніи сочин. т. I). Удѣльные князья—это вотчинники, въ эту эпоху нельзя найти никакихъ признаковъ нормальныхъ государственныхъ отношеній. Отсутствіе послѣднихъ въ эту эпоху особенно подчеркивалось Б. Н. Чичеринымъ въ „Духовныхъ и договорныхъ грамотахъ великихъ и удѣльныхъ князей“. По его мнѣнію, для князя—его удѣлъ не болѣе какъ вотчина, которой онъ владѣетъ и распоряжается по своему усмотрѣнію. Благодаря этому юридическую природу удѣла надо разсматривать сквозь призму гражданскаго права. На тѣхъ же гражданскихъ отношеніяхъ строились и взаимныя отношенія удѣльныхъ князей. Съ Чичеринымъ не согласенъ Градовскій „въ Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи“. Онъ находитъ его теорію неправильной. Чичеринъ смѣшалъ понятіе „волости и вотчины“. Первый опять владѣетъ по государственному праву, второй по гражданскому праву. Слѣдовательно, нельзя говорить о полномъ забвеніи государственнаго начала въ эту эпоху. Къ Чичерину отчасти примыкаетъ и Костомаровъ, въ статьѣ „Начало единодержавія въ древней Руси“, видѣвшій въ удѣльной системѣ—систему феодализма, образовавшагося подъ вліяніемъ татарскаго ига. Особенно много сдѣлано для выясненія юридической природы удѣла В. О. Ключевскимъ, сначала въ „Боярской думѣ“, а потомъ въ „Курсѣ русской исторіи“, гдѣ положенія, высказанныя въ первомъ трудѣ, были болѣе развиты и дополнены. По мнѣнію В. О. Ключевскаго политическіе порядки Сѣверо-восточной Руси отличаются отъ порядковъ Кіевской Руси и Московскаго государства. Это цѣлый порядокъ, своеобразная эпоха, въ которой начала государственнаго права сочетались и переплелись съ чисто правовыми нормами.

Поэтому въ своемъ удѣлѣ князь былъ не столько правителемъ, сколько владѣльцемъ. Это хозяинъ-собственникъ, заботящійся почти исключительно объ эксплуатаціи всякаго рода доходовъ и хозяйственныхъ статей. Въ удѣльную эпоху не существовало идеи подданства. Каждый человѣкъ могъ придти, временно поселиться и уй-

Раздробленіе Суздальской земли на этомъ не остановилось. Внутри каждаго изъ этихъ княжествъ шелъ процессъ раздробленія, вслѣдствіе чего вся Суздальская земля разбилась на цѣлый рядъ большихъ и малыхъ удѣльныхъ княжествъ. Едвали не самымъ незначительнымъ изъ нихъ было Московское

ти изъ княжества. Не считая себя „государями“, князья распоряжаются своимъ удѣломъ по собственному усмотрѣнію, и это право распоряженія приближаетъ ихъ удѣлы къ обыкновенному частному землевладѣнію. Но съ другой стороны, въ рукахъ князя вотчинника оставались и государственныя права: право суда, налоговъ, войны, на которыя смотрѣлъ исключительно, какъ на источники дохода, которые онъ могъ, по своему усмотрѣнію полностью или только частью передавать въ руки земельныхъ собственниковъ. Наконецъ благодаря раздробленію территорія на удѣлы—почти исчезло государственное единство. Политическіе порядки въ Сѣверо-восточной Руси напоминаютъ собой феодальные порядки Западной Европы, но въ то же время „эти явленія, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, не сходныя, а параллельныя“. Для сходства недоставало соединенія служебныхъ отношеній съ поземельными и наслѣдственности тѣхъ и другихъ. Феодальный моментъ только замѣчается въ юридическомъ значеніи князя бывшаго въ одно и то же время и земельнымъ собственникомъ и государемъ. Онъ, конечно, походитъ на западно-европейскаго синьора, но его бояре не вассалы, и кормленія, и боярскія вотчины никогда не стали европейскими баронiями. Словомъ, въ удѣльномъ порядкѣ не мало общихъ чертъ, съ феодальными отношеніями, юридическими и экономическими. Но эти сходныя отношенія образуютъ совсѣмъ иныя сочетанія, благодаря чему возникаетъ порядокъ совсѣмъ не похожій на феодализмъ Западной Европы. Мнѣніе В. О. Ключевскаго объ отсутствіи у насъ феодализма раздѣляли всѣ крупные авторитеты исторической и историко-юридической науки. Не соглашался только съ нимъ Павловъ Сильванскій много сдѣлавшій для уясненія существа политическихъ отношеній въ сѣверо-восточной Руси. П. Сильванскій, признавая существованіе въ Россіи феодализма (смот. его статьи: Закладничество-патронатъ, Иммунитета въ удѣльной Руси, Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси, и обобщающую книгу „Феодализмъ въ древней Руси, и его спеціальные изслѣдованіе“. Феодализмъ въ древней Руси, къ сожалѣнію, благодаря преждевременной смерти автора, оставшееся не совсѣмъ отдѣланнымъ), указываетъ, что и въ исторіографіи давнымъ давно высказывались такого же рода сужденія, оставшіяся однако безъ вліянія ихъ дальнѣйшихъ изслѣдователей. По мнѣнію автора, никто не сдѣлалъ такъ много для изученія феодализма въ Россіи, какъ В. О. Ключевскій, все время отказывавшійся признать феодальныя отношенія въ древней Руси. Въ удѣльной раздробленности Руси Павловъ Сильванскій видитъ основную черту сближающую удѣльный порядокъ съ западно-европейскими феодальными отношеніями. Элементомъ сходства, является также и появленіе привилегированныхъ земельныхъ владѣній, существованіе договорныхъ отношеній между землевладѣльцами и князьями. Отсутствіе государственнаго подданства—также черта феодализма. Вопреки В. О. Ключевскому П. Сильванскій находитъ въ удѣльной Руси соединеніе служебныхъ отношеній съ поземельнымъ владѣніемъ, благодаря чему удѣльныя помѣстья весьма приближаются къ типу западнаго бенефиція. Благодаря тому, что земельный собственникъ располагалъ и исполнительной и судебной властью и правомъ суда на всѣхъ людей, живущихъ на его территоріи и правомъ сбора съ нихъ налоговъ и пошлинъ, онъ постепенно превращался въ государя по отношенію къ населенію своихъ вотчинъ. Если же государственные права бояръ вассаловъ никогда не сравнялись съ государственными правами князей—это объясняется тѣмъ, что въ сѣверо-восточной Руси процессъ „о княженіи“ волостной земли шелъ впереди ея „обоженія“. Являясь государями по отношенію къ своимъ подданнымъ, бояре были вассалами князей и были связаны съ нимъ вѣчной службой, вытекавшей не изъ идеи территоріальнаго подданства, а изъ свободнаго договора. Павловъ Сильванскій отрицаетъ также вопреки В. О. Ключевскому особую подвижность сельскаго населенія. И въ удѣльной Руси выработался типъ осѣдлаго крестьянина—старожильца. Наконецъ, существовавшій въ удѣльную эпоху духъ розни, вражды удивительно напоминаетъ бытовыя западно-европейскія отношенія. Работы П. Сильванскаго, конечно, цѣнны. Теперь нельзя не говорить о феодализмѣ въ удѣльной Руси. Недостаткомъ по работѣ можно считать стремленіе доказать полное тождество сѣверо-восточнаго феодализма съ западно-европейскимъ, стремленіе иногда приходящее къ усиленнымъ натяжкамъ, тогда какъ и на самомъ Западѣ не было однообразныхъ феодальныхъ отношеній. Работы П. Сильванскаго вызвали появленіе не малаго количества трудовъ. Къ нимъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ Н. И. Карѣевъ, въ книгахъ „Помѣстье-государство и сословная монархія“ и „Феодализмъ въ древней Руси“ нашедшій многіе изъ выводовъ изслѣдователя совершенно правильными. Другіе историки какъ П. Н. Милюковъ въ статьѣ „Феодализмъ въ сѣверо-восточной Руси“ (Энц. сл.) отрицая существованіе на-

княжество, лежащее на югѣ Суздальской земли и находившееся въ вассальной зависимости къ Суздальско-Нижегородскимъ князьямъ. Московское княжество выдѣлилось нескоро. Въ половинѣ XII в. это—еще небольшая крѣпость, выстроенная Юріемъ Долгорукимъ, назначеніе которой было защищать границы Суздальской земли съ юга. Отчасти ея постройка вызвана весьма удобнымъ положеніемъ территоріи, на которой была построена Москва. Здѣсь проходило нѣсколько торговыхъ путей, связывавшихъ Балтійское море съ морями Каспійскимъ и Азовскимъ. Здѣсь шла дорога отъ Смоленска и Новгорода къ древнимъ Булгарамъ. Старый путь черезъ Волгу и для Смоленска и для Новгорода былъ очень долгимъ и неудобнымъ. Гораздо ближе былъ путь черезъ центральную часть междурѣчья Оки и Волги. Эта дорога шла изъ Приднѣпровья и Новгорода, черезъ Волоколамскъ—затѣмъ волокомъ въ Москву. Точно также Новгороду нельзя было миновать центра Междурѣчія, если онъ хотѣлъ попасть въ богатый Рязанскій край или спуститься къ Дону. Кромѣ того здѣсь проходила дорога изъ Черниговской и Кіевской земель на Переяславль и Ростовъ на сѣверъ Суздальской земли. На перепутьи этихъ трехъ торговыхъ путей и лежала Москва, которая, какъ вотчина Суздальскаго князя, давала ему немалый доходъ. Войдя затѣмъ въ составъ Владимирскаго княжества, Москва выдѣлилась въ отдѣльное княжество не ранѣе 1213 г. Обыкновенно она давалась на правахъ удѣла младшимъ сыновьямъ великаго князя. Эта традиція сохранялась долгое время. Когда великимъ княземъ сталъ Александръ Невскій (1253—1263), то Москва была отдана въ удѣлъ самому младшему его сыну—Даніилу. Послѣдній владѣлъ ею до самой смерти. Благодаря своей бѣдности, Даніилъ не принималъ сперва никакого участія въ княжеской усобицѣ своихъ братьевъ: Димитрія Переяславскаго и Андрея Городецкаго изъ-за великаго княженія. Только замѣтивъ, что побѣда князя Городецкаго надъ Димитріемъ (1276 — 1294) можетъ быть опасной для него, Даніилъ рѣшительно тогда сталъ на сторону брата Димитрія. Эта поддержка не прошла безслѣдно для Даніила. Вѣроятно, въ благодарность за помощь, оказанную отцу, Переяславскій князь Иванъ завѣщалъ своему дядѣ свой удѣлъ. Этимъ было положено начало территоріальному росту Московскаго княжества. Сосѣдомъ послѣдняго на юго-востокѣ было Рязанское княжество. Къ этому времени разрушилось и его цѣльность и единство. Образовалось не мало большихъ и малыхъ удѣловъ. Князья не ладили другъ съ другомъ и постоянно воевали. Этимъ воспользовался Даніилъ Александровичъ и вмѣшался въ междукняжескія отношенія сосѣдняго княжества. Онъ взялъ въ плѣнъ князя Константина и отнялъ у него гор. Коломну. Его старшій сынъ Юрій (1303—1328) дѣйствовалъ въ томъ же направленіи не менѣе успѣшно. Онъ удержалъ за собой пріобрѣтеніе отца и кромѣ того присоединилъ къ своему княжеству Можайскъ, входившій въ составъ Смоленской земли. Промыслы Юрія настолько его усилили, что онъ рѣшается начать борьбу съ Тверскимъ княземъ (1312—1328) изъ-за велико-княжескаго ярлыка. Той же борьбѣ не мало содѣйствовала и агрессивная политика кн. Михаила, пытавшагося отнять у Москвы Переяславль, и кромѣ того завладѣть Нижнимъ-Новгородомъ. Конечно, Московскій князь не могъ допустить такого усиленія Твери. Началась борьба. Обладая большими матеріальными средствами, Тверской князь имѣлъ на своей сторонѣ хана и его прислужниковъ. Трудно сказать, чѣмъ окончилась бы эта борьба, если бы па помощь Юрію Дан. не пришелъ Новгородъ, для котораго усиленіе торговаго значенія Твери было опаснымъ. Желая ослабить своего торговаго соперника, Новгородъ рѣшительно

Руси западно-европейскаго видового феодализма, признавалъ существованіе сходныхъ чертъ родового. Признаніе параллелизма удѣльныхъ отношеній съ феодальнымъ можно найти въ „Обзорѣ исторіи русскаго права Владимирскаго-Буданова, въ „Лекціяхъ по русской исторіи Платонова“ въ университетскихъ курсахъ проф. Богословскаго и Любавскаго.

перешелъ на сторону московскаго князя и снабдилъ его большими матеріальными средствами въ сравненіи съ тѣми, какими располагалъ Тверской князь. Благодаря этому борьба окончилась въ пользу Юрія, получившаго въ 1319 г. велико-княжескій ярлыкъ. Впрочемъ, сыну Тверского князя Михаила—Димитрію удалось еще при жизни Юрія вернуть себѣ ярлыкъ на великое княженіе. Послѣ смерти Димитрія въ Ордѣ ярлыкъ былъ отданъ его брату Александру. Только Ивану Калитѣ (1328—1346) удалось разгромить Тверь и настроить хана противъ нея. Карательная экспедиція, посланная противъ Твери, и сопровождавшаяся разореніемъ всего княжества, дала въ концѣ концовъ Ивану Калитѣ давно желанный велико-княжескій ярлыкъ. Несмотря на не совсѣмъ удачную борьбу съ Тверью, Юрій Данил. сохранилъ за собой всѣ пріобрѣтенія какъ свои такъ и отца. Благодаря этому, къ моменту появленія на московскомъ престолѣ Калиты, Московское княжество уже охватило все теченіе рѣки Москвы. Захватъ всей рѣки давалъ Московскому князю важныя экономическія преимущества и то же время настоятельно ему указывало на необходимость округленія границъ княжества. Преемникамъ Юрія продстояло округлить свои владѣнія съ сѣвера и поскорѣе захватить Суздальско-Нижегородское княжество, присоединеніе котораго диктовалось чисто экономическими расчетами—необходимостью удлинить торговый путь по рѣкѣ Москвѣ вплоть до впаденія Оки въ Волгу. Преемникъ Юрія, Иванъ Калита (1328—1348) дѣйствовалъ рѣшительно. Воспользовавшись слабостью и измельчаніемъ Ростовскихъ князей, Иванъ Калита начинаетъ скупать сосѣднія княжества, такъ онъ прикупилъ: Галичъ, Угличъ, Бѣлоозеро, Перемышль и всѣ города Ростовскихъ князей, что окончательно обезсилило послѣднихъ. Дальнѣйшее ихъ поглощеніе Москвой стало только вопросомъ времени. Было куплено и нѣсколько селъ во Владимирѣ, Костромѣ, Ростовѣ. Кромѣ того, выдавъ замужъ дочь за удѣльнаго Ростовскаго князя, Калита распоряжался въ его вотчинѣ, какъ въ своемъ княжествѣ. Такое расширеніе территоріи княжествъ было возможно исключительно благодаря большимъ матеріальнымъ средствамъ Калиты и его рѣдкой способности направлять свое вниманіе на вылавливаніе болѣе или менѣе выгодныхъ земель. Отчасти этому лихорадочному пріобрѣтенію земель помогла и безусловная покорность хану: Калита съ дѣтьми побывалъ въ Ордѣ 9 разъ. Подталкиваемые хозяйственными соображеніями, Московскіе князья, преемники Калиты, расширяли княжество, двигались во всѣхъ трехъ направленіяхъ на сѣверъ, востокъ и западъ. Сѣверъ находился уже во власти Москвы, правда, на востокѣ встрѣчалось препятствіе въ лицѣ Рязанскаго князя, на западѣ, хотя Смоленскій князь и зорко слѣдилъ за усиленіемъ Москвы, тѣмъ не менѣе и въ этихъ направленіяхъ преемникамъ Ивана Калиты удалось кое чего добиться. У рязанцевъ были отняты: Кашира, Боровскъ, Верея, Серпуховъ и волости по рѣкѣ Лопаснѣ, затѣмъ была пріобрѣтена половина Волоколамска и не мало селъ Владимирскаго княженія. Кромѣ того, у смоленскаго былъ отнятъ Медынь, пріобрѣтена Калуга, Дмитровъ, Стародубъ на Клязьмѣ. Всѣми этими областями уже владѣлъ Димитрій Донской (1363—1389). При немъ и Нижній-Новгородъ вошелъ въ сферу вліянія Московскаго князя. Это случилось по слѣдующему поводу. Когда въ Нижегородскомъ княжествѣ возникли усобицы между Константиномъ Суздальскимъ и его братомъ Борисомъ изъ-за Нижняго, Димитрій сталъ на сторону Константина, связаннаго съ нимъ узами родства, и заставилъ Бориса отдать ему городъ. Послѣ этого временно Нижній остался независимымъ городомъ, перемѣнивъ только князя, находившагося подъ сильнымъ вліяніемъ Московскаго князя. За то Ростовскіе князья окончательно подчинились Димитрію, которому пришлось воевать также съ Тверью. Тверской князь къ этому времени успѣлъ оправиться отъ погрома, нанесеннаго Калитой. Соединивъ въ своихъ рукахъ почти всѣ княжества Михаила Ярославовича, онъ являлся серьезнымъ соперникомъ Москвы. Къ тому

же располагавшимъ поддержкой Ольгерда Литовскаго, весьма подозрительно относившагося къ усиленію Московскаго княжества. Конечно, побѣда Твери надъ Москвой надолго бы задержала ростъ Московскаго княжества. Поэтому вполнѣ понятно то напряженіе, съ какимъ московская власть вела борьбу съ Тверью (1375), которая окончилась удачно для Москвы, чему не мало помогла усобица, возникшая между Тверскимъ и Кашинскимъ князьями. Тверскому князю пришлось смириться, признать себя младшимъ братомъ Московскаго князя и отказаться отъ всякихъ притязаній на Владимирское великое княженіе. Такимъ образомъ, Димитрій Донской нанесъ сильный ударъ Тверскому князю, съ того момента ставшимъ не въ силахъ противодѣйствовать политикѣ Московскихъ князей. При Василіи I (1389—1425) дѣло расширенія территоріи Московскаго княжества идетъ въ томъ же направленіи. Онъ получилъ ярлыкъ въ 1392 г. на все Суздальско-Нижегородское княжество и занялъ его, повыгонявъ оттуда изъ княжества сыновей Димитрія Константиновича. Кромѣ того, присоединилъ Тарусу, Муромъ и Мещеру. И сынъ его Василій Темный (1425—1462) пытается, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, нѣсколько расширить свою территорію. Онъ пріобрѣлъ Бѣжецкій верхъ, Пошехонье, Вологду, земли Заозерскихъ князей и половину владѣній Ростовскихъ князей. Преемникамъ Василія Темнаго—сыну и внуку—Ивану III (1462 —1505) и внуку Василію III (1505—1535) оставалось докончить присоединеніе остальныхъ земель къ Москвѣ. Послѣдняя была сильнѣе ихъ и, конечно, сохранившія независимость земли не могли оказать никакого противодѣйствія наступательной политикѣ Московскихъ князей. Благодаря этому, при Иванѣ III были присоединены Новгородъ (1478), Тверь (1485), покорена Вятка (1489). Въ 1463 г. Ярославскіе князья промѣняли свои вотчины на вотчины Московскихъ князей, въ 1474 г. Ростовскіе князья стали слугами Московскаго князя. При Василіи III былъ завоеванъ Псковъ—1510, Рязань—1517 и владѣнія Черниговскихъ князей—1520 г. Благодаря всѣмъ этимъ пріобрѣтеніямъ Московское княжество превратилось въ огромное государство, заключавшее въ себѣ около 47000 кв. миль. Удѣльно-феодальная раздробленность окончательно исчезла.

Такъ при Иванѣ III и Василіи III произошло окончательное объединеніе всей великорусской народности. Измѣнилось также и внѣшее положеніе княжества. Объединеная Русь считала себя достаточно сильной и для борьбы съ татарами, распавшимися на нѣсколько ордъ. Политическая зависимость отъ татаръ была унизительна для московскаго князя, да къ тому же ежегодный отливъ денегъ подрывалъ благосостояніе и самого князя и состояніе народнаго хозяйства. Ежегодный отливъ денегъ въ орду подымалъ ихъ цѣнность и значительно сокращалъ развивавшійся товаро-обмѣнъ. Развивавшаяся сельско-хозяйственная культура также требовала капитала, котораго не было или стоилъ очень дорого. Этимъ слѣдуетъ объяснить, почему боярство, большею частью крупные землевладѣльцы, побуждаютъ Ивана III къ разрыву съ татарами.

Къ нимъ присоединилось духовенство, какъ держатели крупной земельной собственности, которые, выдвигая на первый планъ религіозные мотивы и соображенія, настаивали на разрывѣ съ татарами. Иванъ III, подстрекаемый боярами и высшимъ духовенствомъ, рѣшился, наконецъ, порвать тяжелыя цѣпи (1478). Благодаря этому, московское княжество стало политическимъ независимымъ государствомъ. Наконецъ московскій государь въ внѣшнихъ дипломатическихъ сношеніяхъ сталъ величать себя „царемъ всея Руси“, какъ бы косвенно заявляя притязанія на русскія земли, вошедшія въ составъ Литовско-русскаго государства. Не даромъ литовскіе дипломаты не хотѣли признать этого титула, предлагая московскимъ князьямъ именоваться государями-царями своея Руси, въ отвѣтъ на что получили слѣдующую рѣшительную реплику: „и Кіевъ и Витебскъ и Полоцкъ—наша отчина — вся русская

земля Божіей волею наша отчина". Но эта національстическая идеалогія формировалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ измѣнившагося экономическаго развитія Московскаго государства. Правительство искало выхода къ морю. Выйти къ послѣднему можно было послѣ борьбы съ Литвою и отнятіемъ у него всей Западной Двины. Оттого въ національстической фразѣ Ивана III—Полоцкъ и Витебскъ поставлены на одномъ мѣстѣ, рядомъ. Ожесточенныя войны Москвы съ литовскимъ-русскимъ княжествомъ, бывшія при Иванѣ III и Василіи III, окончились побѣдой Москвы. Въ ея рукахъ остался Смоленскъ, а владѣніе имъ обезпечивало въ дальнѣйшемъ движеніе къ морю. Это прекрасно сознавали обѣ стороны и потому изъ-за Смоленска они вели столь ожесточенную борьбу.

II. Образованіе территоріи Московскаго государства.

Ростъ торрриторіи въ XVI—XIV вв. Москва и Литва XV—XVI вв. Москва и Польша въ XVII в. Движеніе на востокъ. Оборонительныя черты. Колонизація Поволжья. Колонизація южныхъ границъ. Донское казачество. Завоеваніе и колонизація Сибири. Монастырская колонизація. Итоги.

Шестнадцатый и семнадцатый вѣка русской исторіи—время непрерывнаго роста государственной территоріи. Это расширеніе было достигнуто отчасти завоеваніемъ, отчасти черезъ разселеніе по равнинѣ славяно-русскаго племени. Отсюда—рядъ безпрерывныхъ и тяжелыхъ войнъ съ востокомъ и западомъ, правда, не всегда кончавшихся удачно, но, въ конечномъ счетѣ, значительно расширившихъ государственную территорію. Отсюда же идетъ непрерывное движеніе народа на востокъ и юго-востокъ.

Ростъ территоріи, съ одной стороны, совершается за счетъ земель, составлявшихъ территорію литовско-русскаго государства, съ другой стороны, государство увеличивается на счетъ земель, населенныхъ хищниками инородцами: башкирами, татарами, ногайцами, черемисами и чувашами; ихъ слабость и внутреннія неурядицы облегчали правительству и народу безпрерывное движеніе на югъ и юго-востокъ, по теченію Волги и Дона и дальше за Уралъ, вглубь Сибири. Рядомъ съ этимъ замѣтенъ колонизаціонный процессъ, правда нестоль значительный, какъ на югѣ и юго-востокѣ, но, во всякомъ случаѣ, захватившій не малую часть нашего пустыннаго сѣвера и давшій населенію возможность эксплуатаціи природныхъ его богатствъ.

Территоріальное объединеніе сѣверо-восточной Россіи можно считать къ концу XV вѣка закончившимся. Ея границы соприкасались съ Литовско-Русскимъ государствомъ, нѣкогда поглотившимъ сѣверо-западныя и юго-западныя русскія волости.

Московское правительство, начиная съ Ивана III, объявивъ всѣ русскія земли своей „отчиной" и отрицая право литовскихъ князей на владѣніе русскими землями, вступило съ Литвою изъ-за нихъ въ непрерывную и упорную борьбу, поставивъ себѣ задачей соединеніе юго-западной и сѣверо-западной Руси съ Русью Московской. Борьба съ обѣихъ сторонъ велась съ необыкновеннымъ упрямствомъ и настойчивостью. Обѣ стороны не желали никакихъ компромиссовъ, никакихъ временныхъ перемирій: конечная цѣль политики московскихъ государей прекрасно высказана московскими боярами: „коли государь вашъ похочетъ съ вашимъ государемъ любви и братства, и они бы государю нашему отчины ихъ русскіе земли поступился".

Борьба для Москвы не всегда была удачна. Главнымъ пунктомъ раздора между государствами является Смоленскъ, сохраненіе котораго для Литвы являлось вопросомъ сохраненія цѣльности и единства Литовско-Русскаго государства. Отдача его Москвѣ—это начало распаденія его территоріи. Обѣ стороны прекрасно оцѣнили положеніе Смоленска, и первоначально фактически борьба шла только изъ-за него. Къ тому же Смоленскъ былъ крупнымъ торговымъ центромъ, и владѣніе имъ давало возможность урегулированія торговли въ томъ или другомъ направленіи. Москвѣ удалось захватить Смоленскъ только въ 1514 году, послѣ трехъ смоленскихъ походовъ.

Несмотря на послѣдовавшее вскорѣ пораженіе русскихъ войскъ при Оршѣ, по перемирію 1522 года Смоленскъ остался въ рукахъ Москвы. Попытка Литвы вернуть его въ 1535 году окончилась неудачей, и до смутнаго времени Смоленскъ входилъ въ составъ Московскаго государства.

Правительство Грознаго прекрасно понимало необходимость мира для процвѣтанія страны въ культурномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Пріобрѣтеніе гавани на морѣ дало бы возможность поддерживать непосредственныя сношенія съ Европой и давало надежду оживить падавшія торговыя сношенія съ западомъ устраненіемъ препятствій со стороны Ливонскаго Ордена, державшагося по отношенію къ Москвѣ нѣсколько вызывающаго тона. Когда въ 1553 г. кончилось перемиріе между Орденомъ и Москвой, правительство, въ надеждѣ на слабость Ордена, рѣшило воспользоваться переговорами относительно перемирія для начала военныхъ дѣйствій и завоеванія береговъ Балтики. Правительство соглашалось на перемиріе только подъ условіемъ предоставленія русскимъ и ливонскимъ гостямъ свободной торговли въ обоихъ государствахъ, отказа отъ союза съ польскимъ королемъ, вознагражденія за всѣ порубежныя и торговыя обиды, уплаты въ теченіе трехъ лѣтъ дани, слѣдовавшей съ города Юрьева, которую нѣмцы не платили около 50 лѣтъ, и, наконецъ, нѣмцы въ Юрьевѣ должны были очистить русскіе концы и церкви.

Для Ордена подобныя условія оказались непріемлемыми. Началась война и сначала пошла для Москвы очень удачно, но Орденъ обратился за помощью къ Швеціи и Польшѣ. Такъ Ливонская война превратилась въ русско-литовскую и отчасти шведскую. Начало было удачно для Москвы. Былъ взятъ Полоцкъ, но затѣмъ начинается эпоха неудачъ и пораженій, прелюдіей къ которымъ явилось Оршинское пораженіе. Воюющія стороны даже вступали въ переговоры, такъ какъ война утомила обѣ стороны, но условія, выставленныя Грознымъ, были непріемлемы для его противниковъ. Москвѣ соглашались оставить Полоцкъ и часть Ливоніи,—Грозный добивался всей Ливоніи. Опираясь на Земскій соборъ 1556 г., Грозный не согласился на перемиріе, и военныя дѣйствія возобновились. Съ появленіемъ на польскомъ престолѣ Баторія, подъ натискомъ послѣдняго, Москва довольно скоро потеряла всѣ свои завоеванія. Былъ взятъ Полоцкъ, а за нимъ и другіе сосѣдніе города—Велижъ, Усвятъ, Великія Луки, Ревель, огромная часть Новгородской области была въ рукахъ Баторія. По перемирію на Киверовой горкѣ, у Запольскаго Яма, русскіе отказались отъ Ливоніи, а поляки возвратили всѣ занятые псковскіе пригороды: Великія Луки, Холмъ, Заволочье (1582 г.). Военныя дѣйствія со Швеціи прекратились въ 1595 г. по Тявзинскому договору, тоже непріятному для національнаго самолюбія: въ рукахъ шведовъ оставалась значительная часть русскихъ городовъ въ Эстоніи и Новгородской землѣ, хотя новгородскіе пригороды Ямъ, Копорье, Ивангородъ возвращались Москвѣ.

Въ смутное время поляки, воспользовавшись тѣмъ, что шведы заключили союзъ съ Шуйскимъ, перешли русскую границу и осадили Смоленскъ, который, наконецъ, и взяли. Взятіе Смоленска и Сѣверщины, а также захватъ шведами новгородской территоріи—опредѣлили характеръ внѣшней политики въ

XVII вѣкѣ. Новой династіи пришлось вести рядъ войнъ съ поляками и шведами, не всегда благополучно кончавшихся, до крайности напрягавшихъ платежныя силы населенія. Правительство царя Михаила вело двѣ войны съ поляками, и обѣ кончились неудачно. Отнятая территорія осталась въ рукахъ поляковъ, а грандіозный походъ Шейна подъ Смоленскъ кончился небывалымъ пораженіемъ (1632—4 г.). Правительство могло утѣшить себя лишь отказомъ королевича Владислава, впрочемъ за извѣстную сумму, отъ всякихъ притязаній на московскій престолъ, предложенный ему въ эпоху смуты.

Результаты войны со шведами не лучше: по Столбовскому миру король уступилъ всѣ русскія завоеванія, не исключая и Новгорода, получилъ 20,000 р. отступного, оставляя за собой южный берегъ Финскаго залива съ Невой и цѣлой сѣтью старинныхъ русскихъ городовъ: Ямомъ, Копорьемъ, Иванъ-городомъ, только при Борисѣ возвращенныхъ Москвѣ. Условія мира сводили на нѣтъ многолѣтнія попытки правительства пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря: они еще дальше отрѣзывали русскихъ отъ моря.

Царь Алексѣй считался въ своей внѣшней политикѣ съ польскими и шведскими отношеніями. Съ поляками пришлось столкнуться въ первые годы правленія, послѣ окончательнаго присоединенія Малороссіи къ Москвѣ.

Польское правительство признало принятіе подданства Хмѣльницкимъ вызовомъ со стороны Москвы, и немедленно начало военныя дѣйствія. Новая война была необыкновенно удачна для Москвы: царь, принимавшій участіе въ походѣ подъ Смоленскъ, принудилъ его сдаться. Армія вступила въ Бѣлоруссію и заняла большую ея часть. Послѣ Бѣлоруссіи та же участь постигла Литву. Ея столица Вильно и большіе города Ковно, Гродно были въ рукахъ царя. Положеніе Польши было прямо критическое, такъ какъ Швеція тоже объявила войну и захватила Варшаву съ Краковомъ. Въ эту тяжелую для Польши минуту царь Алексѣй, по просьбѣ австрійскаго императора, согласился на перемиріе съ поляками, при условіи оставленія за Москвой Малороссіи и Бѣлоруссіи, и самъ началъ войну со шведами, которая кончилась миромъ въ 1661 г. въ Кардисѣ и не дала никакихъ положительныхъ результатовъ для Москвы. Такъ, рѣшеніе въ одно время польскаго и балтійскаго вопроса привело къ полной неудачѣ въ послѣднемъ и рѣшительнымъ уступкамъ въ первомъ.

Перемиріе съ Польшей было недолговѣчно. Въ Малороссіи начались смуты. Казацкая старшина отпала отъ Москвы и присягнула Польшѣ. Польша воспользовалась малороссійскими затрудненіями и шведскими неудачами, чтобы начать войну и возвратить области, уступленныя Москвѣ по миру 1656 года. Вторая польская война была неудачна для Москвы, и трудно сказать, чѣмъ бы она кончилась, если бы движеніе, поднятое Дорошенко, не заставило обѣ стороны пойти на уступки; въ результатѣ былъ заключенъ въ 1667 году Андрусовскій миръ, по которому за Москвой остался Смоленскъ, Сѣверная область, лѣвобережная Малороссія съ городомъ Кіевомъ на два года; поляки получили обратно всѣ завоеванія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Впрочемъ, городъ Кіевъ остался навсегда въ рукахъ Москвы, что и было признано поляками по такъ называемому вѣчному миру, опредѣлившему отношенія Руси къ Польшѣ въ XVII в. (1686 г.).

Результаты польскихъ войнъ, конечно, существенны въ смыслѣ увеличенія территоріи, но онѣ не достигли своихъ цѣлей: въ рукахъ Рѣчи-Посполитой оставалось немало русскихъ земель, составлявшихъ „отчину“ московскихъ государей. Окончательное приведеніе въ исполненіе плановъ Ивана III падетъ на долю XVIII вѣка. Эти тяжелыя войны не остались безъ вліянія на уходъ населенія изъ центральныхъ областей на окрайны государства.

II.

Московскому правительству приходилось послѣ распаденія Золотой орды и паденія татарскаго ига быть вѣчно насторожѣ. Усиливается Казанское царство, подымается военное значеніе Крымскаго ханства. Азіатскіе хищники постоянно грабятъ наши пограничныя восточныя и южныя области. Москвѣ приходилось всегда бытъ наготовѣ, заниматься мобилизаціей и организаціей военной силы, принимать мѣры отъ хищниковъ. Эта борьба на два фронта со степью ставила подчасъ правительство въ очень затруднительное положеніе, но на счастіе его противники не умѣли дѣйствовать вмѣстѣ. Татарскіо ханы не любили другъ друга и вѣчно враждовали. Этой враждой искусно воспользовалось правительство, натравливая ихъ другъ на друга и заключая съ ними отдѣльныя сепаратныя соглашенія, посылая имъ „упоминки“ и тѣмъ пытаясь обезопасить страну отъ набѣговъ. Однако, такая политика на всегда достигала своихъ цѣлей: друзья довольно часто превращались во враговъ и дѣлали нападенія на Москву.

Непрочность этихъ отношеній московское правительство представляло себѣ довольно отчетливо и подумывало объ оборонѣ границъ, заселяя для этой цѣли пограничныя области по Окѣ татарскими выходцами, обезпечивая ихъ въ изобиліи деньгами и службой. Такъ возникли татарскія пограничныя поселенія въ Каширѣ, Серпуховѣ, Касимовѣ. Впрочемъ эта мѣра оказалась скоро недостаточной. Всѣ три ханства соединились въ рукахъ династіи Гиреевъ, сдѣлавшихъ въ 1521 г. опустошительный набѣгъ на Москву. Испомѣщенные татары не могли, конечно, сдержать огромныхъ полчищъ. Правительство, убѣдившись въ недостаточной охранѣ границъ, стало посылать на границу по лѣтамъ армію, выставляя южнѣе Оки отдѣльные сторожевые посты; строить города и крѣпости, отнимая тѣмъ у хищниковъ „дикое поле“.

Тогда же возникаетъ мысль о завоеваніи татарскихъ царствъ, но сначала думали только о Казани и Астрахани. Послѣднія были ближе къ Москвѣ; въ нихъ чувствовалось сильное московское вліяніе, да къ тому же Казань была богатымъ рынкомъ, куда съѣзжались купцы съ отдаленнаго востока и степняки со скотомъ и рыбой. Возможность захвата восточнаго рынка тянула Москву къ Казани; притягивали также почвенныя и рыболовныя богатства Казанскаго края. Къ достиженію своихъ цѣлей правительство идетъ медленной, но твердой поступью. Воспользовавшись партійной борьбой среди татарской аристократіи, правителвство организовало среди знати московскую партію, одаряя золотомъ и мѣхами ея сторонниковъ. Конечно, внутренняя борьба, ослабляя Казань, подготовила ея паденіе, но все-таки это былъ второстепенный тактическій пріемъ. Другимъ пріемомъ была колонизація степи по сосѣдству съ Казанскимъ царствомъ, медленно, но упорно приближавшая границы Московскаго государства въ Казани.

Въ XIV вѣкѣ Москва прочно утвердилась въ Нижнемъ, но дальнѣйшія попытки при господствѣ татаръ кончались полнѣйшей неудачей: набѣги уничтожали даже слѣды русскихъ поселеній. Однако тяготѣніе къ богатствамъ края было столь сильное, что населеніе снова возвращалось понемногу, чтобы быть опять прогнаннымъ. Правительство въ интересахъ колонизаціи предоставляло привилегіи частнымъ владѣльцамъ, освобождая ихъ отъ податей для того, чтобы „слободу строити“. Привилегіи и рыболовные промыслы дѣлали свое дѣло: всякаго рода безработные, нетяглые, неписьменные люди, а иногда люди изъ иныхъ княженій, селились на землѣ, столь неудобной въ смыслѣ безопасности. Такъ возникло немало поселеній.

Послѣ паденія ига колонизація идетъ успѣшнѣе. Началась колонизація праваго берега Волги; ко времени Василія III она дошла только до рѣки Суры; а при Василіи успѣли перешагнуть черезъ нее, построивъ городъ Васильсурскъ на правомъ берегу Суры при впаденіи ея въ Волгу,—стратегическій пунктъ противъ Казани. При Грозномъ уже на землѣ Казанскаго царства построили Свіяжскъ при впаденіи Свіяги въ Волгу, въ 20 верстахъ отъ Казани.

Постройка этого города была предпринята въ интересахъ предполагаемаго похода на Казань. Совмѣстныя усилія народа и правительства повели къ тому, что въ 1552 году Казань пала, а спустя четыре года та же судьба постигла и Астрахань. Завоеваніе ея вытекло изъ покоренья Казани.

Завоеваніе двухъ царствъ имѣло немаловажныя послѣдствія: выросли новые твердые пункты русской осѣдлости, и правительство имѣло полную возможность дальнѣйшаго ея расширенія, строя крѣпости и города, врѣзываясь клиномъ въ земли башкиръ и ногайцевъ, постепенно замиряя и подчиняя ихъ себѣ.

Въ цѣляхъ удержанія завоеваннаго края, правительство начинаетъ строить города. Черемисы были недовольны появленіемъ русскихъ и часто дѣлали набѣги. Приходилось строить города для окончательнаго ихъ покоренія. Такъ возникли на правомъ берегу Волги: Чебоксары при впаденіи Чебоксары въ Волгу, Цивильскъ и Козьмодемьянскъ, недалеко отъ впаденія Ветлуги въ Волгу, а на лѣвомъ берегу для тѣхъ же цѣлей построили Кокшайскъ, среди устья Большой и Малой Кокшагъ, и Сунгурскъ. Эти города, особенно Чебоксары, и стали центромъ, откуда посылались отряды для покоренія инородцевъ, чувашей и черемисъ.

Новые города возникали въ покоренной области не только среди указанныхъ инородцевъ: возникали они также и въ другихъ мѣстахъ, но вслѣдствіе другихъ условій. Кочевавшіе за Волгой ногайскіе мирзы стали для московскаго правительства опаснымъ сосѣдомъ. Доходя лѣтомъ до Камы и переправляясь иногда черезъ нее, ногайцы входили въ предѣлы государства съ цѣлью грабежа. Правительство стало принимать „мѣры противъ прихода ногайскихъ людей", въ особенности въ мѣстахъ переправы черезъ рѣки. На одной изъ такихъ переправъ уже въ 1557 году выстроили Лаишевъ, на правомъ берегу Камы, недалеко отъ устья. Вѣроятно, около того же времени былъ выстроенъ на правомъ берегу Волги г. Тетюши. Построенные города имѣли цѣлью сдерживать жителей завоеваннаго края въ покорности и утвержденіе русскаго господства. Это отразилось отчасти на составѣ городского населенія, преимущественно военнаго. Въ городахъ жили стрѣльцы и дѣти боярскіе, переведенные сюда изъ центральныхъ областей. Въ новыхъ городахъ строились церкви и монастыри для развитія широкой миссіонерской дѣятельности среди инородцевъ въ цѣляхъ сближенія ихъ съ русскимъ населеніемъ на почвѣ единства религіозныхъ вѣрованій. Ливонская война пріостановила на нѣкоторое время правительственную колонизацію; затѣмъ съ 80-хъ годовъ, начинается колонизація нижняго Поволжья. Для защиты отъ ногайцевъ возникаютъ города повыше Астрахани: Самара (1586), Саратовъ (1588), Царицынъ (1589); появляются русскія поселенія, въ землѣ башкиръ; Уфа (1588) и Бирскъ на рѣкѣ Бѣлой Воложкѣ.

Съ появленіемъ новыхъ городовъ усиливалась безопасность на окраинныхъ мѣстахъ Поволжья, заселеннаго русскими людьми. По писцовымъ книгамъ XVI вѣка можно судить о его замѣтномъ увеличеніи. Значительная часть дворцовыхъ, монастырскихъ и служилыхъ земель была заселена слободами съ русскимъ населеніемъ, занимавшимся земледѣліемъ и промыслами. Новозаселенныя мѣста носятъ почти всѣ русскія названія. Рядомъ съ инородческой номенклатурой даже небольшія рѣки, овражки, горки получили русское названіе.

Таковы результаты правительственной колонизаціи Поволжья.

III.

Колонизаціонное движеніе замѣтно увеличивается въ XVII вѣкѣ: на помощь правительству приходитъ частная иниціатива. Населеніе въ XVII вѣкѣ оставляетъ границы русской населенности, доходившей до Камы. Усиленное народное движеніе за Каму—результатъ дѣйствія довольно разнообразныхъ причинъ. Въ смутное время стало снова небезопасно жить въ предѣлахъ Казанскаго царства. Покоренные инородцы и элементы, недовольные соціальнымъ положеніемъ, грабили мирное населеніе по Волгѣ. Пострадало отъ нихъ немало городовъ, въ особенности Цивильскъ, были разорены села. Люди шли въ „дикое поле“ и тамъ, среди огромныхъ степныхъ пространствъ, заводили починки, обзаводились бортными угодьями и сѣнокосными пожнями.

Въ степи было спокойнѣе, и воровскія шайки туда не проникали. Но колонизація не останавливается и послѣ смуты, скорѣе даже усиливается, о чемъ можно судить по писцовымъ книгамъ XVI и первой четверти XVII вѣка. Уходъ населенія въ степь можно поставить въ связь съ системой экстенсивнаго хозяйства, преобладавшаго въ краѣ и вызвавшаго быстрое истощеніе почвы: „дикое поле“ и привлекало своимъ богатѣйшимъ черноземомъ, еще не тронутыхъ сохой, и богатствомъ лѣсныхъ и луговыхъ угодій. Немалую роль играли въ дѣлѣ колонизаціи и монастыри.

Въ этомъ отношеніи особенную дѣятельность обнаружили: Преображенскій-Казанскій, Троицкій и Богородицкій монастыри въ Свіяжскомъ уѣздѣ, имѣвшіе въ Закамской сторонѣ дворы и поселки, въ которыхъ жили, постоянно или перемѣняясь, старцы, монастырскіе служки, монастырскіе дѣтеныши.

Всѣ эти поселки, съ увеличеніемъ количества населенія, постоянно выдѣляли изъ себя артели вольныхъ охотниковъ, уходившихъ въ степь. Колонизація за Каму совершалась первыя тридцать лѣтъ при особенно благопріятныхъ условіяхъ. Ногайская орда, до сихъ поръ постоянно прикочевывшая къ границамъ государства, находилась въ нѣкоторой зависимости отъ московскаго правительства, да и сама она, уменьшившаяся количественно подъ вліяніемъ постоянныхъ голодовокъ, раздираемая внутренними усобицами, не представляла собой той грозной силы, какой она была раньше; это обстоятельство благопріятствовало, конечно, колонизаціонному движенію. Появленіе въ 30-хъ годахъ калмыковъ изъ Азіи съ береговъ Иртыша и Ишима и подчиненіе имъ ногайцевъ явилось и для правительства и для населенія нѣсколько неожиданнымъ препятствіемъ. Новые поселенцы закамской страны постоянно подвергались нападеніямъ калмыковъ, не дававшихъ имъ покою.

Приходилось приняться за постройку закамской оборонительной линіи — черты; и укрѣпленія возводятся все глубже и глубже, клиномъ врѣзываясь въ степь, тѣмъ болѣе, что, несмотря на внѣшнія неблагопріятныя обстоятельства, приливъ населенія не уменьшался: появились новые починки и деревни. Такъ, въ сороковыхъ годахъ было выстроено только три небольшихъ острожка: Ахташинскъ, Старо-Шешминскъ (на рѣкѣ Шешмѣ) и Мензелинскъ на рѣкѣ Инкѣ; въ 1630 году былъ уже выстроенъ городокъ Чалны при впаденіи Чалны въ Каму. Жители городовъ, предназначенныхъ „для обереганья отъ прихода калмыцкихъ и ногайскихъ людей“, получали близъ городовъ пахотныя земли, поля, сѣнокосъ, и за это несли городовую повинность.

Но эти города не достигли своихъ цѣлей: населеніе не было въ безопасности. Тогда правительство приступило къ постройкѣ непрерывной черты укрѣпленій при помощи спеціально наряженныхъ для этого людей, преимущественно изъ среды замиренныхъ инородцевъ: чувашей, черемисовъ и вотяковъ. Начиная съ 1652 г., въ теченіе 4 лѣтъ, строились города и укрѣпленія, захвативъ огром-

ное пространство отъ рѣки Ики до нижняго теченія Большого Черемшана съ его притокомъ Малымъ Черемшаномъ, пересѣкая рѣки: Шемшу, Кичуй, Заю и Ику.

Такъ были выстроены: Бѣлый Яръ, Ерыклинскъ, Билярскъ на Маломъ Черемшанѣ, Новошешминскъ, Кичуевскъ на рѣкѣ Кичуй, Заинскъ на рѣкѣ Заѣ, и Мензелинскъ на Икѣ. Города строились въ зависимости отъ условій мѣстности: нѣкоторые въ степи, другіе въ лѣсахъ, а для заполненія образовавшагося промежутка между ними были выстроены городки, устроены валы и засѣки. Закамская черта подошла почти къ Волгѣ, такъ какъ Бѣлый Яръ находился только въ 88 в. отъ нея.

Постройка новой черты вызвала приливъ военнаго служиваго элемента: изъ различныхъ городовъ переводились сюда на „службу по государеву указу“ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми на „вѣчное житье“ казаки, стрѣльцы и другіе служилые люди по прибору. Служилые люди, видимо, вербовались изъ людей различныхъ городовъ и разнаго происхожденія; тутъ были арзамасцы, тетюшане, нижегородцы. Военнослужилое населеніе получало „земли подъ дворы, подъ огороды и подъ гумно“; иногда отводилось извѣстное количество четвертей подъ сѣнокосъ, если таковой былъ на мѣстѣ. Переселеніе служилаго люда не всегда было добровольно; правительство дѣйствовало иногда угрозой и принужденіемъ: „а будетъ нѣкоторые... изъ деревень и починковъ ѣхати не похотятъ, и тѣхъ велѣно выслать и въ неволю, а за ослушаніе велѣно имъ дѣлать наказаніе: бить батогами и сажать въ тюрьму, однолично ихъ на Закамскую черту на вѣчное житье выслать всѣхъ нынѣшнимъ лѣтомъ“. Постройка укрѣпленій, обезопасивъ районы новой осѣдлости отъ нападеній, вызвала сюда приливъ и крестьянскаго населенія, тоже выходцевъ изъ разныхъ мѣстностей: тутъ можно было встрѣтить вятчанина, пермяка и т. п.

Шли сюда изъ внутреннихъ областей, спасаясь отъ крѣпостного права, недостатка земли, гонимые начинавшимся кризисомъ, повлекшимъ запустѣніе самыхъ населенныхъ областей XVII в. Новоселы устраивались, заводили пашню и постепенно перетягивали односельчанъ. Правительство пока не обращало вниманія на отливъ населенія изъ центра, такъ какъ нуждалось въ заселеніи края. Переселялись сюда и инородцы, боясь захвата со стороны русскихъ ихъ бортныхъ и звѣриныхъ ухожаевъ. Для той же цѣли правительство „испомѣстило“ группу литовскихъ плѣнныхъ—часть полоцкой шляхты; для обезпеченія ихъ крестьянскимъ трудомъ были взяты дворцовые крестьяне Казанскаго края съ 20 дворовъ по одному. Такъ заселялась Закамская оборонительная линія.

Почти одновременно шло построеніе Симбирской черты для праваго берега Волги. Кажется еще при Михаилѣ былъ рѣшенъ вопросъ о ея постройкѣ, чтобы „отъ крымскихъ и ногайскихъ людей... во всѣхъ городахъ войну отняти“, но пришлось привести въ исполненіе эту мысль только при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Новая черта строилась шесть лѣтъ (1648—1654) и отнимала ежегодно около 5000 „работныхъ людей у валового острожнаго дѣла“. Новая черта шла отъ города Симбирска. Затѣмъ шли острожки: Тагай, Урень, Карсунь, Сура на Сурѣ, Саранскъ на Инсарѣ; крайнимъ пунктомъ черты на юго-западѣ былъ Инсарскій острогъ на рѣкѣ Исѣ. Новая черта примыкала къ городкамъ Нижнему и Верхнему Ломовымъ и Тамбову и могла служить для защиты не только праваго берега Волги, но и южной окраины. Постройка черты сопровождалась переселеніемъ сюда людей изъ болѣе населенныхъ мѣстностей, безъ различія, кто они были—русскіе или инородцы. Населеніе переводилось „на вѣчное житье“. Иногда отнимались бобыли у монастырей и переводились съ „монастырскихъ выгоновъ и земель въ слободы, тягло, посадъ“. Всѣ люди получали деньги на „дворовое строеніе“, а также, смотря по званію, было отмѣрено „на пашню земли, и сѣнные покосы, и всякія угодья“.

Защищенная съ обѣихъ сторонъ мѣстность къ югу отъ Тетюшъ представляла собой очень удобное мѣсто для заселенія. Помимо безопасности — этотъ край отличался поразительнымъ плодородіемъ. Сосѣдніе жители это знали и, какъ только явилась возможность, нахлынули сюда. Шли сюда землевладѣльцы изъ сосѣднихъ уѣздовъ и, съ согласія правительства, осваивали земли, еще никому не принадлежавшія, никому не отданныя ни въ помѣстье, ни на оброкъ. Правительство въ интересахъ обороны сочувствовало такой колонизаціи. Служилые люди переводили сюда и крестьянъ изъ внутреннихъ областей: такъ появилось и здѣсь русское населеніе. Испомѣщаются здѣсь и крещеные инородцы съ татарами. Такъ, мало-по-малу притоки Свіяги были заселены испомѣщенными людьми. Къ 60-мъ годамъ XVII в. край являлся уже настолько заселеннымъ, что немного выше Симбирска, по рѣкѣ Сухому Бирюгу, съ трудомъ можно было встрѣтить „дикое поле ковыль“ и сѣнные покосы, еще не занятые.

Въ 60-хъ годахъ крестьяне промышленники заняли обширную полосу земли, называвшуюся „Арбугинской землей“, примыкавшую къ Волгѣ. Они основали здѣсь нѣсколько слободъ, приписанныхъ къ дворцовому вѣдомству. Они владѣли здѣсь пахотными землями, а на лѣвомъ берегу сѣнокосомъ. Наконецъ, группа за хребетниковъ изъ Бѣлаго Яра перешла на правый берегъ и поселились на рѣкѣ Сенгилейкѣ.

Въ шестидесятыхъ годахъ эта мѣстность была уже совершенно занята, такъ что пришлось раздавать земли къ западу отъ черты. Появляются солдаты по рѣкѣ Сельдѣ, лѣвомъ притокѣ Свіяги, и Бѣлому Уреню, притоку Суры. Дворяне и дѣти боярскіе выпрашиваютъ себѣ здѣсь помѣстья, а затѣмъ переселяютъ сюда крестьянъ изъ внутреннихъ областей, одновременно принимая къ себѣ и бѣглыхъ.

Бѣжали сюда не одни только крестьяне; частенько попадались здѣсь стрѣльцы, казаки, посадскіе, поступившіе на службу, отправлявшіе ее по городамъ и уѣздамъ. Конечно, не всѣмъ удавалось устроиться на новыхъ мѣстахъ; многіе возвращались назадъ, но даже наказанія не останавливали постояннаго притока населенія. Во время бунта Стеньки Разина колонизація, конечно, временно пріостановилась, но за то тѣмъ быстрѣе идетъ она по окончаніи его.

За-Симбирская черта постоянно населяется служилыми людьми, и въ 70-хъ годахъ лѣвый притокъ Свіяги—Гуша и правый—Тошля уже были заняты, и населеніе начинало переходить за валъ и селиться тамъ.

Поступали такимъ же образомъ испомѣщенные служилые люди съ большимъ, чѣмъ у солдатъ, окладомъ, и едва ли не для защиты населенія, вышедшаго за Симбирскую черту, выстроили въ 60-хъ годахъ Пензу на Сурѣ.

Изъ мѣстностей, лежавшихъ южнѣе Симбирска, особенно притягивала поселенцевъ Самарская лука. Процессъ ея заселенія начался въ XVI вѣкѣ, продолжаясь непрерывно въ теченіе всего XVII вѣка, такъ какъ, по своимъ природнымъ свойствамъ, Самарская лука была едва ли не самымъ лучшимъ мѣстомъ въ Поволжьи. Богатѣйшій черноземъ, обиліе горючей сѣры и соли (изъ соленыхъ ключей), лѣса, нетронутые человѣческой рукой, изобиловавшіе пчелиными бортями и звѣремъ. Пересѣкавшая ее рѣка Уса съ притоками изобиловала рыбою. Около луки, при впаденіи р. Самары въ Волгу, появилась въ XVI вѣкѣ Самара, ставшая довольно скоро важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ въ Поволжьи, сдерживавшимъ долгое время напоръ калмыковъ.

Появленіе здѣсь промышленниковъ замѣтно въ XVI в. и не только изъ русскихъ: едва ли не первыми піонерами являлись инородцы, владѣвшіе здѣсь бортными ухожаями, рыбными ловлями и бобровыми гонами. Но приливъ собственно русскаго населенія начался только при Михаилѣ, когда при впаденіи Усы въ Волгу были выстроены два осторожка, защищавшіе отъ набѣговъ калмыковъ. Купецъ Надѣя Свѣтешниковъ обратилъ вниманіе на соленые ключи

и рѣшилъ завести здѣсь варницы для добыванія солп. Около соляныхъ варницъ возникли русскіе поселки. При царѣ Михаилѣ заимки Свѣтешникова были подтверждены за нимъ особой грамотой. При царѣ Алексѣѣ эти варницы были выкуплены у родственниковъ Надѣи и пожалованы любимому монастырю Алексѣя—Саввѣ Сторожевскому. Монастырь, пользуясь разными льготами, повелъ еще удачнѣе эксплуатацію природныхъ богатствъ и скоро получилъ отъ царя „Лопатинскія и Васильковскія рыбныя ловли“, лежавшія у Самарской луки, повыше Сызрани.

Черезъ 16 лѣтъ здѣсь уже было 283 двора, а въ нихъ жили „крестьяне, бобыли, мастеровые, работники и чуваши“. Монастырскія власти не пренебрегали никакими средствами для расширенія владѣній, захватывая незанятыя земли, устраивая монастырскія слободы и заселяя ихъ бѣглыми людьми изъ верховыхъ городовъ, а также крестьянами, мордвою и чувашами, жившими раньше на дворцовыхъ земляхъ и переходившими на землю монастыря, получая свободу отъ податей на нѣсколько лѣтъ. Въ 80-хъ годахъ Усолью принадлежала цѣлая группа большихъ и малыхъ поселковъ съ населеніемъ около 1000 человѣкъ, распахивавшихъ монастырскую пашню и исполнявшихъ разныя сельско-хозяйственныя работы. Сверхъ обработанной земли монастырю принадлежала огромная масса „лѣсу пахотнаго и дикія непахотныя и пахотныя степи“.

Рядомъ съ этими, въ предѣлахъ Самарской луки, находились земли служилыя, патріаршія и дворцовыя. И эти владѣнія медленно заполняются населеніемъ, ушедшимъ сюда изъ другихъ мѣстъ. Это все „прихожіе люди разныхъ городовъ“. [1]).

Заселеніе мѣстности поставило на очередь вопросъ объ укрѣпленіи ея границъ. Для защиты западныхъ границъ въ 70-хъ годахъ построили Пензу на Сурѣ, и въ скоромъ времени, согласно просьбамъ служилыхъ людей изъ сосѣднихъ уѣздовъ, Пензенскій уѣздъ заселяется военнымъ элементомъ. Приходили сюда и бѣглые крестьяне, селясь отдѣльными дворами. Въ 80-хъ годахъ правительство уже предполагало построить новую укрѣпленную линію и переводить на ея предполагаемыя границы служилыхъ людей въ количествѣ достаточномъ для охраны границы. Въ 1673 г. былъ уже выстроенъ городъ Сызрань руками дворянъ и дѣтей боярскихъ, иноземцевъ мурзъ, и татаръ полковой службы, „симбирскихъ и корсунскихъ копейщиковъ, стрѣльцовъ и казаковъ Симбирской и Корсунской черты“; всѣмъ имъ „велѣно не замотчавъ иттить для строенія того Сызранскаго города“. Затѣмъ, по обычаю, переводилось сюда военно-служилое населеніе, получавшее здѣсь „порожжую землю“ вмѣсто „денежнаго и хлѣбнаго жалованья“. Въ результатѣ такой военной колонизаціи была постройка новой Сызранской черты отъ Сызрани до Пензы. Спустя нѣсколько лѣтъ южнѣе Сызрани возводится новое укрѣпленіе, Кашпира, и тѣмъ самымъ началось заселеніе засызранской черты, куда и раньше тянули разные предпріимчивые люди, провѣдовъ о богатыхъ рыбныхъ ловляхъ. Чудовъ монастырь получилъ право ловли рыбы въ Самарскихъ водахъ. Царь Алексѣй подтвердилъ это право „на рѣкѣ Волгѣ въ Самарскихъ водахъ рыбу ловить про монастырскій обиходъ“. За Чудовымъ монастыремъ пошли и другія обители, и въ 80-хъ годахъ немало монастырей, выхлопотавъ себѣ берега на нагорной сторонѣ Волги, постепенно устроили здѣсь постоянныя селенія, заселивъ ихъ монастырскими рабочими. Такъ возникло много селеній, и Сызранская черта уже не достигла своей цѣли. Надо были построить укрѣпленія южнѣе ея. Такъ построили Петровскъ на верховьяхъ Медвѣдицы (1697) и Павловскъ на Хопрѣ для защиты отъ кочевниковъ и удалого русскаго элемента; для заселенія новыхъ крѣпостей правительство перевело сюда „третчиковъ и половинщиковъ“ съ

[1]) Изъ Арзамаса, Алатыря, Нижняго Новгорода.

Сызранской черты, они записаны были въ пахотные солдаты, пушкары, затинщики. На этомъ и закончилось укрѣпленіе мѣстностей южнѣе Сызрани. Только при Петрѣ, съ проведеніемъ укрѣпленной черты между Царицынomъ и Дономъ, явилась возможность культурной работы для населенія, а до этого времени жители при городахъ Царицынѣ и Саратовѣ, по словамъ одного современника, ничего снять въ поляхъ не смѣли, такъ какъ кубанская орда „чинила всякія озлобленія россійскому народу, брала людей въ полонъ и скотъ отгоняла".

Такъ заселялась территорія бывшаго Казанскаго царства. Колонизація края была начата по чисто политическимъ причинамъ—необходимостью укрѣпить русское вліяніе въ завоеванной странѣ, дальнѣйшее заселеніе совершалось подъ вліяніемъ другихъ условій. Тянуло сюда населеніе богатство края. Бѣжали сюда люди, недовольные своимъ положеніемъ въ центрѣ. Захватывая территорію, населеніе выходило за предѣлы населенности, что выдвигало на очередь необходимость защиты новыхъ колонистовъ, ушедшихъ въ „дикое поле". Такъ возникли одна за другой новыя оборонительныя линіи: Закамская, Симбирская, Сызранская. Перейдемъ теперь къ колонизаціи южныхъ границъ Московскаго государства, такъ называемой „степной Украйны".

IV.

Поступательное движеніе на югъ совершалось съ такой же медленностью и настойчивостью, съ какой шла колонизація средняго и южнаго Поволожья.

Татарскіе хищники грабили пограничныя мѣстности, уводя съ собою большой полонъ, появлявшійся затѣмъ на рабовладѣльческихъ рынкахъ востока. Вотъ почему правительство тотчасъ же послѣ паденія ига принимаетъ рядъ мѣръ по оборонѣ границъ. Намѣчается медленное поступательное движеніе въ степь русскаго народа. Строятся городки и острожки, пограничныя мѣстности заселяются служилымъ сословіемъ; проводятся укрѣпленныя линіи, и все большее пространство степи попадаетъ въ сферу русскаго вліянія.

Къ началу XVI в. русское населеніе, пользуясь прикрытіемъ лѣса, подвинулось значительно ближе къ степи. Южная граница доходила до Оки съ городами Серпуховымъ, Коломной и Каширой для ея защиты. Это былъ, такъ называемый, берегъ. Затѣмъ береговая линія подвигалась постепенно къ югу, и въ 1513 году пограничная армія стояла уже въ Тулѣ. Съ присоединеніемъ въ Москвѣ Чернигово-Сѣверской земли, южная граница должна была отойти еще дальше въ степь. Окраинными городами стали Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Новосиль, Мценскъ на Зушѣ, Одоевъ на Упѣ. А съ 1521 года, когда Рязанское княжество вошло въ составъ московскаго государства, границы подвинулись значительно на востокъ, и, такимъ образомъ, южныя границы доходили до рѣкъ: Десны. Сейма, Оки, Зуши, Сосны, Верхняго Дона, Воронежа, Упы, Мокши и Нижней Суры.

Въ интересахъ укрѣпленія Рязанскаго княжества въ 1536 году построили Пронскъ—на рѣкѣ Пронѣ. Въ 1535 году южнѣе Рязанскаго княжества, въ землѣ мордвы и мещеры, построили Мокшанскъ на верхней Мокшѣ; въ 1536 году—Алатырь при впаденіи рѣки того же имени въ Суру. Наконецъ, въ 1552 году, на рѣкѣ Цнѣ—Шацкъ. Въ половинѣ XVI вѣка была готова Тульская черта шедшая отъ Путивля черезъ Рыльскъ, Брянскъ, Мценскъ, Тулу, Пронскъ и Шацкъ.

Правительство заселяло линію служилыми людьми „по прибору", раздавая имъ около городовъ помѣстья. Изъ центральныхъ мѣстъ сюда переводились крестьяне. Немало было и бѣглыхъ, искавшихъ и здѣсь свободы.

Тульская линія приблизила границы государства къ верховьямъ Оки и Дона. Понятно, что населеніе уходило сюда за водянымъ промысломъ, и постепенно верхнеокскій районъ начиналъ заселяться. И правительство по необходи-

мости должно было обратить вниманіе на верховья Оки и Дона. Здѣсь по водораздѣламъ рѣкъ лежали такъ называемые татарскіе шляхи, по которымъ крымскіе татары дѣлали свои разбойничьи набѣги. Для загражденія имъ пути, втеченіе 1554—1563 г., строится рядъ мелкихъ городковъ: въ 1566 г. появляется Орелъ, а нѣсколько позже—Чернь и Крапивна. Съ постройкой ихъ Тульская черта отошла южнѣе: на западѣ она упиралась въ сѣверскую землю, затѣмъ шла черезъ Орелъ, Новосиль на Шацкъ.

Верховья Дона при царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ были защищены частью постройкой, частью возобновленіемъ: Воронежа на рѣкѣ того, же имени (1586 г.), Ливны на Быстрой Соснѣ (1586), Ельца на рѣкѣ Быстрой Соснѣ (1592 г.) и Кромъ не далеко отъ впаденія Кромы въ Оку (1595 г.). Благодаря постройкѣ Бѣлгорода, Оскола (1598 г.) и Валуекъ, (1600 г.) линія городовъ выдвигается еще далѣе вглубь степи. А съ постройкой при Борисѣ Годуновѣ Царева—Борисова на Осколѣ правительственная колонизація передвинулась на югъ по теченію Оскола и Дона до ихъ сліянія. Нельзя не признать цѣлесообразности этой колонизаціонной дѣятельности правительства: лишенное возможности уничтожить Крымское гнѣздо, правительство, захватывая степь, подготовляло постепенно окончательное завоеваніе Крыма.

Тульская линія имѣла огромное стратегическое значеніе; поэтому правительство было занято организаціей станичной и сторожевой службы. Высылая въ поле „сторожу“, смотрѣвшую за движеніями хищниковъ въ степи, правительство хотѣло имѣть быстрыя и точныя свѣдѣнія о татарахъ, и тѣмъ самымъ не дать себя застать врасплохъ, какъ это было во время татарскаго набѣга въ 1571 году, когда Москва была сожжена. Военная колонизація вызвала приливъ населенія. Служилые люди получаютъ около городовъ помѣстья. Сюда переводятся и бѣгутъ крестьяне. Нетронутая пахотой земля постепенно захватывается сельско-хозяйственной культурой. Въ городахъ населеніе начинаетъ постепенно заниматься ремеслами и торговлей, но даже и эти занятія не измѣняли общей физіономіи города, военной крѣпости по преимуществу: ремеслами и торговлей занимался главнымъ образомъ военно-служилый элементъ. Населеніе и здѣсь довольно скоро вышло за предѣлы городской черты: когда служилыхъ людей надѣляли землей, то только часть ея отводилась подъ самымъ городомъ, а остальная на довольно большемъ разстояніи отъ города. Служилые люди сначала наѣзжали туда только временно для сельско-хозяйственныхъ работъ, работая подъ военной охраной своихъ сотоварищей; но мало по малу здѣсь возникаютъ постоянныя своего рода городскія колоніи—это такъ называемые „выселки изъ городовъ“ изъ дѣтей, родственниковъ и крестьянъ служилаго человѣка, имѣвшаго постоянное пребываніе въ городѣ. Такъ, среди „дикаго поля“ возникали оазисы съ осѣдлымъ населеніемъ. Такіе же населенные пункты возникали кое-гдѣ и независимо отъ городского населенія. Среди „дикаго поля“, часто подъ прикрытіемъ лѣса, устраивались усадьбы служилыми людьми и монастырями на пожалованныхъ земляхъ. Они переводили своихъ рабочихъ, крестьянъ, монастырскихъ дѣтенышей. Народная колонизація шла по тому же пути. Различные выходцы изъ Приднѣпровья въ лѣсахъ Московской Украйны занимались бортничествомъ, а когда, съ приливомъ служилаго населенія, бортныя деревья стали хищнически разграбляться, то населеніе, въ цѣляхъ ихъ охраны, стало постоянно жить около своихъ бортей намѣчая бортныя деревья и устраивая пасѣки. Еще одинъ шагъ, и пасѣки превращаются въ хутора со скотомъ, пашней и всякаго рода инвентаремъ.

V.

Въ Смутное время колонизація временно прекратилась. Немало новыхъ поселеній исчезло безъ всякаго слѣда. Татарскіе шляхи стали почти беззащитны

и кочевники стали снова смѣлѣе. Населеніе бѣжитъ на сѣверъ изъ бассейна рѣки Оскола и ищетъ защиты у Бѣлгорода или еще дальше у Воронежа, защищеннаго лѣсами Тихой Сосны. Въ первые годы правленія царя Михаила, занятаго внѣшними войнами, колонизація не двигалась дальше; систематически колонизація идетъ только послѣ окончанія второй польской войны, во время которой правительству неоднократно приходилось убѣждаться въ необходимости укрѣпленія южныхъ границъ.

Съ 1636 года и начинается усиленная строительная дѣятельность. Довольно скоро выстроили Бѣлгородскую черту, примыкавшую къ Симбирской и Закамской оборонительнымъ линіямъ. Въ 1636 году для защиты южныхъ границъ бывшаго Рязанскаго княжества построили Козловъ на Воронежѣ, затѣмъ на верхней Упѣ—Тамбовъ, а на рѣкѣ Ломовѣ, притокѣ Мокши, два города Ломова: Верхній и Нижній. Стратегическое значеніе новыхъ городовъ, конечно, было большое: по сообщенію правительства „тѣми новыми городы и крѣпостьми въ Ряжскихъ, Рязанскихъ, и въ Шацкихъ во всѣхъ мѣстѣхъ татарская война отъ приводовъ укрѣплена“. Колонизаціонная политика правительства на этомъ, однако, не остановилась.

Строятся и дальше новые города: Верхососенскій и Усердъ на Тихой Соснѣ, пересѣкавшей Кальміусскій шляхъ, Яблоновъ на Осколѣ, повыше Валуекъ, Чугуевъ на Донцѣ, Вольный и Хотмыжскъ на верховьяхъ Ворсклы. Конечно, постройка новыхъ городовъ требовала немалыхъ расходовъ, но, раздавая служилымъ людямъ земли, правительство могло меньше платить жалованія и тѣмъ уменьшало расходы по оборонѣ Украйны. И при Алексѣѣ Михайловичѣ шла усиленная стройка. Выстроили Ольшанскъ на рѣкѣ Тихой Соснѣ, Острогожскъ, Усмань на рѣкѣ того имени. Къ концу 60-хъ годовъ разстояніе между украйными городами было настолько незначительно, что правительство нашло возможнымъ соединить ихъ другъ съ другомъ валами, острожками, засѣками. Вся эта непрерывная сѣть укрѣпленій и составила такъ называемую Бѣлгородскую линію, заграждавшую татарскіе шляхи. Линія шла отъ верховій Ворсклы, пересѣкая Донецъ, Оскóлъ, Тихую Сосну, Воронежъ,—отъ Хотмыжска на Ворсклѣ, черезъ Ахтырку, Бѣлгородъ, Воронежъ, Усмань, до Козлова. Приблизительно въ это же время были выстроены Закамская и Симбирская черты, вмѣстѣ съ Бѣлгородской, составлявшія непрерывную нить укрѣпленій, защищавшихъ южныя и юго-восточныя границы Украйны.

Постройка Бѣлгородской черты совпала съ казацкими движеніями въ Польшѣ. Населеніе, спасаясь отъ польскихъ порядковъ, бѣжало на территорію московскаго государства. Во время возстанія Хмельницкаго, на которое народная масса возлагала столько неоправдавшихся надеждъ, переселенческое движеніе временно пріостановилось, но затѣмъ поднялось съ новой силой, такъ какъ въ московской Украйнѣ еще не успѣло установиться и окрѣпнуть крѣпостное право, уже дававшее себя чувствовать въ польскихъ владѣніяхъ. Московское правительство отнеслось съ большимъ вниманіемъ къ этому переселенческому движенію, учтя его значеніе для обороны южныхъ границъ.

Лица, нежелавшія возвращаться обратно къ пану, шли на московскую территорію, наполняя собою старые города и основывая новыя поселенія. Подъ вліяніемъ этой малороссійской эмиграціи появились Сумы, Лебедянь, Харьковъ, Ахтырка и множество мелкихъ слободъ до самого Дона. Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ временно пріостановило наплывъ эмиграціи, и только въ эпоху такъ называемой Руины правобережное населеніе снова устремляется на лѣвый берегъ Днѣпра. Появляются Суда, Бѣлополье, Волчанскъ, Торъ, Золочевъ.

Такъ, малороссійской эмиграціей заселялся бассейнъ верхняго Сейма, Сулы, Псела, Ворсклы, Донца, Оскола, охватывающихъ югъ Курской губ., почти всю Харьковскую и западную часть Воронежской.

Заселившіе Украйну казаки образовали нѣсколько слободскихъ полковъ, но фактически существовало только пять: Ахтырскій, Сумскій, Изюмскій, Острогожскій и Харьковскій. Возникавшіе другіе полки существовали самостоятельно недолго и обыкновенно входили въ составъ вышеуказанныхъ полковъ.

Слободскіе полки, составляя иррегулярную армію, должны были помогать правительству въ его военныхъ цѣляхъ, за что послѣднее предоставляло имъ право эксплуатаціи рыбныхъ, лѣсныхъ и земельныхъ богатствъ, безпошлиннаго выкуриванія вина и продажи его.

Всѣ эти привилегіи слободскихъ полковъ были подтверждены Петромъ въ 1700 году, объединившимъ въ одну грамоту всѣ „права“ черкасскихъ полковъ.

Казацкіе полки заняли территорію южнѣе Бѣлгородской черты. Оказавшись внутри, она перестала выполнять свое прямое назначеніе, и правительству приходилось снова думать о построеніи новой оборонительной линіи, которая загородила бы водораздѣлъ Днѣпра и Дона, а какъ разъ тутъ и проходилъ важный для татаръ Муравскій шляхъ. Такая линія и была выстроена въ 70—80 годахъ, и въ ея составъ вошли городки: Соленый, Царевъ-Борисовъ, Савиновъ, Балаклея, Зміевъ, Соколовъ, Валки и Перекопъ на рѣкѣ Коломакѣ. Проходя вдоль рѣки Донца и переходя потомъ на притокъ Ворсклы Коломакъ, указанная слободская черта перерѣзала Изюмскій и Мурамскій шляхъ, тѣмъ самымъ затруднивъ движеніе татаръ. Дальнѣйшее заселеніе Украйны относится уже къ XVIII вѣка.

VI.

Защита южной и восточной Украйнъ достигалась не только при содѣйствіи оборонительныхъ линій. Въ томъ же направленіи дѣйствовала и народная колонизація, развивавшаяся параллельно правительственной, и степь наполнялась все больше и больше людьми, которыхъ тянуло къ себѣ ея приволье и степная опасность. Изъ такихъ элементовъ, промышлявшихъ рыбою, звѣремъ, подчасъ разбоемъ, и образовалось донское казачество, заселявшее бассейнъ Дона и его притоковъ: Хопра, Медвѣдицы, Иловли, Сала, Маныча. Правительство какъ разъ обходило эти мѣста изъ боязни слишкомъ близко стать къ татарамъ и др. кочевникамъ. Колонизація Дона особенно усилилась въ XVI вѣкѣ. Къ концу его уже весь Донъ былъ заселенъ казацкими городками и станицами. Кажется, станица Раздоры при впаденіи Донца въ Донъ стала средоточіемъ донского казачества.

Въ XVII-мъ вѣкѣ количественный составъ донского казачества значительно увеличивается. Сюда бѣгутъ изъ Московскаго государства и малороссійской Украйны. На Дону появляются новые казачьи поселки и городки, и казачество спускается все ближе и ближе къ морю, гдѣ ему пришлось непосредственно столкнуться съ турками, временно отнявъ у нихъ Азовъ. И во-второй половинѣ вѣка замѣчается непрерывный ростъ казачества. Закрѣпленіе крѣпостного состоянія Уложеніемъ и гоненіе раскольниковъ поддерживали постоянно въ народной массѣ стремленіе уйти на Донъ.

Въ самомъ казачествѣ уже довольно отчетливо намѣчалась дифференціація его состава. Благодаря переполненію Дона новыми людьми, мѣстность, захваченная казаками, понемногу расширялась, и часть казачества очутилась въ центрѣ, защищенномъ съ юга поселками. Здѣсь хозяйственная жизнь складывалась по иному: насчетъ промыслового хозяйства развивалась сельско-хозяйственная культура. Въ XVII вѣкѣ этотъ процессъ пока только намѣчается. Одновременно часть казаковъ уходила съ Дона. Еще въ XVI столѣтіи ими было занято нижнее теченіе Яика, а нѣсколько позднѣе мѣстность по Тереку, куда

переселялись они отчасти благодаря правительству, построившему въ 1584 году городъ Терки.

Правительство сознавало, конечно, пользу казацкой колонизаціи, какъ аванпоста для защиты пограничнаго русскаго населенія. Оно и поддерживало казаковъ, посылая имъ деньги и всякіе военные припасы. Но въ то же время сосѣдство вольнаго казачества давало себя постоянно чувствовать, являясь центромъ, куда уходили всѣ недовольные соціально-политическимъ укладомъ государства, и откуда шелъ активный протестъ противъ него вродѣ разиновщины. Приходилось обратить и на это вниманіе. Въ 1682 году издается первое запрещеніе казакамъ принимать бѣглыхъ; 1683 году уже устраиваются заставы на границахъ современной Воронежской губерніи; а въ 1703 г. правительство Петра пытается привести въ извѣстность казачьи городки на Дону въ цѣляхъ болѣе существеннаго контроля на жизнью Дона. Но пока всѣ эти попытки не приводили ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, и Донъ въ XVIII вѣкѣ оставался казацкой колоніей, гдѣ люди дышали свободнымъ воздухомъ. Конечно, близость турокъ и татаръ также заставляло правительство не прибѣгать пока ни къ какимъ репрессіямъ по отношенію къ казачеству. Активная борьба съ казачествомъ начинается только въ XVIII вѣкѣ.

Такимъ образомъ, казацкая колонизація захватила теченіе Дона, но пока въ XVII вѣкѣ территорія фактически не принадлежала Московскому государству. Однако Крымъ, въ особенности же Турція, съ нескрываемой боязнью смотрѣли на растущую народную колонизацію. Сама постройка крѣпостей по берегу Азовскаго моря указывала на то, какъ Турція смотрѣла на казаковъ, съ которыми происходили постоянно мелкіе стычки и схватки на почвѣ борьбы за звѣриные ловы, гоны и рыбныя богатства.

VII.

Образованіе казачества во многомъ содѣйствовало покоренію Сибирскаго царства, возникшаго въ западной Сибири. О Сибири имѣли давно свѣдѣнія. Доходили до нея и новгородская вольница, и экспедиція при Иванѣ III въ Югорскую землю за сборомъ ясака у вогуловъ и остяковъ. На востокѣ и югѣ Югорской земли расположились кочевьями сибирскіе татары по Тоболу, Ишиму и Иртышу. Они обособились въ отдѣльное царство, включавшее вогуловъ и остяковъ. Послѣ паденія Казани Сибирское ханство состояло въ данническихъ отношеніяхъ по отношенію къ Москвѣ, но послѣ ливонскихъ неудачъ ханъ Кучумъ отказался платить дань, настраивая инородцевъ противъ Москвы и нападая на Пермскую землю. Правительство было очень озабочено охраной Пермской Украйны. До покоренія Казани русское населеніе держалось только въ верховьяхъ Камы и Вятки, но затѣмъ русская колонизація становится особенно замѣтной именно въ камскомъ бассейнѣ. Въ этомъ отношеніи выдѣлялась дѣятельность солянопромышленниковъ Строгановыхъ, имѣвшихъ большія имѣнія въ Сольвычегодскомъ у Устюжскомъ краѣ. Ихъ колонизаторской дѣятельности обязано заселеніе многихъ мѣстъ, „гдѣ прежде сего пашни не пахиваны и дворы не стаивали“. Въ 1574 году Строгановы обратились къ Грозному съ просьбой о пожалованіи имъ земель по Тоболу и его притокамъ, съ правомъ держать и строить крѣпости, заводить тамъ слободы, пашни, владѣть угодьями, содержать сторожей и огненный парядъ, Грозный далъ на это согласіе, освободивъ Строгановыхъ на 20 лѣтъ отъ платы подачей и отъ земскихъ повинностей, а также отъ суда пермскихъ намѣстниковъ и разрѣшивъ разыскивать мѣдную, свинцовую руду и горючую сѣру.

Давая утвердительный отвѣтъ на челобитье Строгановыхъ, правительство надѣялось на умиротвореніе восточной Украйны, постоянно тревожимой нападе-

ніями, а укрѣпленіе русской власти за Ураломъ обезпечивало исправный взносъ ясака сибирскими инородцами и усиливало возможность пріобрѣтенія новыхъ плательщиковъ.

Перенесеніе военныхъ дѣйствій за Уралъ превышало собственныя средства Строгановыхъ. Долгое время ихъ намѣренія не могли осуществиться, пока къ нимъ не явились казацкія дружины, промышлявшія разбоемъ на Волгѣ. Строгановы приняли ихъ съ удовольствіемъ къ себѣ на службу и снарядили экспедицію за Уралъ. По внѣшности кончилась она блестяще. Сибирское царство было покорено, сибирскіе татары должны были подчиниться казакамъ, вооруженнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Но завоеваніе Сибири оказалось непрочнымъ. Съ гибелью Ермака Сибирь стала снова фактически независимой, и ее снова пришлось покорять; но теперь правительство начинаетъ дѣйствовать поиному, развивая широкую колонизаціонную дѣятельность.

Посылая казаковъ въ Сибирь, правительство Ѳедора Ивановича предписало имъ построить тамъ городъ и укрѣпиться въ немъ.

Въ 1576 году воеводы построили первый русскій городъ, Тюмень на рѣкѣ Турѣ. Начинается медленная, но систематическая постройка городовъ съ поселеніемъ въ нихъ военнаго и отчасти торговаго элемента, отнимавшая постепенно у инородцевъ все большія и большія пяди земли. Въ 1586 году строится Тобольскъ на Иртышѣ, ниже впаденія въ него Тобола, ставшій операціонной базой противъ Кучума. Затѣмъ постройкой небольшихъ городовъ въ бассейнѣ Иртыша и Оби правительство дошло до береговъ Оби; въ 1594 году строится на ней Сургутъ въ землѣ остяковъ, ставшихъ съ 1596 года платить дань московскому правительству. Двигаясь по верховьямъ Оби, въ 1597 году построили на рѣкѣ Кети Кетскій Острожекъ. Такъ правительство, двигаясь по рѣкамъ, постепенно отвоевывало у инородцевъ сибирскую территорію. Въ 1598 году построенъ на рѣкѣ Турѣ Верхотурье, и Туринскъ (1601). Правительство начинаетъ сообщаться съ Сибирью и сухимъ путемъ. Строя города, также все двигались дальше и дальше въ другомъ направленіи, вглубь Сибири, покоряя татаръ, киргизовъ и облагая ихъ ясакомъ. Въ 1604 г. появляется Томскъ на рѣкѣ Томи, и вслѣдствіе этого самаго все населеніе по верхней Оби стало платить ясакъ. На время смуты колонизаціонное движеніе прекращается, возобновляясь съ новой силой въ XVII вѣкѣ.

Быстротѣ колонизаціоннаго потока немало содѣйствовало сближеніе системъ рѣкъ Енисея и Лены. По Нижней Тунгузкѣ, черезъ Чанъ и Вилюй, попадали въ Лену; туда же попадали и по другой дорогѣ—по Верхней Тунгузкѣ черезъ Кутъ—притокъ Лены—въ Лену, доходя до Ледовитаго океана, а потомъ по Алдану и его притоку Маю до Охотскаго моря.

Колонизаціонное теченіе шло настолько быстро, что въ 1619 году уже былъ выстроенъ Енисейскій острогъ, и енисейскіе тунгузы были приведены въ „ясачное“ состояніе. Въ 1628 году выстроили Красноярскъ, такъ какъ съ юга нападали татары и киргизы, а съ востока бурята. Послѣ этого населеніе по верховьямъ Енисея стало платить ясакъ. Изъ Красноярска снаряжались экспедиціи служилыхъ людей къ верхней Тунгузкѣ для обложенія данью тунгузовъ и бурятъ. Въ результатѣ ихъ построили Братскій Острогъ, а жившіе тамъ тунгузы и бурята оказались покоренными.

Затѣмъ, съ верхней Тунгузки, черезъ Ишимъ и Куту, удалось пробраться до Лены, и въ 1632 году уже посреди Лены появился Якутскій острогъ въ землѣ якутовъ.

Тотъ же захватъ территоріи шелъ и по другому направленію, по Нижней Тунгузкѣ и Вилюю, а мѣстные якуты облагались данью, не безъ выгоды для промышлявшаго здѣсь казачества.

Якутскъ сталъ центромъ для всякаго рода казацкихъ экспедицій. Послѣ-

дпія внизъ по Лепѣ дошли до Ледовитаго Океана, отсюда дошли до рѣки Оленька, потомъ опять па Лену. Затѣмъ добрались до верховья Яна и Индигирки и, наконецъ, до рѣки Колыми, облагая мѣстныхъ инородцевъ якутовъ и юкагировъ данью. Такъ, сѣверъ Сибири постепенно захватывался русскимъ населеніемъ.

Въ то же время изъ Якутска, черезъ Алданъ и Маю, казаки добрались до Охотскаго моря, обложивъ тунгузовъ и другихъ инородцевъ ясакомъ. Въ 1643 году изъ Якутска была отправлена экспедиція къ рѣкѣ Амру, такъ какъ здѣсь, по свѣдѣніямъ тунгузовъ, жили люди, сѣявшіе хлѣбъ, имѣвшіе домашній скотъ, добывавшіе серебряную, мѣдную и свинцовую руду. Экспедиціонный отрядъ дошелъ до Амура и дальше до его устья, а потомъ вернулся въ Якутскъ инымъ путемъ: рѣками Ульею, Майею, Алданомъ и Леною. Эта рекогносцировка подтвердила свѣдѣнія, сообщенныя тунгузами, но, собственно, не дала никакихъ положительныхъ результатовъ. При царѣ Михаилѣ черта русскаго населенія доходила до Байкала, а жившіе здѣсь тунгузы платили ясакъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ движеніе на востокъ направляется за Байкалъ и на Амуръ, а также въ Анадырскую область. Постройкой ряда мелкихъ городковъ русскіе дошли до Амура, гдѣ столкнулись съ китайцами, такъ какъ русскіе собирали дань съ подвластныхъ китайскому богдыхану инородцевъ. Столкновеніе уладилось дипломатическимъ путемъ, въ результатѣ котораго была уступка китайцамъ по Нерчинскому договору рѣки Амура (1689 г.).

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ колонизаціонная волна направилась и на югъ, въ болѣе теплыя мѣстности Сибири, въ цѣляхъ ихъ эксплуатаціи и подчиненія инородцевъ. Тамъ выстроили Ундинскій острогъ (1654), затѣмъ Исетскій острогъ (въ 1658 г.), Балаганскій (въ 1661 году) и въ 1661 же Иркутскій на рѣкѣ Верхней Тунгузкѣ (Ангарѣ) при впаденіи Иркута. Расширяется также черта поселеній къ югу, по Исети, Тоболу и Ишиму. Цѣлый рядъ слободъ и нѣсколько острожковъ явились показателями колонизаціонной волны.

Въ XVII вѣкѣ колонизаціонное теченіе захватило огромное пространство— всего около 150 тыс. миль; и на этомъ огромномъ пространствѣ ютились малочисленныя русскія колоніи, поддерживавшія въ подчиненіи мѣстныхъ инородцевъ и собиравшія съ нихъ ясакъ на крупную сумму до 600 тыс. руб., на наши деньги до 9 мил.

Выстраивая городки въ Сибири, правительство было очень озабочено снабженіемъ ихъ достаточнымъ количествомъ военной служилой массы. Обыкновенно, воеводѣ, назначенному въ Сибирь, разрѣшалось брать съ собой добровольцевъ для службы въ Сибири. Желающіе переселяться получали отъ правительства подмогу и на казенныхъ подводахъ отправлялись въ Сибирь.

Но добровольцевъ находилось немного, и тогда правительство было вынуждено обратиться къ принудительному способу наполненія Сибири военно-служилымъ элементомъ. Служилые люди иныхъ городовъ попросту переводились на службу въ Сибирь, а къ нимъ присоединялись военноплѣнные и провинившіеся служилые люди, которыхъ тамъ верстали „въ дворяне, и въ дѣти боярскіе, и въ казаки, и въ стрѣльцы“. Переселившіеся добровольно или по принужденію получали денежное и хлѣбное жалованіе, пока имъ не удавалось обзавестись собственной пашней.

За военными людьми шли въ Сибирь и представители иныхъ профессій: бѣлое и черное духовенство со всякаго рода родственниками, работниками, келейниками. И духовенство получало подмогу на проѣздъ и денежное и хлѣбное жалованіе въ Сибири. Съ появленіемъ духовенства строились церкви и монастыри, открывались архіерейскія каѳедры.

Особенно много заботъ доставлялъ правительству вопросъ о переселеніи въ Сибирь рабочаго элемента. Правда, нѣкоторые изъ служилыхъ людей брали

съ собой холоповъ и захребетниковъ, но количество послѣднихъ было незначительно, и культурная работа не могла начаться въ Сибири только при содѣйствіи этихъ элементовъ.

Крестьянская масса переводилась въ Сибирь добровольно и принудительнымъ путемъ. Переселенцамъ были обѣщаны льготы отъ податей и повинностей на нѣсколько лѣтъ, подмога и ссуда въ разныхъ размѣрахъ. Размѣры подмоги иногда доходили до 100 и 135 рублей. По принужденію перевозились дворцовые крестьяне. Попадали въ крестьяне плѣнные и отчасти ссыльные. За крестьянами шли въ Сибирь и посадскіе. Вызывались добровольцы, а такъ какъ таковыхъ было немного, то обыкновенно правительство обращалось къ принудительному переселенію. Посадскіе нужны были въ Сибири для отправленія разныхъ государевыхъ службъ: по таможнямъ, кабакамъ и т. д. Переводились сюда и ямщики для устройства ямовъ. Такимъ образомъ, заселеніе Сибири шло большею частью подъ руководствомъ правительства, хотя началось оно и одновременно съ постройкой городовъ продолжалось также силами народной колонизаціи. Волна послѣдней то приливала для торга и промысла къ безопаснымъ укрѣпленіямъ, то уходила далеко за ихъ линію, торгуя, промышляя звѣремъ и грабя инородцевъ.

VIII.

Въ настоящее время почти невозможно нарисовать детальную картину колонизаціи нашего сѣвера и сѣверо-востока, но и при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о колонизаціи края нельзя не отмѣтить въ этомъ отношеніи огромной роли монастырей, причемъ послѣднее одинаково примѣнимо какъ къ XIII—XV, такъ и къ XVI — XVII вв. Благодаря колонизаціонной дѣятельности монастырей, въ разныхъ мѣстахъ сѣвера, подчасъ очень отдаленныхъ, возникали селенія, появлялись погосты и слободы, а затѣмъ начиналась мирная хозяйственная дѣятельность, сопровождаемая эксплуатаціей природныхъ богатствъ нашего сѣвера. Трудно даже приблизительно вычислить количество монастырей, появившихся въ это время. Нѣкоторые изъ нихъ были монастырями общежительными по типу, съ немалымъ количествомъ иноковъ и старцовъ; другіе же—представляли собою пустынь, возникшую среди лѣсовъ и болотъ, съ двумя тремя старцами. Въ монастыряхъ перваго типа велось обширное хозяйство, находившееся въ рукахъ монастырскихъ приказчиковъ, на земляхъ монастырей живутъ крестьяне и монастырскіе дѣтеныши; въ пустыняхъ— хозяйственная работа совершалась руками самихъ отшельниковъ, пока, подъ вліяніемъ разныхъ условій, около отшельниковъ не собирались почитатели, и пустынь не превращалась въ общежительный монастырь.

Монастыри въ XVI и XVII вв. возникали совершенно при такихъ же обстоятельствахъ, какъ и въ предыдущее время. Неудовлетвореннаго жизнью въ монастырѣ тянула къ себѣ величавая природа сѣвера, угрюмость которой совпадала съ его презрѣніемъ къ міру и его благамъ. Обыкновенно инокъ искалъ себѣ уединенія гдѣ нибудь въ глуши, въ мѣстѣ, которое „непроходимыя дерби и лѣсы темные, и чащи, и дрязги всякія имать, и мхи, и блата непостоянныя“. Тутъ строилась келія и часовня, а затѣмъ, когда около отшельника собираются его послѣдователи, строятся церковь и келіи, начинается хозяйственная разработка дебрей. Такъ, въ разныхъ мѣстахъ сѣвера возникали удаленные отъ людей и міра скиты, пустыни, развивавшіе здѣсь свою хозяйственную дѣятельность, расширяя предѣлы русской населенности все дальше и дальше на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Къ этой монастырской колонизаціи присоединяется въ XVII в. раскольничья, но учесть ея размѣры и результаты почти невозможно, хотя, можно предполагать, что ея размѣры были немалы. Въ XVI вѣкѣ монастыри добрались до перешейка между Ладожскимъ и Онеж-

скимъ озеромъ, спустились внизъ по Сухонѣ и поднялись вверхъ по Вычегдѣ, гдѣ столкнулись съ монастырями, основанными св. Стефаномъ. Монастыри захватили огромную территорію, такъ что въ XVII в. колонизаціонный процессъ происходитъ внутри территоріи, захваченной монастырями въ XVI в. Изъ монастырей, проявившихъ въ XVI в. усиленную колонизаторскую дѣятельность, необходимо отмѣтить Соловецкій и Троицко-Сергіевскій. Благодаря дѣятельности перваго постепенно заселялись берега Бѣлаго моря.

Когда какой-либо монастырь осваивалъ землю и начиналъ на ней свою хозяйственную дѣятельность, онъ обыкновенно выпрашивалъ у государя грамоту объ утвержденіи за нимъ занятыхъ земель съ пожалованіемъ ему въ окрестностяхъ разныхъ угодій. Просьбы монашествующей братіи всегда встрѣчали полное сочуствіе со стороны власти,—не только земля оставалась за монастыремъ, правительство при этомъ давало монастырю разнаго рода льготы по платежу податей и несенію повинностей, освобождало отъ подсудности мѣстнымъ властямъ, благодаря чему на земли такого монастыря стекалось немало народа изъ среды крестьянъ, что еще болѣе развивало хозяйственную дѣятельность монастыря. Около большихъ монастырей селилось немало торгово-промышленнаго люда, такъ какъ большіе и почитаемые монастыри всегда привлекали къ себѣ много народа, въ особенности въ праздничные дни, и естественно, что около монастырей возникали всякаго рода торги, ярмарки. Изъ такихъ посадовъ впослѣдствіи выростали иногда города.

IX

Ростъ государственной территоріи непрерывно продолжался втеченіе XVI и XVII вѣковъ, хотя иногда его темпъ нѣсколько замедлялся, въ зависимости отъ внѣшнихъ столкновеній и внутреннихъ соціально-политическихъ причинъ.

Расширеніе государственной территоріи было слѣдствіемъ передвиженія населенія, гонимаго то кризисами, то соціальными условіями. Иногда правительство даже боролось съ этой *народной колонизаціей*, иногда пользовалось ею въ своихъ цѣляхъ.

Само правительство въ XVI—XVII вѣкахъ силой обстоятельствъ было вынуждено вести сложную политику *правительственной колонизаціи*. Ему нужно было бороться съ неуловимымъ подвижнымъ кочевникомъ,—единственнымъ средствомъ борьбы была постройка городовъ и укрѣпленныхъ „чертъ“, опаясавшихъ страну отъ Камы до Днѣпра. Эти грандіозныя мѣропріятія требовали массы служиваго люда, услуги котораго частью оплачивались землей, отбитой у кочевниковъ.

Измѣненіе соціально-политическаго уклада въ государствѣ содѣйствовало росту казачества и притоку населенія на юго-восточныя и восточныя окраины. Притоку населенія въ южную окраину во многомъ содѣйствовали неудачи казацкихъ войнъ съ Польшей: казаки и казацкіе полки бѣжали въ предѣлы Московскаго царства.

На колонизируемыхъ мѣстахъ населеніе устраивалось различнымъ образомъ: дворяне и дѣти боярскіе получали оклады, надѣлялись землею и низшіе служилые люди, занимавшіеся кромѣ того въ городахъ торговлей и ремеслами; крестьянская масса сильно развивала промысловую дѣятельность, кое-гдѣ переходя къ земледѣлію.

Необходимость защиты пермской украйны повлекла за собой столкновеніе съ сибирскими инородцами, а затѣмъ началось медленное поступательное движеніе впередъ, распространившее черту русской осѣдлости до Охотскаго моря и Камчатки на востокѣ и Ледовитого Океана на сѣверѣ. Характеръ

колонизаціи Сибири напоминаетъ собой подобные процессы на нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ.

Въ результатѣ, территорія русскаго государства достигла колоссальныхъ размѣровъ, но населенность страны не соотвѣтствовала ея размѣрамъ. Эта непропорціональность отражалась на способѣ веденія хозяйства, хищническаго по преимуществу.

II. Причины возвышенія Москвы.

Географическое положеніе. Хозяйственная дѣятельность князей. Отношеніе боярства къ усиленію Москвы. Удѣльная усобица при Василіи III и отношеніе къ ней боярства. Удѣльное боярство и московскіе князья. Духовенство и московскіе князья. Поддержка татаръ.

Московское княжество занимало весьма удобное географическое положеніе, которое было основной причиной роста княжества. Въ рукахъ Московскаго князя находился весьма важный торговый путь, содѣйствовавшій развитію хозяйственной дѣятельности населенія и дававшій князьямъ значительныя матеріальныя средства, которыя ими были использованы для пріобрѣтенья разныхъ „примысловъ“ и для упроченія своего вліянія въ Ордѣ. Защищенное съ сѣвера-востока и юго-востока—Суздальско-Нижегородскимъ и Рязанскимъ княжествами, Московское княжество почти не испытывало татарскихъ набѣговъ, каковые больно давали себя чувствовать пограничнымъ и открытымъ княжествамъ. Это имѣло огромныя послѣдствія. Населеніе, охватившее въ XII и XIII вв. огромную территорію, и казалось прочно осѣвшее на своихъ мѣстахъ, въ XIV и XV вв. снова двинулось съ своихъ мѣстъ и направилось во внутрь и глубь сѣверо-восточныхъ земель, спасаясь отъ хищника-татарина. Эта обратная колонизація шла по преимуществу въ Москву, увеличивая ея населеніе и поднимая экономическое состояніе княжества, увеличивая княжескіе доходы и статьи. Мало-по-малу, Московское княжество превратилось въ этнографическій центръ великорусскаго племени. Съ увеличеніемъ плотности населенія, благодаря осторожной внѣшней политикѣ, населеніе могло спокойно заниматься промыслами. Расчищались лѣса и болота, появлялись новые починки, деревни. Княжество жило интенсивной хозяйственной жизнью. Такимъ образомъ, самое населеніе, направившееся въ Московское княжество, подняло его экономическое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличило его и политическое вліяніе. Кромѣ того, Москва служила посредникомъ Новгородской торговли. Черезъ Москву привозили въ Новгородъ продукты, сбывавшіеся новгородцами—нѣмцамъ: медъ, воскъ, мѣха, шедшія изъ богатаго Рязанскаго края и новгородскихъ владѣній, наиболѣе удобный путь въ которыя лежалъ черезъ Москву. Наконецъ, центральное положеніе Москвы въ междурѣчьи дѣлало ее главнымъ торговымъ центромъ, преимущественно по продажѣ хлѣба. Отсюда послѣдній вывозился въ Новгородъ, постоянно нуждавшійся въ привозномъ хлѣбѣ. Такъ началась, росла и крѣпла экономическая связь Новгорода съ Москвой. Это давало московскому князю немалый доходъ. Московскіе князья довольно рано оцѣнили выгодное положеніе княжества и стали искусно пользоваться его рессурсами для добыванія разныхъ „примысловъ“ при неизмѣнномъ сочуствіи населенія, видѣвшаго такого рода дѣятельности князей залогъ своего благополучія. Однако, не слѣдуетъ преувеличивать ловкость и умѣніе пользоваться обстоятельствами и хозяйственную дѣятельность князей. Они скорѣе поступали, какъ автоматы, приведенные въ движеніе другой силой, чѣмъ какъ живыя личности. Стремясь увеличить свои владѣнія, князья не отличались особенной щепетиль-

ностью въ выборѣ средствъ для нанесенія удара врагу: помощь татаръ, насильственный захватъ, покупка, бракъ, ссуда деньгами, обращеніе къ содѣйствію духовенства, налагавшаго интердиктъ на городъ, вызвавшій княжеское неудовольствіе (Сергѣй Радонежскій Н.-Новгородъ)—вотъ пріемы политической ловкости и мудрости московскихъ князей. Расширеніе территоріи Московскаго княжества было въ интересахъ московскаго боярства и духовенства. И тѣ и другіе всячески содѣйствовали князьямъ въ ихъ политикѣ. Ростъ территоріи и возвышеніе московскаго князя вполнѣ совпадали съ интересами боярства, такъ какъ наградой за поддержку и службу служили денежныя и земельныя подачки князей. Вотъ почему московское боярство и князья шли рука объ руку, поддерживая и помогая другъ другу. Значеніе боярства особенно выступало въ нѣкоторые критическіе моменты жизни Московскаго княжества. Такъ въ малолѣтство Димитрія Донского бояре отняли у Суздальскаго князя, Димитрія Константиновича, велико-княжескій ярлыкъ, выступивъ предъ ханами представителемъ интересовъ московскаго князя. Правда, тутъ они руководились болѣе своекорыстными расчетами, нежеланіемъ допустить возвышенія Суздальскихъ бояръ, чѣмъ опредѣленной политической идеей. Кромѣ того въ присоединеніи Нижняго Новгорода, Твери, Рязани мѣстное боярство оказало незамѣнимыя услуги. Привлекаемые богатствомъ и значеніемъ московскаго князя—они отказали въ службѣ своимъ князьямъ и перешли на службу въ Москву, обласканные и одаренные ея князьями. Конечно, въ минуту послѣдней удѣльно-феодальной реакціи, въ борьбѣ Василія II *) боярство, выступая хранителемъ интересовъ московскаго князя, сыграло важную роль въ исторіи возвышенія княжества. Князья хорошо понимали значеніе боярства; не даромъ въ ихъ завѣщаніяхъ встрѣчается стереотипная фраза—„любить бояръ и слушаться ихъ совѣтовъ“, словно безъ совѣта этихъ опытныхъ дѣльцовъ московскіе князья были политическими младенцами. И духовенство довольно рано оцѣнило выгоды роста Московскаго княжества и союза съ княжеской властью. Вотъ почему оно неизмѣнно выступало его союзникомъ и сторонникомъ. Вѣдь увеличеніе богатства княжества такъ или иначе должно было отразиться и на матеріальномъ положеніи церкви. Это и понялъ митрополитъ Ѳеогностъ, окончательно поселившійся въ Москвѣ, благодаря чему она стала религіознымъ центромъ значительно ранѣе, чѣмъ стала центромъ политическимъ. Онъ отлучилъ отъ церкви князя Александра Михайловича Тверского, нашедшаго убѣжище въ Псковѣ, и наложилъ интердиктъ на весь Псковъ. Преемники Ѳеогноста жили у гроба св. Петра и въ трудныя минуты жизни княжества выступали на защиту князя. Такъ митрополитъ Алексѣй, неоднократно ѣздившій въ Орду, пріобрѣлъ тамъ прочныя симпатіи, чѣмъ укрѣпилъ положеніе слабаго Ивана Краснаго и поддерживалъ его въ борьбѣ съ князьями, нежелавшими признавать его великимъ княземъ. Съ благословенія митрополита былъ положенъ св. Сергіемъ интердиктъ на Н.-Новгородъ, чѣмъ привелъ его въ покорность, а во время борьбы Василія II съ дядей Юріемъ Дмитріевичемъ и сыновьями Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой—духовенство неизмѣнно выступало сторонникомъ московскаго князя принципъ національнаго объединенія мало-по-малу ставшаго доминировать въ политикѣ московскихъ князей. Нельзя забывать и о помощи татаръ, собственноручно подготовившихъ себѣ гибель. Предпочитая получать исправно дани отъ московскаго князя, одарявшаго хана подарками, они во всѣхъ предпріятіяхъ московскихъ князей были на сторонѣ послѣднихъ, содѣйствуя имъ въ борьбѣ съ Новгородомъ и Тверью, забывая, что всякое усиленіе московскаго князя ведетъ къ ослабленію ихъ политическаго вѣса и значенія.

*) Съ братомъ, Юріемъ Звенигородскимъ и его сыновьями Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой.

III. Народное хозяйство XIV—XVII вв.

Хозяйство XIV—XV вв.

Природныя условія сѣверо-восточной Руси были въ общемъ мало благопріятны для развитія сельскохозяйственной культуры, и тѣмъ не менѣе край, богатый лѣсами и болотами, постепенно становится центромъ сельскохозяйственной культуры. Приливавшее сюда населеніе принималось за интенсивную обработку лѣсныхъ подъ пашню богатствъ и, напрягая до чрезмѣрности свои силы, вопреки природѣ достигло весьма значительныхъ результатовъ. Селившіеся здѣсь монахи были обыкновенно „земледѣлателями". Сельское населеніе, вынужденное жить на частновладѣльческихъ земляхъ, какъ духовныхъ такъ и свѣтскихъ, обыкновенно обязывалось исполнять разнаго рода сельскохозяйственныя работы пашню пахать, сѣять и жать, рожь молоть, хлѣбъ печь, салодъ молоть, на сѣмя рожь молотить"... Однако, несмотря на развитіе сельскаго хозяйства частновладѣльческая запашка не была развита, почти вся земля находилась въ пользованіи оброчнаго и барщинаго крестьянства. При отстутствіи рынка для сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, землевладѣльцамъ не имѣло никакого смысла вести интенсивное сельское хозяйство разъ продукты шли на удовлетвореніе собственныхъ нуждъ. Оброкъ, доставляемый крестьянами, былъ вполнѣ достаточенъ для удовлетворенія домашнихъ потребностей, Несмотря на мало благопріятныя климатическія условія, въ сѣверо-восточной Руси воздѣлывалась рожь, пшеница, просо, ячмень, овесъ, ленъ, конопля, гречиха, зато огородничество и садоводство сравнительно съ земледѣліемъ играло значительную роль, и предназначалось для удовлетворенія домашнихъ потребностей. Обиліе луговъ и поженъ давало большой просторъ для развитія скотоводства. Крупные землевладѣльцы, князья, бояре и монастыри, были часто собственниками большаго количества стадъ. Подъ напоромъ сельскохозяйственной культуры другіе промыслы и занятія теряли свое прежнее значеніе. Такъ стало исчезать бортничество, отрасль народнаго хозяйства. Не говоря уже о томъ, что климатическія условія позволяли заниматься бортничествомъ только на югѣ и востокѣ сѣверо-восточной Руси, въ Рязанскомъ и Нижегородскомъ княжествахъ появляется особый разрядъ крестьянъ и „бортниковъ", которые, подъ условіемъ уплаты оброка получаютъ отъ землевладѣльца землю и обязываются эксплуатировать борти и доставлять опредѣленное количество меда. Тамъ же бортники жили въ одиночку, а иногда цѣлыми семьями, и часто получали отъ князей особыя иммунитетныя грамоты, охранявшія ихъ права и преимущества. И охота заняла второстепенное мѣсто въ народномъ хозяйствѣ, расчистка лѣса подъ пашню влекала за собой гибель звѣря. Экстенсивная его эксплуатація тоже содѣйствовала довольно быстрому исчезновенію звѣрей. Только на сѣверѣ сохранились еще звѣри:—соболи въ Югрѣ, медвѣди Бѣлозерской области, бѣлки, бобры и соболи въ Двинской землѣ. Князья же все, таки оставались страстными охотниками. Но на населеніи эта княжеская забава отражалась довольно тяжело, такъ оно было обязано давать пристанище всей государевой свитѣ, подводамъ и проводникамъ. Сѣверо-восточная Русь была чрезмѣрно богата водой, рѣками, и озерами. Благодаря этому рыбныя ловли были разбросаны по всей торриторіи сѣверо-восточной Руси. Княжескія ловли лежали, по Сурѣ, Дону, Волгѣ, Шекснѣ, Бѣломъ озерѣ. Точно также благодаря добыванію соли въ Переяславскомъ и Ростовскомъ озерахъ и отчасти въ Не-

рехтѣ. Солигаличѣ въ Владимірской и Костромскихъ земляхъ, у Ледовитаго океана было распространено солевареніе.

Сохранившіяся извѣстія мало сообщаютъ свѣдѣніи о состояніи обрабатывающей промышленности въ изучаемую эпоху. Однако кое-какія данныя все же есть. Климатическія условія, мало благопріятныя для постоянныхъ занятій сельскимъ хозяйствомъ, оставляли населенію много свободнаго времени, которое оно могло использовать путемъ приложенія своихъ силъ къ разнаго рода видамъ обрабатывающей промышленности. Въ сѣверо-восточной Руси обиліе лѣса толкало населеніе въ сторону лѣсной промышленности, и памятники указываютъ на наличность разныхъ производствъ изъ дерева. Кажется, плотничество являлось едвали не самымъ распространеннымъ занятіемъ населенія. Въ свою очередь плотники дѣлились на разряды по ходу издѣлій. Памятники знаютъ древодѣловъ, мостниковъ, городниковъ. Рядомъ съ плотниками идутъ бондари, столяры колесники. Существовали ремесленники токари, выдѣлывавшіе деревянныя ложки, рѣзные кубки и различные другіе предметы домашняго обихода. Съ XIV столѣтія получило значительное распространеніе и каменное мастерство. Постройки монастырей и ихъ стѣнъ, сооруженіе княжескихъ палатъ, кремлей и разнаго рода построекъ въ значительной степени толкали населеніе въ сторону занятія каменнымъ мастерствомъ. Сравнительно мало было развито металлическое производство, но наличность его внѣ сомнѣнія. Памятники указываютъ на наличность кузнецовъ, кательщиковъ, гвоздочниковъ, ковшечниковъ, оловянниковъ, серебряниковъ, выдѣлывавшихъ предметы домашняго обихода, сельскохозяйственныя орудія, различные инструменты и оружіе. Въ казнѣ княжеской, боярской и монастырской всегда можно было отмѣтить наличность большого количества золотыхъ и серебряныхъ и разныхъ издѣлій изъ драгоцѣнныхъ металловъ, впрочемъ совершенно неизвѣстныхъ широкимъ слоямъ народной массы. Потребностями церковнаго строительства было вызвано развитіе мѣднаго и литейнаго производства. Несмотря на свою примитивную технику, ремесленники отливали колокола паникадила, подсвѣчники, лампады двери для храмовъ и различные предметы церковной утвари. Наконецъ, благодаря распространенію сельскаго хозяйства былъ налицо матеріалъ для развитія текстильнаго производства, льнянаго, шерстяного, суконнаго. Производствомъ различныхъ тканей занимались большею частью женщины. Каждая семья приготовляла все необходимое для себя, но встрѣчались мастера, готовившіе предметы производства для продажи. Спеціалисты—портные шили платье изъ иностраннаго сукна, мѣховыя шубы. Потребностями домашняго обихода было вызвано и кожевенное производство такъ обувь шили изъ кожи и сафьяну. Несмотря на наличность многочисленныхъ видовъ ремеслъ—все уже трудно сказать, насколько обрабатывающая промышленность глубоко проникла въ народную жизнь и насколько видное мѣсто она занимала въ народномъ хозяйствѣ великорусскаго племени.

Географическое положеніе сѣверо-восточной Руси мало благопріятствовало развитію торговли и тѣмъ не менѣе постепенно завязывались торговыя связи и намѣчались новые торговые пути. Первое время, заподчиненіемъ СВ. Руси татарамъ, она была совершено изолирована въ торговомъ отношеніи, но съ теченіемъ времени СВ. Русь вступила въ торговое общеніе съ сосѣдями.

Русскіе купцы ѣздили въ Крымъ, въ Кафу и Суажъ, гдѣ и продавали преимущественно, мѣха генуэзскимъ купцамъ. По мѣрѣ установленія отношеніи къ татарамъ упрачивалась восточная торговля по рѣкѣ Волгѣ. Ея центромъ становится золотая Орда. Сюда пріѣзжали разные восточные купцы, привозившіе товары восточнаго производства какъ-то: шелковыя ткани, драгоцѣнные камни, золотыя и серебрянныя издѣлія, оружіе. Съ своей стороны, и русскіе купцы рѣшались отправляться съ товарами въ далекія страны, проникая въ

глубь средней Азіи, до Самарканда. Они вывозили мѣха, медъ, воскъ, льняныя одежды. И татары не относились безучастно къ развивавшемуся внѣшнему товаро-обмѣну. Ежегодно въ Москву они пригоняли большое количество степныхъ лошадей.

Кромѣ того, русскіе купцы ѣздили къ гор. Болгары, ставшему виднымъ торговымъ центромъ на р. Камѣ. Но эта торговля имѣла второстепенное значеніе въ сравненіи съ торговлей въ Золотой Ордѣ.

Съ паденіемъ Константинополя торговыя сношенія прекратились съ генуэзскими купцами, и восточная торговля потеряла всю свою интенсивность.

Отдаленное отъ Запада Новгородской и Смоленской землями, Московское княжество не могло принимать активнаго участія въ заграничной торговлѣ. Однако связи торговыя все же поддерживались. Въ Суздалѣ бывали иностранные купцы, но размѣръ торговыхъ оборотовъ не можетъ быть опредѣленъ. Помимо этого, русскіе купцы поддерживали торговыя связи съ другими городами: Новгородомъ, куда продавали хлѣбъ, воскъ, ленъ, хмель, съ Западною Русью, куда издавна въ Вильнѣ пріѣзжали для торговли сѣверо-восточные купцы. Заѣзжали купцы и въ другіе города. Въ XV вѣкѣ тверичане вели торговыя сношенія съ Смоленскомъ, Дорогобужемъ, Кіевомъ, Полоцкомъ.

Натурально-хозяйственный укладъ жизни сѣвер.-вост. Руси предназначалъ производство разныхъ продуктовъ для собственнаго потребленія, а не для сбыта, и однако все-же можно говорить о наличности внутренней торговли, которая къ концу XV в. приняла значительные размѣры, что и вызвало необхоимость чеканки монеты рубля. Развитіе внутренней торговли зависило отъ развитія внѣшней, такъ какъ населеніе свозило необходимые товары въ различныя мѣста, предназначенныя для торговли. Помимо этого, между опредѣленными мѣстностями существовалъ естественный обмѣнъ продуктами, которыхъ недоставало въ той или другой области. Такъ, приволжскія земли получали соль изъ сѣвернаго края, который, въ свою очередь, получалъ необходимый для себя хлѣбъ. На мѣстныхъ рынкахъ населеніе продавало продукты своего производства, въ особенности спеціалисты мастера. Примитивный хозяйственный укладъ жизни служилъ значительнымъ тормозомъ для развитія внутренней торговли. Неменьшимъ тормозомъ являлась и таможенная политика князей, крайне стѣснительная для населенія, занимавшагося торговлей, да и пути сообщенія были мало удовлотворительны, въ особенности, сухопутные. Подведемъ итоги:

1) въ теченіе XIII—XV в.в. главной отраслью народнаго труда становится сельское хозяйство;

2) добывающая промышленность отступаетъ на задній планъ. Сохраняетъ свое значеніе только рыболовство, солевареніе, благодаря благопріятнымъ для этого условіямъ;

3) наличность развитія и обрабатывающей промышленности налицо, но размѣры ея не могутъ быть точно представлены;

4) несмотря на неудобное географическое положеніе, торговыя связи сѣверо-восточной Руси постепенно возобновились. Восточная торговля преобладала надъ Западной.

5) ростъ внѣшней торговли способствовалъ развитію внутренняго товарообмѣна. Тому же способствовалъ обмѣнъ между областями естественными продуктами своего производства. Условія для развитія товаро-обмѣна были въ общемъ мало благопріятны.

Землевладѣніе въ XV—XVI вѣкахъ.

Характеръ землевладѣнія въ удѣльную эпоху. Виды землевладѣнія.

Особенности колонизаціоннаго процесса въ сѣверо-восточной Руси, и усиленная правительственная дѣятельность князей способствовала укрѣпленію

взгляда князей на свое княжество, какъ на вотчину. Удѣльный князь теоретически являлся собственникомъ всей подвѣдомственной ему территоріи. Населеніе, жившее на такой территоріи, находилось въ податномъ подчиненіи отъ мѣстнаго князя и уплачивало ему соотвѣтствующіе оброки. Однако, одновременно съ „окняженіемъ“ земли появилось и ея „обояреніе“, правда не столько замѣтное, какъ первое. Въ удѣльную эпоху появились частные землевладѣльцы—вотчинники, роспоряжавшіеся своими землями по своему усмотрѣнію и пользовавшіеся при этомъ существенными финансовыми и судебными привилегіями—иммунитетами. Параллельно этому стало развиваться и церковное землевладѣніе. Монахи, селясь среди лѣсовъ и болотъ, основывали пустыни, устраивали свое хозяйство, а затѣмъ постепенно осваивали и сосѣднія земли, отчасти черезъ пожалованія князей, отчасти покупкой, дареніемъ и другими средствами. Къ частному землевладѣнію надо отнести и дворцовыя земли, исключительно предназначавшіяся для нуждъ и потребностей княжескаго двора. Наконецъ, уже въ удѣльно-феодальную эпоху появилось условное землевладѣніе, держатели котораго были связаны опредѣленными служебными повинностями или отношеніями съ тѣми лицами, чью землю они держали.

Опредѣлившіеся уже въ удѣльно-феодальную эпоху виды земельной собственности были въ наличности и въ послѣдующую эпоху, но только соотношеніе между ними въ значительной степени измѣнилось. Подъ вліяніемъ военныхъ нуждъ и необходимости найти средства для содержанія арміи стало развиваться помѣстное землевладѣніе, благодаря чему въ значительной степени—уменьшался государственный земельный фондъ. Параллельно росту помѣстнаго землевладѣнія росла и частная земельная собственность. Она увеличивалась за счетъ чернаго и дворцового землевладѣніе. Разсмотримъ теперь три вида каждой земельной собственности въ отдѣльности и опредѣлимъ особенности каждаго земельнаго владѣнія.

Государственная земля называлась черной землей. Населеніе, сидѣвшее на ней, состояло въ податной зависимости отъ московскаго князя и уплачивало ему падавшій на него оброкъ, распредѣленіемъ котораго между собой занималось волостное населеніе. Оно же распоряжалось по собственному усмотрѣнію всякими земельными и другими угодьями.

Изъ числа государственныхъ земель выдѣлялись дворцовыя земли. Ихъ было не мало въ Новгородской области, послѣ конфискаціи Новгородскихъ владѣній.

Находясь сначала въ вѣдомствѣ дворецкаго—онѣ съ теченіемъ времени перешли въ вѣдѣніе приказа „Большого Двора и служили основанымъ источникомъ для удовлетворенія дворцовыхъ потребностей и нуждъ. Населеніе этихъ земель отбывало разныя повинности, платило оброки или постовляло натурой продукты, въ зависимости отъ мѣстныхъ природныхъ богатствъ. Подобно чернымъ волостямъ дворцовое населеніе тоже составляло особые міры, пользовавшіяся особымъ самоуправленіемъ. Они имѣли своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ и пользовались правомъ самораскладки податей и оброка падавшихъ на нихъ. Впрочемъ, дѣятельность выборнаго старосты и міра всегда находились подъ постояннымъ контролемъ дворцового приказчика или какого нибудь другого должностного лица, постоянно контролировавшаго его дѣятельность и могущаго вмѣшиваться въ самый распорядокъ и строй жизни волости.

Значительное количество земли находилось въ рукахъ монастырей, церквей и высшей церковной іерархіи. Особенно были крупными землевладѣльцами монастыри. Часто превосходные хозяева и ловкіе предприниматели, они всячески старались расширить свои земельныя владѣнія и увеличить численность сельскаго населенія какъ рабочаго элемента, который селился на нихъ земляхъ, привлекаемый размѣнить податными льготами. Способы пріобрѣтенія

монастырями земель въ XVI в. были многочисленны; ими были пожалованія князей, дареніе частныхъ лицъ, покупка, мѣна, залогъ. Иногда захватывались пустыя, никѣмъ незанятыя пространства. Несмотря на стремленіе государства ограничить ростъ церковнаго землевладѣнія, все-таки оно не остановилось. Такъ игуменъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря уже въ 1551 году сдѣлалъ пріобрѣтеніе владѣній по 19 крѣпостямъ. Указъ 1572 г., запрещавшій покупать служилыя земли, далъ возможность расшириться монастырю за счетъ поморскихъ земель. Въ 1580 г. монастырь совершилъ около 63 купчихъ. Въ такой же пропорціи совершался ростъ земельныхъ владѣній Троице-Сергіевскаго монастыря. Иногда монастыри получали отъ государя землю въ аренду заплату или безъ оной и, только съ теченіемъ времени, посылая особыя челобитія государю, пріобрѣтали ее въ собственность. Благодаря такому отношенію къ „государевымъ богомольцамъ“, въ руки послѣднихъ попало значительное количество дворцовой земли. Свободное отъ уплаты государственныхъ платежей, монастырское землевладѣніе являлось весьма притягательнымъ элементомъ для населенія. Благодаря изобилію рабочихъ рукъ, сельскохозяйственная культура на земляхъ монастырей достигла значительнаго процвѣтанія. Что же касается развитія бѣлаго церковнаго землевладѣнія, то послѣднее глубокихъ корней не пустило.

Въ рукахъ частныхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ находились земли двухъ видовъ—помѣстныя и вотчинныя. Ростъ первыхъ былъ вызванъ военными потребностями Московскаго государства. Московское правительство XVI вѣка обладало довольно слабыми денежными рессурсами, настолько слабыми, что не могло быть и рѣчи о содержаніи военно-служилаго класса денежнымъ жалованьемъ. Приходилось отыскивать средства на содержаніе служилаго класса. Такимъ средствомъ могла стать только земля, колоссальные размѣры которой сосредоточивались въ рукахъ правительства, и которая при тогдашнихъ примитивныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ представляла капиталъ первостепенной важности. Владѣя такимъ „капиталомъ“, правительство и стало раздавать служилымъ людямъ земли подъ условіемъ службы. Такого рода условное землевладѣніе называлось „помѣстьемъ“. Въ помѣстье жаловались, какъ дворцовыя земли, такъ и земли „великаго князя, какъ населенныя, такъ и ненаселенныя“. Отдавались въ „помѣстье“ и частно-владѣльческія вотчины, перешедшія какимъ-нибудь образомъ къ государю. Владѣльцы земель назывались „помѣщиками“. Свое помѣстье они называли „государевымъ жалованьемъ, а своимъ владѣніемъ“ Помѣстное право не стѣсняло держателя земли въ правахъ пользованія. Вообще, они могли эксплуатировать свое помѣстье, какъ находили для себя наиболѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Зато помѣщики не располагали правомъ распоряженія. Единственная доступная для нихъ гражданская сдѣлка—это мѣна помѣстій. Первоначально помѣстье не передавалось по наслѣдству. Впрочемъ и сами помѣщики и правительство заботились о томъ, чтобы имѣніе не выходило изъ семьи или рода. Послѣ смерти мужей вдовы и дочери получали такъ называемые „прожиточныя имѣнья“. Сплошь и рядомъ женщины сдавали свои земельные участки другимъ лицамъ подъ условіемъ „ихъ кормить и замужъ выдать“. Всякое неисправное отбываніе государственной военной повинности влекло за собой потерю помѣстья.

Право владѣнія землей соединялось съ обязательной военной службой. Каждый владѣлецъ помѣстья былъ обязанъ являться по требованію правительство на войну „конны, людны и оружны“ въ полномъ боевомъ вооруженіи и съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ, смотря по величинѣ помѣстья. Обыкновенно одинъ ратникъ ставилсясъ 100 четвертей. Развитіе помѣстнаго землевладѣнія сокращало черное землевладѣніе, разрывало слагавшіяся вѣками крѣпкія связи. О крестьянскомъ самоуправленіи на помѣстныхъ земляхъ

не можетъ быть и рѣчи Къ вотчиннымъ землямъ относились земли, которыми частныя лица владѣли на правахъ частной собственности. Вотчинныя земли всегда были объектомъ гражданскаго права, внѣ дѣйствій котораго оставалось помѣстное землевладѣніе. Собственниками вотчинъ были потомки удѣльныхъ князей, сохранявшіе нѣкоторые изъ феодальныхъ пережитковъ, имѣвшіе свой судъ, войско, дворъ, свободу отъ уплаты податей, московскіе бояре, получившіе земли отъ московскихъ князей въ удѣльную эпоху, и бояре удѣльнаго князя, переѣхавшіе въ Москву на службу и получавшіе соотвѣтствующее жалованье. Особенно было сильно развито землевладѣніе княжеское. Надѣленные государственными правами, князья смотрѣли на себя какъ на государей и въ значительной степени сдерживали ростъ абсолютизма московскаго князя, которому рано или поздно придется вступить съ ними въ борьбу и попытаться уничтожить ихъ привилегіи. Въ эпоху опричнины родовыя вотчины были конфискованы Грознымъ.

Развитіе помѣстнаго землевладѣнія оказало вліяніе и на судьбы вотчиннаго землевладѣнія, бывшаго свободнымъ отъ принудительной военной службы государству. Царскимъ указомъ отъ 1556 года принудительная военная служба легла всей своей тяжестью и на вотчинное землевладѣніе. Благодаря этому исчезла существенная разница между вотчинной и помѣстьемъ. Собственники вотчинъ отнынѣ прикрѣплялись къ государевой службѣ. Необходимость широкой организаціи военно-служилаго класса естественно выдвигала на очередь вопросъ о мѣрахъ для прддержанія служилаго землевладѣнія. Прежде всего правительство стремилось поддержать наслѣдственное вотчинное землевладѣніе. Съ этой цѣлью имъ было издано нѣсколько указовъ о „правѣ родового выкупа“.

Такъ Судебникъ Ивана IV назначалъ сорокалѣтній срокъ для выкупа вотчинъ тѣмъ изъ родственниковъ, которые не были „въ послухахъ“ при совершеніи купчей крѣпости. Для облегченія же самого выкупа въ дополнительныхъ статьяхъ было постановлено, чтобы выкупная цѣна, назначенная за вотчину, была „въ мѣру чего та вотчина стоитъ, а что тотъ денегъ въ займы далъ лишекъ, больше той цѣны и у того деньги пропали“.

Новыя условія хозяйственной жизни XVI вѣка отразились чрезвычайно неблагопріятно на вотчинномъ землевладѣніи. Вотчинники не выдержали. Чувствовалась постоянно острая нужда въ капиталѣ и рабочихъ рукахъ. Земли закладывались монастырямъ и обыкновенно оставались за ними. Вотчина такимъ образомъ освобождалась отъ государственной службы, что конечно по существу задѣвало интересы государства. Принимая во вниманіе громадную задолженность вотчиннаго землевладѣнія, дороговизну денегъ и высоту %, правительство Грозного опубликовало два въ высшей степени важные указы: 1557 и 1558 года, согласно первому указу служилые люди освобождались отъ уплаты % по залоговымъ обязательствамъ, а погашеніе долговъ частнымъ лицамъ разсрочивалось на 5 лѣтъ; на будущее же время устанавливался ростъ въ 10%. Законъ же 1558 года спеціально относился къ вотчинному землевладѣнію и распространилъ на него дѣйствіе указа отъ 25 декабря 1557 года

Въ связи съ организаціей военно-служилаго класса, московское правительство столкнулось съ церковнымъ землевладѣніемъ, продолжавшимся быстро увеличиваться, благодаря переходу въ руки духовенства боярскихъ и дворянскихъ земель. Ростъ церковнаго землевладѣнія сокращалъ наличность служилаго класса. Обыкновенно вотчины отдавались „на вкладъ“ „на поминъ“, „подъ закладъ“. Это и заставило правительство Грознаго поставить на очередь вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ церковнаго землевладѣнія. Не рѣшаясь на секуляризацію церковныхъ имуществъ, правительство тѣмъ не менѣе намѣревалось положить предѣлъ дальнѣйшему расширенію церковнаго землевладѣнія. Уже Стоглавъ вынесъ постановленіе, чтобы монастыри и духов-

ныя лица покупали вотчины только съ разрѣшенія государя. Указъ 1572 года запрещалъ дѣлать вклады въ большіе монастыри, тогда какъ вообще вклады разрѣшались указомъ 1551 года. Такое распоряженіе правительство издало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы „въ службѣ убытка не было и земля бы изъ службы не выходила". Наконецъ, соборный приговоръ 1580-го года вынесъ резолюцію, согласно которой духовенство впредь должно „земель не покупать, не брать въ залогъ и не прибавливати никоторыми дѣлы" а также и недавать ихъ безденежно по душамъ. Но эти распоряженія не достигали своихъ цѣлей. И церковь и свѣтскіе люди находили способы ихъ обойти, благодаря чему церковное землевладѣніе нисколько не было задержано въ своемъ ростѣ, хотя среди публицистовъ XVI вѣка, защитниковъ свѣтской землевладѣнія, господствовало опредѣленно выраженное убѣжденіе, что инокамъ не слѣдуетъ давать „княжее и боярское мірское жалованіе, аки воинамъ", несмотря на то, что „лицемѣрные и любостяжательные иноки учатъ отцовъ и мужиковъ не радѣти о ближнихъ въ родѣ, но совѣтуютъ и глаголютъ—не давати имѣнія аще и убогимъ сродникамъ, а давай къ монастырю и за то тебѣ умолятъ святые у Бога царство небесное" (Курбскій). Въ общемъ конфликтъ боярства и дворянства окончился не въ церковью пользу землевладѣльческаго класса и духовенство сохранило за собой право владѣнія селами и деревнями.

Народное хозяйство въ XVI вѣкѣ.

Московское государство къ концу XVI вѣка состояло изъ цѣлаго ряда земель, существенно отличавшихся другъ отъ друга какъ почвенными, такъ и климатическими особенностями. Съ этой стороны, изслѣдователи народнаго хозяйства, въ XVI вѣкѣ дѣлятъ все государство на слѣдующія области: центральную—Замосковный край—территорію стараго Московскаго и Владимірскаго княжествъ, мѣстность, въ которой населеніе почти исключительно занималось земледѣліемъ, и гдѣ въ серединѣ XVI вѣка пустило—весьма глубокіе корни—частное, духовное и свѣтское землевладѣніе. Изученіе писцовыхъ книгъ показало преобладаніе по этой территоріи монастырскаго землевладѣнія. Такъ можно считать, что въ Московскомъ уѣздѣ въ рукахъ монастырей находилось до 44% всей пахатной земли, около 39% въ рукахъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, остальная земля въ рукахъ чернаго и дворцоваго крестьянства. Къ Замосковному краю съ юга-востока примыкали такъ называемые „Рязанскіе города составлявшіе территорію прежняго Рязанскаго княжества *). Къ Западу отъ нихъ—шли „Украйные города", за чертою которыхъ начиналось „дикое поле" еще дальше къ Западу, между верхней Окой и ея притоками—находились такъ называемые Заоцкіе города, имѣвшіе огромное значеніе, какъ военные центры, такъ какъ опасность нашествія съ юга еще не исчезла въ XVI вѣкѣ. По верховьямъ Днѣпра и Западной Двины были расположоны города „отъ Литовской Украины", терявшіе свое прежнее значеніе военныхъ центровъ, по мѣрѣ того какъ исчезла боязнь вражескаго нашествія съ запада. Къ юго востоку отъ нихъ лежали „Сѣверскіе города"—еще дальше къ сѣверу отъ нихъ города „отъ нѣмецкой Украины—Новгородъ и Псковъ съ своими пригородами. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ землевладѣніе носило иной характеръ, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ. Здѣсь не было крупнаго вотчиннаго и монастырскаго землевладѣнія. Здѣсь царство-мелкаго землевладѣнія по преимуществу военно-служилаго, развитіе котораго, конечно, обяъснялось предпринятыми правитель-

*) на этой территоріи земельное распредѣленіе напоминало собою московскій уѣздъ.

ствомъ мѣрами по оборонѣ страны. Наконецъ, бывшія Сѣверныя владѣнія Новгорода—съ Вяткой, Пермью и Подвиньемъ составляли Поморье, край богатый лѣсами, мѣстность, въ которой почти не было служилаго землевладѣнія, территорію, въ которой правильное земледѣліе было немыслимо по климатическимъ условіямъ, и гдѣ населеніе широко эксплуатировало природныя богатства. Наконецъ, города по средней и нижней Волгѣ, на мѣстѣ прежнихъ Казанскаго и Астраханскихъ царствъ—составляли группу Понизовыхъ городовъ, для сокращенія называвшихся „низомъ". Это была мѣстность съ богатѣйшими почвенными условіями обиліемъ разнаго рода промысловыхъ угодій, издавна притягивавшая съ себѣ и крестьянина, и крупнаго вотчинника безразлично, духовнаго или свѣтскаго". Въ первой половинѣ XVI вѣка во всѣхъ этихъ областяхъ безраздѣльно царило натуральное хозяйство. Каждое изъ хозяйствъ представляло собою замкнутую въ экономическомъ отношеніи единицу, самостоятельно удовлетворившую свои нужды и потребности. Такой натурально-хозяйственный укладъ не исключалъ возможности большгао или меньшаго развитія внутренней торговли по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Но этотъ обмѣнъ нисколько не измѣнялъ общаго тона хозяйственнаго уклада страны. Въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладало сельское хозяйство, даже на крупныхъ вотчинахъ велось мелкое хозяйство при полномъ почти отсутствіи собственной барской запашки; земля вся находилась въ рукахъ арендаторовъ, обязанныхъ вносить собственнику земли опредѣленную арендную плату, которая обыкновенно вносилась натуральными продуктами, лучшій показатель неразвитости экономическихъ отношеній и отсутствія рынка для сбыта сельско хозяйственныхъ продуктовъ. Такой же примитивной по своей организаціи была обрабатывающая промышленность. Разбросанные по деревнямъ кустари и ремесленники приготовляли свои не хитрые фабрикаты-орудія труда, утварь, одежду и сбывали ихъ на мѣстныхъ рынкахъ. Впрочемъ, большая часть населенія почти все необходимое для себя и своего хозяйства дѣлало собственными руками. Благодаря примитивнымъ экономическимъ отношеніямъ, въ странѣ почти не было денегъ, и онѣ стоили дорого. Бывшая налицо монета ушла въ Орду, априлива новаго металла почти не замѣчалось. Въ половинѣ XVI вѣка начинаютъ ломаться старыя хозяйственныя отношенія. Постепенно усиливается внутренній и внѣшній товаро-обмѣнъ. Страна опять вступаетъ въ торговыя сношенія съ Западомъ, такъ какъ съ открытіемъ Америки, когда Ганзенскій торвый путь потерялъ свое прежнее значеніе, пала внѣшняя торговля Новгорода, независимо отъ политики Ивана III и его сына. Въ 1553 году картина нѣсколькомѣняется. Московское государство вступаетъ въ торговыя сношенія съ европейскимъ рынкомъ, съ англичанами черезъ Бѣлое море. Благодаря этому стало усиливаться торговое значеніе Архангельска. Вся дорога по направленію къ Архангельску покрылась цѣлой сѣтью большихъ и малыхъ городовъ, какъ то Вологда, Ярославль, Холмогоры. Поставщиками продуктовъ являлись мѣстности центральной полосы, на которой и возникали большія и малыя торжища, куда населеніе привозило свои продукты на продажу, откуда они направлялись въ Москву а изъ нея по зимней дорогѣ—къ Архангельску. Развитіе внутренняго товаро-обмѣна зависѣло ея только отъ появленія большой емкости внѣшняго рынка. Стали возникать сельско-хозяйственные рынки для удовлетворенія потребностей самого населенія. Въ этомъ отношеніи большимъ рынкомъ являлась Новгородско-Псковская земля, гдѣ населеніе перешло къ культурѣ техническихъ растеній, разсчитанныхъ на сбытъ заграницу. Не мало образовалось такихъ рынковъ въ Поморьѣ и сѣверной части Замосковья. Благодаря этому область сельскохозяйственной культуры подвинулась немного къ югу и юго-востоку, въ полосу богатѣйшаго чернозема, который до сихъ поръ

---

[1]) Въ началѣ вѣка—100 рублямъ.

лежалъ безъ обработки или подвергался хищнической эксплуатаціи. Такъ создавался большой внутренній рынокъ. Съ развитіемъ заграничной торговли въ страну прилило не мало денегъ. Послѣднія сразу пали въ цѣнѣ. Рубль средины вѣка сталъ дешевле вдвое въ сравненіи съ началомъ вѣка и вдвое дороже цѣнности рубля конца вѣка[1]). Усиленіе внутренняго и внѣшняго товаро-омбмѣна и усиленіе денежнаго обращенія имѣло огромныя послѣдствія для населенія и самого сельскаго хозяйства. Прежде всего и государство и частный владѣлецъ уже не довольствуются натуральной арендой. Имъ—нужны деньги. Государству нужны для далекихъ походовъ, для содержанія ея приказной администраціи. Землевладѣльцы, обязанные нести военную службу, также нуждались въ деньгахъ. Отправляясь въ дальніе походы—они хотятъ имѣть этотъ ходкій товаръ при себѣ, какъ весьма удобное средство для обмѣна разнаго рода цѣнностями. Поэтому государство большую часть натуральныхъ повинностей переводитъ на деньги, помѣщикъ натуральную форму оброка—частью или полностью замѣняетъ деньгами. Возможность сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ на рынкѣ заставляетъ собственниковъ увеличивать размѣры своей запашки, для эксплуатаціи которой уже не хватало труда холоповъ. Собственники и привлекаютъ къ этому дѣлу крестьянъ, обязанныхъ отправлять барщину, то въ видѣ платежа за аренду земли, то въ видѣ уплаты процентовъ за ссуду, которую бралъ крестьянинъ у земельнаго собственника, Необходимость поднятія доходности хозяйства заставляетъ собственника прибѣгнуть къ интенсификаціи своего хозяйства, благодаря чему въ земледѣльческихъ уѣздахъ замѣчался переходъ отъ перелога къ трехполью, а въ другихъ мѣстахъ отъ хищнической эксплуатаціи земли къ перелогу. Новыя условія хозяйственной жизни въ странѣ медленно втягивали въ круговоротъ новыхъ хозяйственныхъ отношеній—и сельскую массу—крестьянства, все крѣпче и крѣпче связывавшее себя съ рынкомъ. Ему приходится для уплаты государственныхъ и частновладѣльческихъ повинностей реализовать на деньги продукты своего хозяйства, подвергаться на каждомъ шагу постоянному колебанію цѣнности денегъ, уловить которое онъ былъ не въ силахъ, но которое давало себя чувствовать при отправленіи государственныхъ и частныхъ повинностей.

Сельскохозяйственный кризисъ XVI вѣка и его причины.

Уменьшеніе количества рабочихъ рукъ на территоріи Московскаго княжества создало экономическій кризисъ, оказавшій большое вліяніе на дальнѣйшую эволюцію народнаго хозяйства. Экономическимъ кризисомъ были охвачены центральныя и новгородскія земли. Въ указанныхъ областяхъ сельское хозяйство стало сокращаться. Зато въ той же степени увеличивались залежи и пустоши. По писцовой книгѣ 1584—1585 г. въ Московскомъ уѣздѣ площадь подъ сельскохозяйственной культурой составляла не болѣе $15^3/_4\%$ всей удобной земли, остальная часть „лѣсомъ и кустаремъ поросла“ „въ перелогѣ и лѣсомъ поросло“. Принимая во вниманіе преобладаніе, въ центральныхъ областяхъ въ XVI в. трехпольной системы, увеличеніе перелога можно считать признакомъ хозяйственнаго упадка, хотя, быть можетъ—перелогъ не всегда означаетъ упадокъ сельскохозяйственной техники и въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ можетъ означать и переходъ отъ подсѣчнаго хозяйства, что являлось признакомъ улучшенія хозяйства въ техническомъ отношеніи. Развитіе же перелога, слѣдствіе отсутствія рабочихъ рукъ. Къ концу XVI в. въ Московскомъ уѣздѣ осталось только 25% крестьянскихъ жилыхъ дворовъ. На $2697^1/_2$ дв. всего населенія—жилыхъ оказалось только $687^5/_6$, въ пустынѣ $2009^1/_3$ дворовъ; при этомъ наибольшее опустошеніе коснулось монастырскихъ земель, потомъ вот-

чинныхъ и помѣстныхъ. Вообще, къ концу XVI в. въ Центральной области всего осталось пашни 31,6%, а наѣзда и перелога 68,4%. Такое же опустошеніе произошло и въ Тверскомъ уѣздѣ. Составителю писцовой книги *1585—1595 г.* часто приходится отмѣчать бѣгство крестьянъ, запустѣніе земли. Не менѣе печальную картину представляетъ положеніе дѣла въ Новгородской области. Здѣсь уменьшеніе населенія идетъ съ начала XVI вѣка и принимаетъ грандіозные размѣры къ срединѣ XVI в. Въ концѣ вѣка Новгородская область прямотаки пустѣетъ. По писцовой книгѣ 1582—1584 пустыя земли составляли 92,44% всей земельной описанной площади. Составитель писцовой книги этически спокойно отмѣчаетъ причину запустѣнія: „умеръ, убитъ, безвѣстно нѣтъ покинули свое владѣніе, живетъ въ другомъ городѣ. Запустѣніе коснулось и городовъ. Такъ въ Коломнѣ въ 1578 году было $32^1/_2$ жилыхъ на 662 пустыхъ дворовъ, въ Можайскѣ по переписи 1595 г. на 205 жилыхъ дворовъ было 1446 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. Опустѣли города Сѣверо-Западной и центральной Руси. Лѣтописецъ только констатировалъ, то „множество розыдется людей изъ Можайстка и Волока и направились на Рязань и въМещеру, въ понизовые города, Нижній-Новгородъ, на южную границу". Стало увеличиваться количество новоприходцевъ. Среди нихъ были москвитяне, калужане, серпуховитяне. Одноименный притокъ населенія можно констатировать и въ Орловскомъ уѣздѣ въ 1594—1595 г. Благодаря отливу рабочихъ, явилась полная невозможность поддерживать хозяйство въ прежнемъ видѣ. Сокращалась запашка, возвращались старая техника, приходилось снова напрягать трудъ холоповъ, дѣловыхъ людей; монастырскихъ дѣтенышей и посредствомъ ихъ напряженія замѣнить отсутствіе рабочихъ рукъ. Каковы были размѣры сельскохозяйственнаго кризиса, можно судить на основаніи слѣдующаго примѣра: въ имѣніи Троице-Сергіева монастыря, въ Нижегородскомъ уѣздѣ насчитывалось въ концѣ 80 годовъ 4772 четверти пашни, распаханной на три поля, а въ 1596 г. осталось только 1292 четверти. Все остальное поросло лѣсомъ. Итакъ, благодаря кризису пострадало, сельское хозяйство. Несомнѣнно средніе и мелкіе землевладѣльцы пострадали больше крупныхъ, ибо иммунитеты монастырей и крупныхъ землевладѣльцевъ открывали возможность представленія податныхъ льготъ и удерживали населеніе на мѣстѣ своего прежняго жительства.

Составители писцовыхъ книгъ, отмѣчая убыль населенія, объясняли ее разными бытовыми причинами, стихійными бѣдствіями, бѣгствомъ, взятіемъ въ плѣнъ и т. д. И вниманіе историковъ было давно обращено на изученіе и объясненіе постигшаго страну сельскохозяйственнаго кризиса. Однако въ научной литературѣ существуютъ различныя сужденія относительно условій, обусловившихъ появленіе и распространеніе сельскохозяйственнаго кризиса. Прибыль населенія на сѣверѣ, южной окраинѣ и Прикамскомъ краѣ была уже отмѣчена изслѣдователями (В. О. Ключевскій, Миклашевскій, Н. А. Рожковъ). Параллельно прибыли, населенія на востокѣ, югѣ и сѣверѣ, шелъ процессъ уменьшенія населенія центра, вызвавшій упадокъ сельскаго хозяйства. Это паденіе В. О. Ключевскій ставитъ въ прямую связь съ колонизаціоннымъ народнымъ движеніемъ, отчасти возникшимъ подъ вліяніемъ весьма тяжелыхъ бытовыхъ условій жизни крестьянства. Соловьевъ и Щаповъ, хотя прямо не касались кризиса, однако неоднократно подчеркивали мысль объ особой склонности населенія къ бродяжничеству, привычки населенія уходить при первомъ неудобствѣ, вслѣдствіе чего у крестьянина не было любви къ осѣдлости, постоянному тяжелому труду. Конечно, одной любовью къ бродяжничеству нельзя объяснить историческаго явленія столь большой важности. Мнѣнія этихъ ученыхъ не встрѣтили сочувствія и поддержки со стороны изслѣдователей. Н. А. Рожковъ обратилъ вниманіе на сильное развитіе помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія.

Юридическая природа помѣстья противорѣчила интересамъ помѣщика.

Неувѣренный въ томъ, что земля его перейдетъ къ его семьѣ, помѣщикъ стремился извлечь изъ него, что могъ, и велъ хозяйство интенсивнымъ хищническимъ образомъ. Напрягая до крайности крестьянскія рабочія силы, помѣщикъ дѣлалъ условія жизни прямо-таки невыносимыми и заставлялъ покидать насиженныя мѣста. Благодаря же обширности и разбросанности монастырскихъ и архіерейскихъ имѣній, сильно затруднявшихъ управленіе ими, хозяйство велось въ нихъ плохо, и крестьянская масса подвергалась большой эксплуатаціи. Къ Рожкову отчасти примыкаетъ и г. Огановскій, считающій главной причиной кризиса размноженіе, непроизводительныхъ классовъ служилаго дворянства и духовенства, въ руки которыхъ перешелъ большой земельный капиталъ, экспропріированный у рабочаго населенія. Проф. Платоновъ передвиженіе населенія объясняетъ развитіемъ крѣпостного права. Наконецъ, въ послѣднее г. Яницкимъ было дано иное толкованіе причинъ экономическаго кризиса. По его мнѣнію начало кризиса приходится ставить въсвязь съ паденіемъ Ганзейской торговли, какъ слѣдствіе измѣненія торговыхъ путей и направленій. Оторванная отъ запада и оставшаяся въ сторонѣ отъ торговыхъ путей по Бѣлому морю, Новгородская земля постепенно бѣднѣла и пустѣла. Кризисъ, появившійся въ Новгородской землѣ, постепенно захватилъ въ свои тиски и центральныя области Московскаго государства.

Народное хозяйство въ XVII вѣкѣ.

Правительственныя мѣропріятія противъ бѣгства рабочей силы. Заботы о служиломъ землевладѣніи. Вопросъ о холопахъ. Поземельная политика въ эпоху смуты. Состояніе народнаго хозяйства въ эпоху смуты. Приливъ населенія въ центръ и распредѣленіе населенія по территоріи государства. Поземельная политика вт XVII в. и распредѣленіе земельной собственности. Состояніе сельскаго хозяйства въ XVII. Техника хозяйства. Рабочія силы. Города въ XVII в. Внутренняя и внѣшняя торговля. Политика.

Сельскохозяйственный кризисъ конца XVI в. всею своею тяжестью ударилъ по средне- и мелко-помѣстному землевладѣнію, оставшемуся безъ рабочихъ рукъ. Свѣтскіе и церковные иммунисты были въ большей степени обезпечены рабочими руками. Правительство сначала равнодушно относилось къ начавшейся экономической разрухѣ и не принимало никакихъ мѣропріятій противъ нея. Отливъ населенія на окраины первое время даже былъ въ интересахъ правительства, ибо, благодаря колонизаціи, заселялся завоеванный край, начиналась эксплуатація естественныхъ богатствъ и усиливалось русское вліяніе въ инородческомъ краю. Но такъ долго это не могло продолжаться. Разореніе служилаго люда дѣлало его негоднымъ къ отправленію военной службы, паденіе сельскаго хозяйства уменьшило количество финансовыхъ поступленій. Это уже были грозные признаки и мимо нихъ правительство не могло пройти. Желая урегулировать возникшую борьбу за рабочія руки и ввести нѣкоторый порядокъ въ многочисленные иски относительно бѣглыхъ крестьянъ, правительство Ѳеодора Ивановича указомъ 24 ноября 1597 разрѣшило предъявлять иски и давать судъ на крестьянъ, бѣжавшихъ только не раньше 1592 г. Этотъ указъ не разрѣшалъ рабочаго вопроса, но вносилъ нѣкоторое успокоеніе въ землевладѣльческую среду, такъ какъ дѣлалъ невозможнымъ отбраніе застарѣвшихъ работниковъ, уже успѣвшихъ стать необходимой частью рабочей силы собственника. Не прекращавшійся свозъ крестьянъ подрывалъ благосостояніе средняго мелкаго служилаго человѣка и правительство Бориса Годунова рѣшило принять радикальныя противъ того мѣропріятія. Указы 1602 и 1602 запрещали перевозъ крестьянъ въ Московскомъ уѣздѣ. Запрещенъ былъ тогда же перевозъ изъ другихъ уѣздовъ въ Московскій уѣздъ, а въ другихъ уѣздахъ вывозъ разрѣшался,

но не болѣе, какъ по одному человѣку въ одинъ разъ. Эти указы должны были ударить по крупному землевладѣнію, такъ какъ только его представители получали возможность гоняться за рабочими руками. Однако, эти распоряженія не могли поднять изъ упадка помѣстное землевладѣніе, и Борису пришлось нѣсколько расширить помѣстное землевладѣніе путемъ секуляризаціи части церковныхъ имуществъ. Принимая мѣры въ защиту средне- и мелко- помѣстнаго землевладѣнія, Борисъ Г., если вѣрить иностранцу Шилу, даже принялъ нѣкоторыя мѣры къ урегулированію крестьянскаго труда, напрягавшагося въ это время до крайности. Паденіе народнаго хозяйства, создавъ рабочій кризисъ, несомнѣнно, усилило требованія на трудъ страдниковъ, холоповъ. Частно-владѣльческая запашка обрабатывается по преимуществу трудомъ холоповъ, на что уже обратили вниманіе изслѣдователи (Огановскій), съ другой стороны, тяжелыя условія жизни способствовали развитію кабальнаго временнаго холопства, погоня за которымъ, видимо, принимала настолько большіе размѣры, что правительство никоимъ образомъ не могло пройти мимо него. Кабальное холопство возникло на почвѣ займа, обезпеченнаго самозакладомъ. Оно прекращалось только послѣ уплаты всей занятой суммы, а работа кабальнаго холопа въ домѣ кредитора разсматривалась какъ отработка процента по займу. Первоначально такія сдѣлки не были ничѣмъ ограничены, и только Судебникъ 1550 опредѣлилъ максимальную сумму займа въ 15 рублей. Въ XVI в. кабальное холопство пустило такіе глубокіе корни, что правительство сочло необходимымъ урегулировать его закономъ. Указъ 8 февр. 1588 года разрѣшилъ предъявлять иски объ уплатѣ процентовъ только въ теченіе 15 лѣтъ, по истеченіи которыхъ прекращались всякія отношенія съ кредиторомъ. Но указъ 25 апрѣля 1597 года пошелъ еще дальше. Требуя записи въ холопьемъ приказѣ имѣвшихся у кредиторовъ кабальныхъ записей и выдавая новыя, если потеря старыхъ тѣмъ или инымъ образомъ будетъ доказана, указъ дѣлалъ кабальное холопство временнымъ состояніемъ, прекращавшимся только со смертью кредитора.

Не разрѣшая кабальнымъ холопамъ уходъ изъ холопства по уплатѣ долга, указъ въ то же время не позволяетъ кредитору предъявлять какія-либо денежныя притязанія къ женѣ и дѣтямъ служилаго кабальнаго холопства. Чтобы прекратить возможный уходъ холопа къ другому господину, указъ признаетъ не дѣйствительными всякія новыя кабальныя записи, выданныя при наличности прежнихъ кабальныхъ отношеній. Интересами частнаго собственника можно объяснить постановленія указа 1597 года о томъ, чтобы на всѣхъ вольныхъ людей, прослужившихъ у кого-нибудь больше полугода, были выданы служилыя кабалы вопреки желанію самихъ вольныхъ людей. Всякія же поэтому жалобы указъ признавалъ не подлежащими дальнѣйшему движенію. Однако сельскохозяйственная разруха осложнилась въ 1601—1603 неурожаемъ, благодаря которому собственникамъ стало невыгоднымъ держать холоповъ, которые въ поискахъ пропитанія разбрелись по всей странѣ. Указъ Бориса отъ 16 авг. 1603 г. требуетъ, чтобы лица, имѣвшія холоповъ, обязательно ихъ кормили. Если же выяснится, что тѣ или другіе холопы сбѣжали изъ-за голода, отъ своего господина который отказался ихъ кормить и въ то же время онъ не далъ отпускныхъ, таковые холопы получали отпускныя въ холопьемъ Приказѣ. При этомъ сами холопы могли приходить въ Приказъ и дѣлать тамъ соотвѣтствующее заявленіе объ отпускныхъ.

Разруха Смутнаго времени создавала крайнюю нужду въ холопьемъ трудѣ. Только борьбой противъ стремленій со стороны служилыхъ и торговыхъ людей увеличить наличность и длительность временнаго холопства можно объяснить указ. 7 янв. 1606 г., запрещавшій писать одну кабалу на имя отца и его сына или кабалы на имя какихъ-либо родственниковъ. Рядомъ съ тѣмъ указъ 7 марта 1607 года тоже шелъ навстрѣчу интересамъ холопства. Онъ запрещалъ давать

кабалу противъ ихъ желанія на вольныхъ слугъ, прослужившихъ у кого-либо больше полугода безъ крѣпости. Однако этотъ законъ шелъ въ разрѣзъ съ интересами землевладѣльцевъ, пріютившихъ не малое количество лицъ, во время постигшаго страну голода, и они добились его отмѣны. Указъ 21 мая 1609 г. признавалъ за старыми кабалами юридическую силу и значеніе, въ то же время предписывалъ отдавать старымъ государямъ безкабальныхъ холоповъ, прожившихъ у государя не менѣе 5 лѣтъ. Указы Бориса Годунова противъ своза крестьянъ и надѣленія служилой массы церковными землями не улучшили положеніе послѣднихъ. Бѣгство крестьянъ, уходъ въ казачество не прикращались, а вмѣстѣ съ тѣмъ количество рабочихъ рукъ уменьшалось. Помимо этого и поземельная политика правительства въ эпоху Смуты была не въ интересахъ средней и мелкой служилой массы. Василій Шуйскій широко надѣлялъ своихъ сторонниковъ землями. Такъ же поступилъ Сигизмундъ III отъ имени своего сына.

Создавались новые земельные собственники. Права на землевладѣніе совершенно перепутались, и самая система помѣстнаго землевладѣнія не соблюдалась правительствомъ смутнаго времени. Поэтому, когда собралось первое земское ополченіе, то вниманіе послѣдняго было занято и помѣстнымъ землевладѣніемъ и рабочимъ вопросомъ. И то и другое нашло отраженіе въ земскомъ приговорѣ 30 іюля 1611 года, вынесенномъ въ дворяно-казацкомъ лагерѣ подъ Москвой. Составители приговора въ своей поземельной политикѣ отправлялись отъ уже вполнѣ сложившихся поземельныхъ отношеній XVI в., какъ было при прежнихъ Россійскихъ „прирожонныхъ государехъ“. Сообразно этому размѣры всякаго помѣстнаго владѣнія опредѣлялись его чиномъ (объ этомъ впослѣдствіи). Поэтому, весь излишекъ противъ обычныхъ окладовъ, образовавшійся у землевладѣльцевъ безъ земскаго приговора, отписывается на государя—дворцовыя и черныя волости приписываются къ Дворцу, а помѣстныя и вотчинныя должны быть отданы безпомѣстнымъ и разореннымъ дѣтямъ боярскимъ. Это рѣшеніе однако не распространяетъ своей силы на тѣхъ представителей служилаго землевладѣнія, которые получили добавленіе къ поземельному окладу за сидѣніе „на Москвѣ и въ осадѣ и городомъ за Московское же государство“. Точно также оставались полученныя надбавки и лицъ, бывшихъ „въ Тушинѣ, Калугѣ и по инымъ сѣвернымъ городамъ“, но при этомъ ихъ оклады, помѣстные и денежные должны были быть не больше тѣхъ, какіе давались въ Москвѣ „за осадное сидѣнье и за раны по ихъ мѣрѣ“. Излишекъ отписывался на государя. Въ то же время земскій приговоръ не признавалъ земельныя раздачи королевичъ Владислава и Сигизмунда отъ имени своего сына. Поэтому такія дачи отбирались и должны были стать фондомъ для раздачи разореннымъ и безпомѣстнымъ служилымъ людямъ. Но старыя помѣстья оставались за ними. Точно также дворцовыя и черныя земли, забранныя воеводами по городамъ „безъ боярскаго и всей земли совѣту“, отбирались на государя. Всѣ эти отобранныя земли должны были стать фондомъ для надѣленія землей служилыхъ людей, не имѣвшихъ нигдѣ помѣстій.

Возстанавливая старинныя земельныя отношенія, указъ 30 іюня 1611 года однако оставлялъ въ неприкосновенности всѣ земельныя владѣнія за лицами, находившимися въ данное время съ кн. Голицынымъ въ посольствѣ [1]), а также сидѣвшихъ въ Смоленскѣ и погибшихъ на службѣ. И жена и дѣти владѣютъ этими помѣстьями, но только доходы поступаютъ въ Дворецъ. Впослѣдствіи и по отношенію къ нимъ будутъ примѣнены нормы приговора 30 іюня. Заботясь о наслѣдникахъ умершихъ, приговоръ отдаетъ по наслѣдству вдовамъ и сыновьямъ помѣстья, а дочери и вдовы, при отсутствіи братьевъ и сыновей, по-

[1]) задержанныхъ подъ Смоленскомъ.

лучаютъ часть имѣнья на прожитокъ. За отсутствіемъ близкихъ родственниковъ правомъ жительства пользовались безпомѣстные и мелкопомѣстные родственники. Приговоръ 30 іюня оставлялъ неприкосновенными всѣ произведенныя Шуйскимъ раздачи земель въ вотчину. Возстанавливая дѣйствующее земельное право, приговоръ 30 іюня имѣетъ въ виду надѣлить землей безпомѣстныхъ и мало помѣстныхъ людей.

Въ первую очередь должны были попасть служилые люди—бѣженцы изъ мѣстностей, занятыхъ поляками, сказавшіе „про свое разореніе“ и не утаившіе „старыя помѣстья“. Всѣ эти мѣропріятія перваго ополченія имѣли часто теоретическій характеръ, такъ какъ самое ополченіе скоро распалось. И представители второго ополченія не мало приложили усилій къ регулированію поземельныхъ отношеній, но пока часть территоріи была въ рукахъ враговъ и вообще съ властью мало кто считался—эти распоряженія не имѣли большого практическаго значенія. Для поддерживанія мелкаго и средняго землевладѣнія и для содѣйствія развитію сельскохозяйственной культуры, приговоръ 30 іюня принялъ рядъ мѣръ для обдѣленія земли рабочими руками. Всѣ крестьяне, вывезенные „въ смутное время и въ разоренье“, или бѣжавшіе, по челобитью помѣщиковъ должны быть возвращены назадъ и отданы прежнимъ владѣльцамъ. Этимъ распоряженіемъ удовлетворялась настоятельная потребность помѣщиковъ въ рабочихъ рукахъ. Всѣ эти принятыя мѣропріятія были чисто платоническими, благодаря анархіи, охватившей страну, и на возстановленіе сельскаго хозяйства не имѣли никакого вліянія. Народное хозяйство въ эпоху смуты находилось въ критическомъ положеніи. Населеніе разбрелось въ разныя стороны—на востокъ—въ сторону средняго и нижняго Поволжья и на югъ—въ сторону дикаго поля. Центръ же пустѣлъ. Кризисъ постепенно охватилъ сѣверные города. Торговля внѣшняя прекратилась. Городское населеніе уменьшилось. Сократилась и внутренняя торговля. Особенно было замѣтно паденіе торговыхъ оборотовъ Нижняго-Новгорода—крупнѣйшаго центра на востокѣ, поддерживавшаго большую торговлю съ поволжьемъ и Каспійскимъ моремъ и странами, лежавшими за предѣлами послѣдняго. Благодаря обѣднѣнію населенія падала торговля, и промышленная жизнь центра, какъ городская, такъ и сельская. Зарождавшаяся сельская торговля почти прекратилась. Сельскія ярмарки и торжки прекращаютъ свое существованіе. По мнѣнію Ю. В. Готье, наибольше опустошеніе Замосковныхъ уѣздовъ относится къ 10 г. XVII в. Степень опустошенія весьма отчетливо выступаетъ при анализѣ данныхъ, относящихся къ богатѣйшему церковному вотчиннику Троицкому монастырю. По даннымъ 1592-1594 гг. размѣры пашни равнялись 23823 ч. въ полѣ при перелогѣ 40062 четв. Къ 1614 году размѣры пашни составляли только 990 ч. въ полѣ при перелогѣ 54104 четв. Уменьшеніе пашни болѣе чѣмъ въ 20 разъ способствовало сокращенію количества крестьянскихъ дворовъ и параллельно этому явленію ростъ бобыльства.

Въ 1592—1594 гг. общее количество крестьянскихъ дворовъ доходило до 88,9%, а бобыльскихъ—11,1%. Къ 10 годамъ XVII в. бобыльство сильно увеличилось до 40%. Конечно, степень опустошенія замосковскихъ уѣздовъ была неодинакова. Мѣстности, лежавшія ближе къ западу, оказывались болѣе опустошенными мѣстностей восточныхъ. Вотчины Троицкаго монастыря въ Верейскомъ, Можайскомъ, Рузскомъ, Волоколамскомъ и др. уѣздахъ пострадали больше вотчинъ Муромскаго и Суздальскаго уѣздовъ. Равнымъ образомъ особенно пострадали мѣстности около Москвы, но чѣмъ мѣстность лежала дальше на сѣверъ и востокъ отъ нея, тѣмъ степень запустѣнія становится меньше, и даже въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ пространствахъ Костромского края его совершенно не замѣтно. Скорѣе здѣсь замѣтно другое явленіе — нѣкоторый приливъ населенія, вслѣдствіе чего многія пустоши стали деревнями, что всегда отмѣчалось правительственнымъ агентомъ.

Благодаря этому, народное хозяйство, какъ это было отмѣчено Ю. В. Готье, переживало тяжелый кризисъ. Правда, этотъ кризисъ не оказался затяжнымъ, но народное хозяйство все же оказалось сильно надломленнымъ, а его естественное развитіе было надолго прервано. Опустошеніе въ хозяйственномъ отношеніи центральной Россіи замѣтно отразилось на заселеніи окраинныхъ мѣстностей государства. Этотъ приливъ населенія весьма отчетливо выясняется на данныхъ Тульскаго уѣзда.

Уже писцовая книга 1588—1589 г. даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о начавшемся оживленіи сельскохозяйственной жизни края. То же отмѣчаетъ П. П. Смирновъ и для Орловскаго уѣзда по даннымъ писцовой книги 1594—1595 г. Оживленіе сельскохозяйственной и промышленной жизни Поволжья тоже было уже отмѣчено Перетятковичемъ. Въ итогѣ сельскохозяйственнаго кризиса, постигшаго центральныя области, были нѣкоторыя положительныя стороны, такъ какъ, благодаря ему, начался отливъ населенія на окраины и, какъ слѣдствіе послѣдняго, сталъ отчетливо выясняться сельскохозяйственный и промышленный подъемъ окраинныхъ мѣстностей.

Тѣмъ не менѣе для центра послѣдствія кризиса были огромны, въ особенности для служилаго, средняго и мелкаго помѣстнаго землевладѣнія, на судьбы котораго правительство не могло не обратить вниманія и не принять для поддержанія его самыхъ рѣшительныхъ мѣропріятій. Не въ меньшей степени пострадало отъ него и крестьянство. Быстрый ростъ крѣпостного права—прямое послѣдствіе экономическаго кризиса, постигшаго страну съ половины XVI вѣка.

Съ возстановленіемъ государственнаго порядка замѣчается ослабленіе хозяйственнаго кризиса и возрожденіе народнаго хозяйства. Такъ данныя о Троицкихъ вотчинахъ въ періодъ 1624 — 1640 гг. констатируютъ общее увеличеніе пашни и сокращеніе перелога въ сравненіи съ тяжелыми десятыми годами. Правда, увеличеніе пашни не привело къ уменьшенію количества бобылей, скорѣе даже количество ихъ увеличилось до 43,8%, что является превосходнымъ показателемъ тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ находился народный трудъ послѣ смутнаго времени. Ослабленіе экономическаго кризиса надо поставить въ связь съ обратнымъ отливомъ населенія въ центръ. Эта обратная колонизаціонная волна — слѣдствіе разныхъ условій. Съ одной стороны, въ центральную часть государства шли выходцы изъ-за границы. Среди нихъ надо отмѣтить выходцевъ изъ Литвы и Швеціи. Выходцы изъ послѣдней преимущественно направлялись въ Новгородскій край. Кромѣ того, въ сѣверныхъ уѣздахъ московскаго государства, пограничныхъ съ Новгородскимъ и Бѣлозерскимъ краемъ, селились выходцы изъ Швеціи — корелы. Однако, вся эта эмиграція со стороны не могла быть значительной по размѣрамъ и особеннаго вліянія на количественный ростъ народнаго труда, конечно, имѣть не могла. Съ другой стороны, населеніе увеличивалось отчасти благодаря естественному приросту населенія, отчасти вслѣдствіе возвращенія на старыя мѣста многихъ изъ ушедшихъ. Конечно, ростъ населенія въ теченіе вѣка совершался далеко не съ одинаковой быстротой. По мнѣнію Ю. В. Готье, въ періодъ 1620—1630 гг. притокъ населенія былъ значительнѣе, чѣмъ въ теченіе 1646—1678 гг. Параллельно приливу, все время совершался и отливъ населенія.

Постигавшіе страну неурожаи, эпидемическія болѣзни, животинные падежи, а, главное, затягивавшаяся петля крѣпостной неволи гнала поселенца въ другое мѣсто, попрежнему въ восточныя и южныя степныя пространства. Впрочемъ, заселеніе юга нельзя объяснить только одними побѣгами недовольнаго крестьянства. Не мало этому содѣйствовала и правительственная колонизація, вызванная военными нуждами и соображеніями.

Въ XVI вѣкѣ Тульскій уѣздъ, благодаря колонизаціи, былъ въ значительной степени насыщенъ населеніемъ, вслѣдствіе чего увеличилось количество

жилыхъ поселеній. Въ эпоху смуты населеніе нѣсколько поразбрелось. Жилыя поселенія стали пустошами. Послѣ смуты нормальная жизнь въ уѣздѣ начинаетъ медленно возстанавливаться.

По даннымъ 1627—1629 гг. число жилыхъ поселеній равнялось 317. Въ теченіе всего вѣка ихъ число увеличивалось, но въ общемъ довольно медленно.

Въ 1646 году число ихъ равнялось 324, а въ 1676 году оно поднялось до 337. Несмотря на медленное увеличеніе числа жилыхъ поселеній, ростъ населенія въ уѣздѣ неизмѣнно увеличивался. Темпъ этого увеличенія въ первой половинѣ вѣка былъ быстрѣе, чѣмъ во второй, когда населеніе не находило возможнымъ задерживаться въ Тульскомъ уѣздѣ и двигалось дальше на югъ. Одновременно съ приливомъ населенія можно отмѣтить и его отливъ, такъ какъ, благодаря близости уѣзда къ Москвѣ, было возможно болѣе дѣятельное производство сыска бѣглыхъ крестьянъ и бобылей. Послѣдніе и уходили дальше на югъ. Число бѣжавшихъ постепенно увеличивается къ концу вѣка. По даннымъ 1697—1699 года сбѣжало 207 человѣкъ, а въ 1678 году количество ихъ поднялось до 1160 человѣкъ. Такая неустойчивость сельскаго населенія, быть можетъ нѣсколько уменьшенная въ центрѣ уѣзда, не могла не вліять отрицательно на развитіе народнаго хозяйства вообще и въ частности сельскаго хозяйства.

Смутное время нанесло серьезный ударъ среднему служилому землевладѣнію. Необходимость обезпеченія служилой массы землей была очевидна. На это было обращено особое вниманіе, и правительство второго земскаго ополченія и новаго правительства послѣ собора 21 февраля 1613 года. И то и другое правительства подражали въ этомъ отношеніи правительствамъ смутнаго времени, обратили свое вниманіе на дворцовыя земли, и ихъ сдѣлали главнымъ фондомъ своей землеустроительной политики, такъ какъ въ эпоху смуты они пострадали меньше частновладѣльческихъ.

Правительство царя Михаила особенно много роздало земель въ теченіе 1614—1620 гг., и при томъ дворцовый фондъ пошелъ на удовлетвореніе потребностей средняго и мелкаго служилаго землевладѣнія, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Раздача дворцоваго земельнаго фонда шла такимъ быстрымъ темпомъ, что въ будущемъ это грозило полнымъ исчезновеніемъ дворцовыхъ земель, и правительство Михаила указомъ 1627 года было вынуждено воспретить раздачу служилымъ людямъ дворцовыхъ земель. Несмотря на категорическій тонъ указа, то же правительство дѣлало различныя пожалованія и раздавало земли, а собравшіеся на соборъ 1648—1649 гг. служилые люди добились и его отмѣны. Раздача земельнаго фонда продолжается и во второй половинѣ вѣка. Въ виду расширенія границъ государства на югѣ, правительство было освобождено отъ необходимости испомѣщать въ центральныхъ областяхъ провинціальный служилый классъ. Поэтому раздача земель сразу принимаетъ болѣе крупный характеръ, и получателями являются природная знать и монастыри. Благодаря такимъ раздачамъ, въ значительной степени увеличилось крупное помѣстье и вотчинное землевладѣніе, не только свѣтское, но и духовное, такъ какъ, несмотря на Уложеніе 1649 года, правительство XVII в. неоднократно раздавало монастырямъ большіе земельные участки. Благодаря той же необходимости обезпечить служилое землевладѣніе землей, правительство довольно усиленно раздавало остатки черныхъ земель. Послѣдніе въ центральныхъ областяхъ исчезли безъ остатка, и только Поморье оставалось классической страной крестьянскаго свободнаго землевладѣнія, хотя и здѣсь по Двинѣ успѣли устроиться не безъ комфорта нѣкоторые монастыри.

Благодаря обильной раздачѣ черныхъ и дворцовыхъ земель—значительно увеличилось служилое землевладѣніе. Вмѣстѣ съ ростомъ служилаго землевладѣнія обнаруживается тенденція расширенія вотчиннаго землевладѣнія. Послѣ

смуты участки земли давались на правахъ вотчинъ. Особенно было много роздано вотчинъ, какъ показалъ Ю. В. Готье, въ началѣ царствованія Михаила „За царя Васильево Московское Сидѣніе". Жаловались также вотчины и за разныя услуги. Благодаря этому, вотчинное землевладѣніе значительно стало доминировать надъ помѣстнымъ, да и самое помѣстье, но объ этомъ будетъ сказано ниже, все больше и больше приближалось къ типу вотчины. Одновременно съ ростомъ служилаго землевладѣнія росло и монастырское, такъ какъ новая династія въ общемъ весьма доброжелательно относилась къ монастырскому землевладѣнію, а указъ 1622 г., разрѣшившій покупку въ вотчину порозшихъ земель, парализовалъ дѣйствія указа 1581 года, запрещавшаго монастырямъ дальнѣйшее пріобрѣтеніе земельныхъ имуществъ.

Послѣ Уложенія ростъ церковнаго землевладѣнія за счетъ служилыхъ людей прекратился. Измѣнились хозяйственныя условія, и самая земля стала имѣть значительно большую цѣнность въ сравненіи съ XVI вѣкомъ.

Частновладѣльческій земельный фондъ распредѣлялся на территоріи Московскаго государства весьма не равномѣрно. Въ этомъ отношеніи степень, насыщенности территоріи частнымъ землевладѣніемъ постепенно уменьшалась по мѣрѣ движенія изъ центра къ восточнымъ и южнымъ границамъ государства. Характеръ землевладѣнія въ центрѣ оставался среднепомѣстнымъ (отъ 100—500 двор.). Незначительный % занимали владѣнія до 100 дворовъ. Нѣсколько большіе корни пустило крупное землевладѣніе, сосредоточившее въ своихъ рукахъ до половины всѣхъ тяглыхъ дворовъ. Такъ, въ 1647 г. Н. И. Романовъ владѣлъ 7 т. двор., Морозовъ—6 т., Черкасскій—5 т., Шереметевъ — 1800 двор. Не мало было крупныхъ вотчинниковъ среди потомковъ Рюриковичей-Гедиминовичей: Долгорукихъ, Репниныхъ, Одоевскихъ, Голицыныхъ и Куракиныхъ.

Трудно сказать, насколько были устойчивы эти крупныя земельныя имущества въ вѣкъ отсутствія имущественной гарантіи, но тенденціи къ концентраціи земельной собственности уже были налицо къ концу XVII вѣка. За то по мѣрѣ приближенія къ степнымъ уѣздамъ помѣщичье землевладѣніе становилось все болѣе и болѣе мелкимъ, растворяясь среди разбросавшихся въ изобиліи крестьянскихъ и холопскихъ дворовъ. Во всякомъ случаѣ, въ центральныхъ областяхъ государства служилый человѣкъ сумѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ большое количество земель, что, въ свою очередь, весьма замѣтно повліяло на радикальное измѣненіе положенія сельскаго населенія, сидѣвшаго на его землѣ.

Къ половинѣ XVII в. реставраціонная политика новаго правительства дала свои результаты. Внутри государства наступила относительная тишина. Военно-служилый классъ былъ въ достаточной степени обезпеченъ землей и значительно уменьшился уходъ населенія, что приходится поставить съ болѣе и болѣе развивавшимся крѣпостнымъ правомъ. Послѣ смуты помѣщикъ осѣдаетъ на землю, принимается за сельское хозяйство и мало-по-малу возстанавливается сельскохозяйственная культура.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, центръ сельскохозяйственной культуры переносится дальше на югъ и на востокъ въ черноземныя, пока еще сравнительно мало тронутыя пространства.

Обрабатывая землю холопами въ XVI в. вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ. Землевладѣльцы въ XVII вѣкѣ, съ возстановленіемъ государственнаго порядка и ростомъ крѣпостного права перешли къ эксплуатаціи сидѣвшей на ихъ земляхъ крестьянской массы, что, естественно, повлекло за собой увеличеніе барщиннаго труда помимо того, что тѣ же крестьяне уплачивали еще денежный оброкъ. Къ концу XVII в. въ погонѣ за рабочими руками землевладѣльцы сажаютъ на землю холоповъ, называвшихся дѣловыми и задворными людьми. Кое-гдѣ даже обращаются и къ вольно-наемному свободному труду, но послѣдній

при тогдашнемъ строѣ крѣпостного хозяйства, большого значенія имѣть не могъ. Усиленіе сельскохозяйственной производительности, прежде всего, отразилось на увеличеніи барской запашки на помѣщичьихъ и вотчинныхъ земляхъ, хотя распредѣленіе ея по территоріи весьма неравномѣрно. Увеличивается въ XVII вѣкѣ и дворцовая запашка, называвшаяся обыкновенно государевой десятинной пашней.

Можно тоже констатировать и увеличеніе собственной запашки и на монастырскихъ земляхъ, но абсолютные ея размѣры представляютъ большія колебанія, хотя въ центральныхъ областяхъ, въ сравненіи съ XVI в., монастырское хозяйство клонилось къ упадку. Монастырскія земли слишкомъ были разбросаны и невозможно было вести хозяйство по одному плану. Приходилось монастырямъ раздавать земельные участки подъ условіемъ службы съ предоставленіемъ держателю права ихъ эксплуатаціи. На такихъ земляхъ хозяйство велось не только, экстенсивно, но прямо хищнически.

Указанныя черты въ развитіи сельскаго хозяйства отнюдь не являются только особенностью старыхъ культурныхъ центровъ Замосковья. То же можно отмѣтить и дальше отъ Москвы на югъ, напр., въ Тульскомъ уѣздѣ; при этомъ въ сѣверныхъ станахъ количество распахиваемой земли было больше, чѣмъ въ южныхъ. И состояніе сельскаго хозяйства въ южной части уѣзда было плачевнѣе сѣверной. При этомъ, и въ Тульскомъ уѣздѣ помѣстное хозяйство было выше монастырскаго (Бѣлоцерковскій, Тула и Тульскій уѣздъ въ XVI в.).

Помимо паханой земли, крестьянской и помѣщичьей, въ писцовыхъ книгахъ отмѣчается еще наѣзжая пашня.

Въ XVII в. ее стало меньше въ центральныхъ областяхъ, но наличность ея и при этомъ въ сравнительно большомъ количествѣ, можно констатировать въ степныхъ южныхъ и восточныхъ пространствахъ. Появленіе новаго вида пашни—это признакъ появленія въ данной мѣстности сельскохозяйственной культуры, какъ думаютъ В. О. Ключевскій и Ю. В. Готье, а отнюдь не слѣдствіе паденія сельскаго хозяйства, какъ предполагалъ Н. А. Рожковъ.

С. Б. Веселовскій, не соглашаясь съ наличными опредѣленіями термина „наѣзжая“ пашня, считаетъ, что таковой называлась пашня, на которой самъ держатель не жилъ. Поэтому, иногда наѣзжая пашня могла свидѣтелемъ то упадка, то подъема, то просто временнымъ способомъ пользованія земель, отнюдь не дающимъ представленіе о нормальномъ хозяйствѣ.

Оживленіе въ сельскомъ хозяйствѣ отразилось сейчасъ же и на сельскохозяйственной техникѣ. Первое въ концѣ XVI в. находилось на весьма низкомъ уровнѣ, но въ половинѣ XVII в. можно констатировать для центральныхъ областей нѣкоторый ея прогрессъ.

Типичный въ концѣ XVI в. для центральныхъ областей перелогъ уступаетъ мѣсто трехполью, которое въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій XVII в. стало преобладающимъ въ Замосковскомъ краю. Наличность новой паровой зерновой системы можно констатировать и въ Тульскомъ уѣздѣ, но чѣмъ дальше къ югу или востоку отъ прежнихъ границъ Московскаго государства, тѣмъ техника хозяйства ниже. Конечно, преобладаніе паровой зерновой системы земледѣлія въ центральныхъ областяхъ не исключаетъ возможности наличности въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ самой примитивной сельскохозяйственной техники, даже въ видѣ подсѣчной системы земледѣлія. Помимо преобладанія въ сельскомъ хозяйствѣ трехпольной системы земледѣлія, можно также указать на введеніе въ крупныхъ имѣніяхъ искусственнаго удобренія, культуры хлѣбныхъ злаковъ и кормовыхъ растеній въ цѣляхъ повышенія производительности имѣнія и увеличенія его доходности. Далѣе, около городовъ развивается огородничество и садоводство. Естественно, благодаря развитію сельскаго хозяйства, скотоводство совершенно отошло на задній планъ и потеряло всякое значеніе въ качествѣ самостоятельной хозяйственной доходной

статьи. Развитіе сельскохозяйственной культуры привело къ напряженію крестьянскаго труда. Въ крупныхъ имѣніяхъ боярина Морозова, кн. Одоевскаго— приходится уже работать на барщинѣ въ теченіе 4—6 дней. Барщинный трудъ былъ распространенъ въ центральныхъ областяхъ Замосковья, въ сѣверной части степного пространства, и въ сѣверо-восточной Замосковья, благодаря почвеннымъ условіямъ, доминировало промысловое хозяйство, тамъ было распространено оброчное хозяйство. Средніе размѣры оброка къ концу увеличились.

Развитіе сельскохозяйственной культуры оказало большое вліяніе на обособленіе города отъ деревни и на усиленіе и увеличеніе торговопромышленнаго класса. Конечно, это обособленіе болѣе отчетливо обнаружилось въ тѣхъ районахъ, гдѣ новыя формы хозяйственнаго уклада обрисовывались наиболѣе отчетливо. Тамъ городъ превращается въ торгово-промышленную единицу, окончательно разрывается связь его съ уѣздомъ.

Въ другихъ же мѣстностяхъ, города сохраняли свой прежній характеръ, а на южныхъ и восточныхъ окраинахъ напоминали собою крѣпости, въ которыхъ торговля и промышленность развивались весьма медленно, и все производство предполагалось исключительно для мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Въ то же время, ростъ посадскаго населенія идетъ медленно, на что вліяла наличность крѣпостного права и крѣпостной укладъ московскаго посада XVII в. въ особенности послѣ опубликованія Уложенія 1649 года. Несомнѣнно, наиболѣе отсталыми въ экономическомъ отношеніи являлись города сѣверныхъ поморскихъ уѣздовъ, гдѣ преобладало промысловое хозяйство. Здѣсь городъ сливался съ волостью. У нихъ были одни и тѣ же интересы. Правительственный, податной окладъ падаетъ на городъ съ уѣздами, чѣмъ подчеркивается общность ихъ интересовъ. Впрочемъ, иногда поморскіе города представляли изъ себя особую податную единицу, но это говорило не столько о диференціаціи города отъ деревни, сколько о желаніи посадскаго населенія обособиться отъ волости въ податномъ отношеніи, чтобы волостные люди, пользуясь своимъ многолюдствіемъ на мірскомъ сходѣ, не обкладывали ихъ чрезмѣрными податями.

Населеніе сѣверныхъ городовъ занималось промысловымъ хозяйствомъ и земледѣліемъ, гдѣ послѣднее было возможно по климатическимъ и мѣстнымъ условіямъ. Посадское населеніе не только владѣло землей на правахъ полной собственности. Иногда земельные участки находились въ общемъ владѣніи совмѣстно съ крестьянами, кромѣ того, они занимались торговлей и имѣли въ посадахъ лавки. Промышленная жизнь города была мало развита, и производство промышленныхъ фабрикатовъ удовлетворяло лишь мѣстнымъ потребностямъ. Количество ремесленниковъ въ посадахъ было не большое. Города, разбросанные по границамъ государства, были больше военными центрами: въ нихъ преобладалъ военный элементъ; торговопромышленный и ремесленный людъ былъ количественно не многочисленнымъ и служилъ по преимуществу для удовлетворенія потребностей мѣстнаго служилаго люда. Такая характеристика восточныхъ и южныхъ городовъ только вѣрна относительно окраинныхъ городовъ. Восточные и южные посады, уже нѣсколько отдаленные отъ границы, нѣсколько видоизмѣнили свою внѣшнюю физіономію, и торговопромышленный характеръ города довольно рѣзко бросается въ глаза. Это особенно замѣтно на Тулѣ. Въ XVI в. торговля и промышленность въ Тулѣ—явленіе второстепенное. Въ XVII в. она занимаетъ въ немъ довольно видное мѣсто, при томъ торговля отнюдь не ограничивается только одними потребностями мѣстнаго рынка.

Тула вступаетъ въ торговыя связи съ сосѣдними городами въ частности съ Вязьмой и Москвой, куда привозилось большею частью тульское желѣзо. Быть можетъ, Тула поддерживала связи и съ болѣе отдаленной Казанью; такъ уже въ XVI в. можно отмѣтить въ Казани наличность торговыхъ и ремесленныхъ людей колонистовъ изъ Тулы. Вся Тульская торговля сосредоточивалась

въ рукахъ мѣстнаго посадскаго населенія и отчасти военно-служилаго элемента. Больше всего на рынкѣ предлагалось продуктовъ питанія, далѣе шли москательный товаръ, продукты гончарнаго производства, продукты обработки волокнистыхъ веществъ, обработка кожаныхъ издѣлій, предметы роскоши. Торговля велась на рынкѣ, гдѣ были лавки, а также и по посадскимъ дворамъ.

Въ зависимости отъ торговли, было распространено и ремесло. Большая часть лицъ занималась обработкой желѣза. Затѣмъ шли ремесленные люди, изготовляющіе съѣстные припасы, обрабатывающіе волокнистыя вещества, занимающіеся кожевеннымъ и гончарнымъ производствомъ и обработкой дерева. Среди ремесленниковъ находилось и нѣкоторое количество наемныхъ людей. Словомъ, Тула въ XVII в. успѣла потерять видъ города-крѣпости и стала походить на обычный посадъ.

Вообще, въ мѣстностяхъ къ югу отъ Оки въ XVII в., въ городахъ понемногу развивались торговля и промышленность. Энергичные предприниматели сильно чувствовали тяготѣніе къ югу, куда ихъ тянули и почвенныя богатства, и превосходныя климатическія условія. Черезъ южную Украйну—Курскъ—Бѣлгородъ шла торговая дорога къ Малороссійской Украйнѣ, что въ значительной степени способствовало торгово-промышленному оживленію городовъ, находившихся на линіи Курскъ—Бѣлгородъ. Съ другой стороны черезъ Воронежъ шла дорога къ Азову, куда пріѣзжали татары и туркмены и обмѣнивали восточные товары, шелковыя ткани и драгоцѣнные камни на разные предметы русскаго производства. Естественно, что, благодаря торгово-промышленному оживленію, населеніе степныхъ городовъ существенно увеличилось, и города въ предѣлахъ Бѣлгородской черты къ концу XVII в. въ значительной степени потеряли свой военно-служилый оттѣнокъ. Въ нѣсколько иномъ отношеніи находились города, близкіе къ Москвѣ. Они представляли собой самодовлѣющую экономическую единицу. Правда, и въ нихъ было не мало военно-служилаго люда, но зато здѣсь достаточно была оживлена торгово-промышленная дѣятельность, что объясняется близостью къ Москвѣ, ставшей въ XVII в. центральнымъ рынкомъ. Въ этихъ городахъ развились свои мѣстные торги, куда свозился хлѣбъ, обыкновенно скупаемый скупщиками, а также и другіе предметы, какъ-то: лошади, коровы, свиньи, гуси, куры, медъ, конопля, ленъ. Изъ такихъ рынковъ особенно выдѣлился Нижній-Новгородъ, превратившійся въ весьма видный торговый центръ. Большое торговое значеніе имѣли посады Ростовъ, Великій-Устюгъ, Суздаль, Серпуховъ.

Мѣстности къ сѣверу отъ Москвы, въ особенности Поморье съ его неисчислимыми лѣсными богатствами, обильными пушнымъ звѣремъ, рыбными ловлями и соляными промыслами, были весьма развитымъ промышленнымъ райономъ. На Бѣлоозерѣ торговали солью, рыбой. Соловецкій монастырь имѣлъ огромныя соляныя варницы, вываривавшія ежегодно до 100,000 пуд. соли, которая черезъ Вологду впослѣдствіи вымѣнивалась на соль. Вологда и Архангельскъ въ силу своего географическаго положенія имѣли большое значеніе, какъ главные центры торговли съ иностранцами. Въ Архангельскѣ ежегодно происходила ярмарка, сначала только въ лѣтніе мѣсяцы, а съ 1676 г. ставшая безсрочной. Зато города Сѣверо-Западнаго края несомнѣнно находились въ упадкѣ. Экономическій кризисъ XVI в., смутное время, окончательная ликвидація остзейской торговли — все это поддерживало экономическое разореніе городовъ. Пустѣетъ Новгородъ, пустѣютъ его пригороды. Но впослѣдствіи Сѣверо-западному краю удалось подняться, благодаря развитію торговыхъ сношеній съ Западной Европой, отчасти Литвой. Такъ, въ Старой-Руссѣ въ 1620 г. было дворовъ 68, а въ 1678 г.—628 дв. Въ Новгородѣ въ началѣ вѣка было 540, а къ концу—900 дворовъ.

Но главнымъ экономическимъ райономъ, благодаря своему географиче-

скому положенію и нахожденію въ центрѣ внѣшнихъ и внутреннихъ торговыхъ путей, связывавшихъ его съ русскими областями и иностранными государствами, была Москва. Экономическое доминированіе Москвы уже сознавалось русскими и иностранцами. По словамъ С. М. Соловьева, въ XVII в. она стала численно меньше въ сравненіи съ XVI в., но зато въ значительной степени выросло ея хозяйственное значеніе. Москва стала мѣстомъ, куда вывозили сырые фабрикаты для иностраннаго отпуска, куда пріѣзжали для покупки иностранныхъ фабрикатовъ. Благодаря этому въ Москвѣ всегда толпилось не мало иностранцевъ, учитывавшихъ и обиліе столь нужнаго для Запада сырья и его дешевизну — отмѣчаетъ Мейербергъ. И населеніе учитывало это и снабжало Москву разнообразными продуктами. Сюда везли живую рыбу изъ Бѣлоозера, паюсную икру съ Поволжья, изъ Астрахани отправляли соль и соленую рыбу, изъ Сибири везли цѣнные мѣха, изъ южныхъ степей—хлѣбъ, спросъ на который вызвалъ повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, бывшихъ, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, въ общемъ значительно выше провинціальныхъ.

Привозили также въ Москву лѣсъ, сѣно, овчину, воскъ, ленъ. Не всѣ товары предлагались покупателямъ на рынкѣ вполнѣ свободно. Наиболѣе дорогіе изъ нихъ составляли собственность казны, но въ нее они попадали только черезъ московскій рынокъ.

Несмотря на изобиліе природныхъ богатствъ, московская промышленность была мало развита и не выходила за предѣлы мелкаго производства. Русское купечество, какъ доказалъ Туганъ-Барановскій, не обнаруживало намѣренія захватить въ свои руки производство, но занималось тѣмъ, что скупало предметы производствъ мелкаго производителя и ставило кустаря-землевладѣльца въ полную отъ себя зависимость. Благодаря этому, купечество могло накопить торговлей большіе капиталы, которые впослѣдствіи будутъ пущены въ оборотъ, лишь только выяснится выгодность ихъ приложенія.

Размѣры накопленнаго капитала, конечно, не могутъ быть представлены, но наличность большихъ капиталовъ, по мнѣнію многихъ иностранцевъ, внѣ всякаго сомнѣнія. То же могутъ подтвердить и свѣдѣнія, приводимыя Котошихинымъ о торговыхъ оборотахъ русскаго купечества. Такъ, торговые обороты гостей, въ количествѣ 30 человѣкъ, колебались между 20 — 100 тыс. рублей. Ясно, что въ рукахъ перворазряднаго купечества должны были оставаться большія деньги. Несмотря на преобладаніе мелкаго ремесла, уже въ XVII в. образовались промышленные районы. Такъ, Суздаль, Шуя, село Данилово (Нижегор. уѣзда) стали центрами кожевеннаго производства. Мѣстности вокругъ Ярославля и Вологды стали извѣстны своимъ полотнянымъ производствомъ. Въ Холмогорахъ возникъ даже канатный заводъ. Кузнечное дѣло преобладало среди населенія села Павлова (Нижегор. губ.). Въ Костромѣ былъ распространенъ иконный промыселъ. Около Новгорода, Устюга, Устюжны-Желѣзнопольской, Тихвина, Галича, Тулы былъ развитъ металлургическій промыселъ. Въ Псковѣ, Переяславлѣ, Бѣлоозерѣ изготовляли известь и кирпичъ. Въ сѣверномъ Поволжьѣ процвѣтало русское зодчество. Въ Ярославлѣ былъ развитъ судовый промыселъ. Вязьма была извѣстна производствомъ саней, Калуга и Каргополь—красивыми ложками, Козьмодемьянскъ, Холмогоры—сундуками. Среднее Поволжье славилось кожевенными издѣліями. Главнымъ ремесленнымъ центромъ была Москва. Она всегда чувствовала необходимость въ увеличеніи количества ремесленниковъ и часто по царскому указу переводились въ Москву ремесленники съ семьями: скорняки, каменщики, портные, кирпичники. Иногда правительство давало имъ подмогу, но большею частью отправка въ Москву совершалась на счетъ посадскаго населенія. Впрочемъ, вызванные ремесленники предназначались исключительно для удовлетворенія нуждъ и потребностей царскаго двора, что приходится признать доказаннымъ послѣ работъ М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Благодаря проникновенію капитала въ народно-хозяйственную жизнь, спросъ на разные ремесленные фабрикаты былъ довольно значителенъ. На почвѣ этого происходило раздѣленіе труда; появлялись спеціалисты своего дѣла, получавшіе предварительную подготовку и только послѣ свидѣтельствъ мастера записывались у ремесленнаго старосты, получая права на самостоятельную работу. Ремесленники могли работать непосредственно на рынокъ, но въ XVII в. часто они работали на заказчиковъ, даже изъ ихъ матеріала. Все это ставило ремесленниковъ въ полную зависимость отъ предпринимательскаго капитала. Конечно, главнымъ центромъ ремесленнаго производства оставалась Москва. Ремесленники были организованы въ черныя сотни и слободы. И тѣ и другіе были самоуправляющимися мірками, имѣли своихъ выборныхъ старостъ, свою мірскую казну, свой профессіональный судъ. Старосты, являясь представителями своего ремесленнаго міра, слѣдили за нарушеніемъ разныхъ правилъ и указовъ, собирали на сходы, предсѣдательствовали на нихъ, приводили въ исполненіе рѣшеніе схода. Ремесленное производство въ теченіе XVII в. оставалось мелкимъ, но въ концѣ вѣка уже были замѣтны первые признаки перехода къ болѣе крупному производству. Въ 1674 г. иностранецъ Илья Тарбетъ открылъ суконные и шерстяные заводы. Одновременно появляются бумажныя и хлѣбныя мельницы, стеклянный заводъ, бархатная фабрика, возникаютъ также и мыловаренные заводы. Въ 1666 г. возникъ сафьянный заводъ по почину правительства. Въ концѣ вѣка становится крупнымъ металлургическое производство въ Тульскомъ районѣ, благодаря предпринимательской дѣятельности Виніуса, къ заводамъ котораго была приписана цѣлая волость дворцовыхъ крестьянъ. Такія же волости приписывались къ заводамъ Марселиса и Окама. Къ концу XVII в. было положено начало отысканію рудныхъ залежей, и даже иностранная компанія хлопотала о предоставленіи ей отысканія и разработки желѣзной руды, но послѣ совѣщанія съ гостями ей было въ этомъ отказано.

Развившійся въ XVI в. товарообмѣнъ пустилъ въ XVII в. еще бѣлое глубокіе корни. Отчасти это надо поставить въ связь съ развитіемъ внѣшняго товарообмѣна, отчасти вслѣдствіе естественнаго раздѣленія на районы съ своими хозяйственными особенностями и природными богатствами. Въ силу этихъ условій отдѣльные районы не могли уже обойтись безъ экономическаго общенія съ другими областями. Благодаря этому совершался естественный обмѣнъ всякаго рода продуктами. Въ XVII в. центръ сельскохозяйственной культуры перемѣстился ближе къ югу, въ сторону чернозема. Сельскохозяйственная культура пала на сѣверѣ Замосковья. Населеніе тамъ занималось промыслами и, естественно, нуждалось въ разныхъ сельскохозяйственныхъ продуктахъ, главнымъ образомъ, въ хлѣбѣ.

Съ другой стороны, области сельскохозяйственной культуры получали необходимые фабрикаты изъ сѣверныхъ районовъ. Въ XVII в. совершился нѣкоторый сдвигъ населенія. Въ половинѣ вѣка городское населеніе сѣверныхъ городовъ уходитъ въ центръ Замосковья или движется еще дальше на югъ или востокъ. Ростъ городскихъ центровъ и ихъ обособленіе отъ деревни въ значительной степени способствовали развитію внутренняго товарообмѣна. Въ исторической литературѣ уже было отмѣчено, что экономическое оживленіе охватило не только города, но и деревни, гдѣ тоже возникали свои торговые центры. Правда, большого значенія они не имѣли и не измѣняли характера и быта деревни, но наличность ихъ все-таки необходимо отмѣтить. Сельская торговля получила слабое развитіе въ центрѣ. И это понятно: Москва была близка, и весь излишекъ производства отвозился туда. Сама же деревня жила въ рамкахъ натуральнаго хозяйства. За то иногда возникали сплошныя торгово-промышленныя сельскія поселенія, что отчасти зависѣло отъ мѣстныхъ особенностей и условій.

Таковымъ былъ обширный Двинскій край, тяготѣвшій къ Архангельску и Холмогорамъ — центрамъ заграничной торговли. Не исчезли торговыя села и въ Новгородской землѣ и Тверскомъ уѣздѣ. Даже въ Поволжьѣ можно отмѣтить ихъ наличность. Ростъ внутренняго товарообмѣна къ концу XVII в., несомнѣненъ, но статистическими данными это впечатлѣніе не приходится обосновать. Однако, стремленіе помѣщиковъ имѣть въ городахъ дворниковъ, занимавшихся тамъ безпошлинной торговлей, образованіе въ городахъ помѣщичьихъ и монастырскихъ слободъ, оставленныхъ за посадами по Уложенію 1649 г., можетъ служить показателемъ оживленія внутренняго товарообмѣна. На большія разстоянія, плохіе пути сообщенія въ значительной степени тормозили развитіе товарообмѣна и не могли содѣйствовать образованію рынка съ большимъ райономъ. Самая внутренняя торговля носила большею частью ярмарочный характеръ.

Параллельно росту внутренняго товарообмѣна развивался и внѣшній товарообмѣнъ. Иностранцы, въ особенности англичане сумѣли оцѣнить всю выгоду торговли съ русскими и недаромъ въ лицѣ Джона Мерика принимали дѣятельное участіе въ скорѣйшей ликвидаціи смутнаго времени, такъ какъ затяжная борьба мѣшала развитію товарообмѣна, и вообще уменьшала доходы торговой компаніи. Недаромъ, въ эпоху смуты могъ создаться проектъ, правда, довольно фантастическій, о распространеніи англійскаго протектората въ лицѣ Іакова I на весь сѣверъ, столь необходимый для англійскаго товарообмѣна. Москва, занимая центральное положеніе въ государствѣ и являясь естественнымъ посредникомъ между Западомъ и Востокомъ, имѣла и для внѣшняго товарообмѣна первостепенное значеніе. Въ Москвѣ сходились всѣ главныя направленія заграничныхъ путей. Отсюда шла важнѣйшая торговая артерія къ Бѣлому морю на Архангельскъ черезъ Вологду, Ярославль. Этой дорогой поддерживались торговыя сношенія съ Западной Европой. Не меньше имѣлъ значенія торговый путь по С. Двинѣ. Изъ Москвы черезъ Смоленскъ шла дорога въ Литву и изъ Новгорода къ Балтійскому морю, центру торговли со шведами и нѣмцами. По Волгѣ ѣздили въ восточныя страны — Бухару, Персію. Черезъ Тулу на Кіевъ шелъ торговый путь въ Украйну, южную часть Рѣчи-Посполитой и Крымъ, а черезъ далекую Сибирь поддерживались торговыя сношенія съ Китаемъ.

Не всѣ эти торговые пути имѣли одинаковое значеніе. Для Западной торговли въ теченіе XVII в. имѣлъ первостепенное значеніе Архангельскій торговый путь. Западные пути, благодаря непрочности отношеній со шведами и Рѣчью-Посполитой, не имѣли большого значенія. Мало значенія пока имѣли Украинскій и Сибирскій торговые пути, но торговля съ Востокомъ имѣла огромное значеніе. Москва являлась посредникомъ между Востокомъ и Западомъ въ продажѣ восточныхъ фабрикатовъ. Торговля по Бѣлому морю вначалѣ находилась въ рукахъ англичанъ, довольно хорошо устроившихся въ Россіи и имѣвшихъ конторы въ Москвѣ, Костромѣ, Псковѣ, Казани, Астрахани, Холмогорахъ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Благодаря свободѣ отъ уплаты всякихъ пошлинъ, торговыя дѣла Московской компаніи шли блестяще. При Борисѣ Годуновѣ англійскимъ привилегіямъ былъ нанесенъ весьма существенный ударъ. Борисъ разрѣшилъ иностранцамъ только оптовую торговлю и въ то же время ставилъ всяческія препятствія къ стремленію англичанъ и другихъ иностранцевъ проникнуть на востокъ. Посольство Флетчера съ цѣлью получить исключительное право торговли на Бѣломъ морѣ, а также и прямыхъ сношеній черезъ Московію съ Востокомъ не достигало своихъ цѣлей. Скоро даже положеніе англичанъ ухудшилось. По новой привилегіи англичане имѣли право держать конторы только въ Москвѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ и Холмогорахъ. Поѣздки на востокъ запрещались.

Въ эпоху Смутнаго времени сношенія съ англичанами прекратились, но съ воцареніемъ новой династіи эти сношенія снова возобновились. Уже въ августѣ 1614 г. Джонъ Мерикъ добивается установленія прежнихъ привилегій и права проѣзда въ Персію. При посредствѣ послѣдняго, по просьбѣ Михаила, былъ заключенъ миръ со шведами. Въ благодарность за оказанную помощь, правительство въ 1619 г. выдало новую привилегію съ правомъ безпошлинной торговли, но съ условіемъ доставлять въ казну необходимые ей предметы, какъ-то: сукна, оружіе, разныя матеріи по цѣнамъ, существующимъ на мѣстѣ, но всѣ попытки вступить въ прямыя сношенія съ Востокомъ окончились неудачно.

Благожелательное отношеніе новаго правительства къ англійской компаніи было отчасти вызвано неудачнымъ стремленіемъ Московскаго правительства заключить союзъ съ Англіей. Голландцы, появившіеся на Бѣломъ морѣ въ концѣ царствованія Грознаго, устроили конторы въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, Москвѣ и Вологдѣ. Новое правительство въ 1614 г. подтвердило привилегіи голландской компаніи. Они имѣли право вести свободную торговлю въ Архангельскѣ и Колѣ. Торговля должна была быть оптовой. Первые три года торговля велась безпошлинно, но въ дальнѣйшемъ пошлины должны были уплачиваться въ половинномъ размѣрѣ.

Въ дальнѣйшемъ голландцы стремились расширить свои привилегіи. Въ 1630 г. они добивались права свободнаго проѣзда въ Москву и Архангельскъ, а также, чтобы голландцу Эрнесту Филипсу съ компаніей было разрѣшено безпошлинно вести торговлю съ Персіей черезъ Московское государство съ уплатой ежегодно по 15000 руб. Разрѣшая пріѣздъ голландцевъ по именнымъ спискамъ, правительство рѣшительно отказало во второй просьбѣ. Не менѣе энергично стремились шведы проникнуть въ Москву. Приготовляясь къ веденію мирныхъ переговоровъ въ 1613 г., Густавъ Адольфъ давалъ комиссарамъ порученіе добиваться свободнаго товарообмѣна Московіи со Швеціей при условіи безпрепятственнаго въѣзда купцовъ иной страны, права поселенія шведовъ въ Россіи, права имѣть церкви и таможенныхъ чиновниковъ, монополизаціи шведско-русской торговли, въ рукахъ шведовъ. При веденіи переговоровъ въ Столбовѣ, шведы выставили требованіе о разрѣшеніи свободнаго проѣзда въ Персиду. По Столбовскому договору свободная торговля съ уплатой пошлинъ была разрѣшена. И другія предложенія были удовлетворены за исключеніемъ только права строить при конторахъ церкви. Но проѣздъ въ Персію разрѣшался только посламъ, и при томъ безъ торговыхъ людей и товаровъ. Правительство категорически отказывалось отдать восточную торговлю въ руки иностранцевъ. Въ 1629 г. Густавъ Адольфъ выступилъ съ проектомъ торговаго договора съ Москвой.

Договоръ предусматривалъ свободный вывозъ опредѣленнаго количества ржи для нуждъ Швеціи, а также и другихъ товаровъ, какъ-то: шелка, воска, селитра. Швеція съ своей стороны, могла ввозить: красную и бѣлую мѣдь, жесть, ядра, мушкеты. Предполагалось, что Ладога станетъ отправнымъ пунктамъ для шведско-московскаго товарообмѣна о проѣздѣ въ Персію не было уже рѣчи.

Благодаря всѣмъ этимъ привилегіямъ, иностранцы крѣпко держали въ рукахъ русскій рынокъ, всячески препятствуя, въ особенности голландцы, непосредственному сношенію русскихъ съ западно-европейскимъ рынкомъ. Когда купцомъ Власовымъ была сдѣлана попытка отправить корабль съ русскими товарами, непосредственно въ Амстердамъ, то ему пришлось вернуться не продавъ ничего изъ привезеннаго товара. Иностранцы, торговавшіе съ Московіей, привозили сукна, матеріи, металлическія издѣлія, военные припасы, оружіе. Съ своей стороны покупали сырье. Наиболѣе ходкое сырье составляло предметъ

царской монополіи: какъ-то: хлѣбъ, пенька, поташъ, смольчугъ, шелкъ сырецъ, ревень. Центромъ торговли былъ Архангельскъ, куда къ открытію весенней ярмарки привозилось большое количество всякихъ товаровъ. О размѣрахъ оборотовъ торговли можно судить по таможеннымъ пошлинамъ, собираемыхъ ежегодно въ Архангельскѣ. Такъ по Кильбургеру, послѣдніе равнялись въ 1654—1658 гг. въ среднемъ 17,808 р., въ 1664—1668 гг.—68,746 руб. въ годъ, что по курсу современнаго рубля давало милліонные доходы.

Несмотря на участіе во внѣшнемъ товарообмѣнѣ и другихъ иностранцевъ, однако первенствующая роль принадлежала англичанамъ.

Русское купечество первоначально относилось равнодушно къ занятію рынка иностранцами, но съ начала XVII в. русская буржуазія, чувствуя свою силу и значеніе, относится съ подозрѣніемъ къ иностранцамъ-купцамъ и постепенно вырабатываетъ экономическую программу полнаго освобожденія русскаго рынка отъ иностраннаго засилья „дабы старинным купецкимъ людямъ тягости и оскорбленія не было“. Эта программа, однако, была не скоро осуществлена.

Уже въ 1627 году московскіе гости высказываютъ мысль о томъ, чтобы не пускать въ Москву торговыхъ иноземцевъ безъ царскихъ жалованныхъ грамотъ. На соборѣ 1642 года гости жаловались на обнищаніе всякихъ людей отъ иноземцевъ, которые „все Московское государство оголодили“. Поданныя петиціи 1646—1649 гг. настойчиво выдвигаютъ мысль о высылкѣ всѣхъ иностранцевъ и о прекращеніи безпошлинной торговли. Послѣднія челобитія не прошли безслѣдно. Необходимость увеличенія металлическихъ запасовъ заставляла правительство итти навстрѣчу пожеланіямъ Московской буржуазіи. Въ 1649 г. эта программа была осуществлена. Лишеніе англичанъ привилегій было мотивировано революціонными событіями въ Англіи—убійствомъ „короля Карлуса“. Прекращеніе безпошлинной иностранной торговли и развитіе внутренней торговли выдвигали на очередь вопросъ о ближайшихъ задачахъ экономической политики. Раньше всего подверглись значительному упрощенію многочисленныя таможенныя внутреннія пошлины. Сначала это было сдѣлано въ уставѣ 1653 г. и дополнено въ ново-торговомъ уставѣ 1667 г. Послѣдній покровительствовалъ развитію свободнаго торга и освобожденію его отъ иностраннаго капитала, и отмѣнилъ всѣ внутреннія пошлины, замѣнивъ ее рублевой пошлиной въ 5% съ продажной стоимости товаровъ. Пошлина обычно взималась съ обѣихъ сторонъ. Означенныя пошлины распространяли свое дѣйствіе и на иностранные проданные товары. Привезенные, но не проданные были освобождены отъ уплаты пошлинъ.

Кромѣ того, иностранцы были обязаны уплатить проѣзжія пошлины въ размѣрѣ 10% стоимости товаровъ. Иностранцамъ разрѣшался свободный пріѣздъ въ пограничные города: Архангельскъ, Путивль, Псковъ и Новгородъ. Таможенныя пошлины должны были уплачиваться исключительно золотомъ и ефимками. Всякій же выходъ послѣднихъ былъ безусловно запрещенъ. Требованіе уплаты пошлинъ золотомъ и ефимками не могло не ставить пріѣзжихъ иностранцевъ въ затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что русскіе купцы уплачивали пошлины только серебромъ. Такимъ образомъ, благодаря тарифу, въ страну привлекались драгоцѣные металлы. Если въ пограничныхъ мѣстностяхъ иностранцы находились приблизительно въ одинаковомъ положеніи съ русскими, то за то на внутреннемъ рынкѣ иностранцы были вытѣснены окончательно, благодаря болѣе высокому таможенному обложенію. Помимо этого внутрь страны пропускались только тѣ изъ иностранныхъ купцовъ, кто имѣлъ особыя отъ государя „жалованныя грамоты“. Стремленіе къ эмансипаціи рынковъ отъ иностранцевъ проявлялось также и въ торговой политикѣ по отношенію къ восточной торговлѣ. Благодаря этому въ 1673 г. были ограничены права

армянской торговой компаніи, для торговли съ Персіей, былъ отмѣненъ отпускъ товаровъ за границу и отмѣнено вознагражденіе за потопленныя суда. Стѣсняя свободную торговлю иностранцевъ, правительство въ то же время во второй половинѣ стремилось урегулировать торговыя сношенія съ Швеціей и Польшей. По Кардискому миру 1661 г. шведскіе купцы получили право торговать по всей Россіи, и русскіе купцы получили право пріѣзжать въ пограничные города Стокгольмъ, Нарву, Ригу и имѣть тамъ торговыя связи. Только русскія торговыя отношенія опредѣлялись договоромъ 1667 г., по которому купцамъ обоихъ государствъ свободно разрѣшалось торговать въ пограничныхъ областяхъ. Въ 1678 г. польскіе купцы получили право свободнаго пріѣзда въ Москву, а русскіе могли ѣздить въ Краковъ, Варшаву, Вильну. Несмотря на покровительственную политику московскаго правительства, все же русскіе купцы находились далеко не въ одинаковомъ положеніи съ иностранцами.

Отсутствіе большихъ капиталовъ у большей части купечества ставило серьезныя препятствія къ освобожденію отъ иностраннаго засилья. Съ этой цѣлью Ордынъ-Нащокинъ, замѣчая у купечества отсутствіе наличнаго большого капитала, пытался организовать торговыя компаніи для объединенія мелкаго и крупнаго капиталовъ, благодаря чему русскій рынокъ могъ бы сильнѣе конкурировать съ иностраннымъ капиталомъ, а цѣны на товаръ не сбивались бы мелкими торговцами.

Итакъ, народное хозяйство, сильно пошатнувшееся въ эпоху смуты, въ теченіе XII в. медленно возстанавливалось и приходило въ норму. Страна попрежнему оставалась центромъ сельскохозяйственнаго производства, хотя районы сельскохозяйственной культуры перемѣстились нѣсколько къ югу, въ сторону степи. Одновременно съ сельскимъхозяйствомъ, въ сѣверной части страны было развито кустарное производство. Образовались даже отдѣльные экономическіе центры, спеціализировавшіеся на производствѣ тѣхъ или другихъ кустарныхъ производствъ. Внутренній и внѣшній товарообмѣнъ значительно увеличился. Возникали мѣстные рынки, торжки, погосты, бывшіе центромъ весьма оживленной торговли, но центральнымъ пунктомъ всего товарообмѣна была Москва. Возобновившіяся послѣ смуты торговыя сношенія съ иностранцами развивались въ теченіе всего вѣка, и въ Архангельскѣ они достигали весьма существенныхъ размѣровъ. Однако прававое положеніе иностранцевъ было измѣнено. Правительство лишило ихъ права безпошлинной торговли, и обложило товары пошлинами, стремилось освободить русскій рынокъ отъ иностраннаго засилья. Экономическая политика русскаго правительства нашла наиболѣе отчетливое выраженіе въ ново-торговомъ уставѣ 1667 г.

Финансы и финансовая политика въ XVI—XVII в.

Доходы княжескаго хозяйства. Финансы въ XVI в. Финансовыя мѣропріятія въ эпоху Смуты. Финансовая политика царя Михаила и Алексѣя. Прямое и косвенное обложеніе въ XVII в. Подлинные классы. Производство переписей. Посошное и подворное обложеніе. Бюджетъ и армія. Итоги.

Московскіе князья XV—начала XVI в. это пока крупные вотчинники, владѣвшіе самыми разнообразными доходными статьями, поступавшими въ распоряженіе государя. Благодаря такому значенію этихъ доходныхъ статей, князья и вотчинники съ большимъ вниманіемъ относились къ ихъ эксплуатаціи. Наиболѣе доходной статьей являлась сельское хозяйство. Князья владѣли многочисленными селами въ уѣздахъ. Уже князь Василій Васильевичъ упоминаетъ въ своихъ духовныхъ 125 селъ. Впослѣдствіи это количество княжескихъ

селъ увеличилось, такъ какъ съ исчезновеніемъ удѣльно—феодальной системы не мало вотчинъ удѣльныхъ князей стало собственностью Московскаго князя Княжескія села первоначально были населены холопами-страдниками, но съ теченіемъ времени появляются крестьяне—серебряники, уже привязанные къ селу. Крестьяне, садясь на пашню, брали взаймы деньги и хлѣбъ, за что, вѣроятно, приходилось работать на пашнѣ. Помимо этого, они же платили еще и нѣкоторый оброкъ. Величина княжеской запашки въ точности неизвѣстна, но большой, конечно, по размѣрамъ она быть не могла.

Барщина и оброкъ были обычными формами повинностнаго отношенія крестьянъ-серебренниковъ къ дворцовому селу, но иногда они вмѣсто барщины вносили такъ называемый „хлѣбъ посопный". Впрочемъ, такой оброчный хлѣбъ могъ быть собираемъ и наравнѣ съ барщиной. Доходы съ сельскаго хозяйства шли на удовлетвореніе дворцовыхъ потребностей. Иногда нѣкоторая ихъ часть „ежегодь" по жалованной грамотѣ могла перейти въ пользованіе частныхъ лицъ, напр. монастырей.

Рядомъ съ сельскимъ хозяйствомъ развивалось садоводство и огородничество. Работа въ садахъ и огородахъ производилась особыми садовниками и огородниками. Московскіе князья имѣли не мало садовъ въ Москвѣ и на посадахъ. Въ садахъ разводились фруктовыя деревья, продукты, которые шли на удовлетвореніе нуждъ княжескаго хозяйства. Въ огородахъ разводились: огурцы, дыни, капуста. Тамъ, гдѣ были налицо заливные луга, скотоводство составляло самостоятельную отрасль хозяйства. Покосы производились даровымъ крестьянскимъ трудомъ, и на скошенное мѣсто выгоняли скотъ. Наличность особаго разряда княжескихъ конюховъ говоритъ о княжескомъ коннозаводствѣ. Въ какой степени оно было развито, сказать трудно. Въ источникахъ упоминаются сѣдельныя и ѣздовыя лошади, стада жеребцовъ, кобылъ, лошаковъ. Занимаясь весьма интесивно сельскохозяйственной промышленностью, князья въ это же время эксплуатировали различныя природныя богатства: пчелиныя борти, охотничьи и рыбныя угодья, соленыя угодья. При тогдашнемъ обиліи лѣсовъ, бартничество было явленіемъ повсемѣстнымъ. Особенно было распространено бортничество по берегемъ рѣки Оки, территоріи Рязанскаго и Нижегородскаго княжества. Эксплуатируя сначала борти — посредствомъ холоповъ, съ теченіемъ времени, когда эксплуатація приняла большія размѣры, на бортной землѣ осаживались крестьяне бортники, обязанные за право пользованія княжеской землей эксплуатировать княжескую борть и доставлять ему необходимое количество меда. Бортническія поселенія и въ административномъ отношеніи составляли обособленную группу, во главѣ которой стоялъ особый бортный староста, а общее управленіе бортниками лежало на обязанности княжескихъ чиновниковъ. Обиліе лѣсовъ позволяло князьямъ извлекать изъ нихъ и другіе источники дохода. Князья охотились на пушного звѣря, находившагося въ изобиліи въ лѣсахъ, и эти охотничьи промыслы составляли весьма существенную отрасль княжескаго хозяйства. Особые ловчіе и подлазники завѣдывали княжеской охотой. Если спеціальныхъ слугъ на мѣстѣ не хватало, то прибѣгали къ помощи крестьянскаго населенія. Въ лѣсахъ, по рѣкамъ встрѣчались цѣлые бобровы гоны и охота на нихъ составляла весьма доходную статью въ княжескомъ хозяйствѣ. Для охоты на бобровъ, въ распоряженіи князя были особые слуги бобровники, большею частью, жившіе или по одиночкѣ, или образовавшіе небольшія деревни.

Впрочемъ иногда могли быть образованія и болѣе обширнаго характера. Если охота на крупнаго звѣря была доходной статьей, и притомъ видной, въ княжескомъ хозяйствѣ, то охота на птицъ была только любительскимъ занятіемъ, не имѣвшимъ никакого хозяйственнаго значенія. Располагая большими рыбными угодіями, князья довольно систематически ихъ эксплуатировали. Для

этой цѣли у князей были рыболовы, ловчане, неводчики. Наконецъ, во всякомъ княжескомъ хозяйствѣ, могли быть ремесленники, количество и значеніе которыхъ для хозяйства учтено быть не можетъ, благодаря крайней ограниченности свѣдѣній. Въ теченіе XIV—XVI вв. типъ княжескаго хозяйства остался почти безъ измѣненія. Въ своей основѣ оно оставалось натуральнымъ, и его отсталость особенно рѣзко выступила въ тотъ моментъ, когда натуральный укладъ хозяйственной жизни подвергался разложенію, когда возникалъ уже оживленный денежный товарообмѣнъ. Возникновеніе послѣдняго совпало съ моментомъ образованія московскаго государства, успѣвшаго поглотить всѣ удѣльно-феодальныя владѣнія.

Доходы съ княжескаго хозяйства уже были недостаточны въ удѣльно-феодальное время. Удѣльные князья прибѣгали къ новымъ доходнымъ статьямъ, и такими были разнообразные прямые и косвенные налоги. Съ образованіемъ Московскаго государства и распространеніемъ его задачъ въ области внѣшней политики, увеличеніе доходныхъ поступленій стало ближайшей цѣлью финансовой политики московскаго правительства. Серьезныя измѣненія въ организаціи сельскаго хозяйства въ XVI вѣкѣ и возникшій во второй половинѣ вѣка экономическій кризисъ оказали большое воздѣйствіе на финансовую политику правительства. До конца XVI в. въ характерѣ послѣдней не чувствуется никакой системы, никакого плана, и только въ концѣ вѣка намѣчается новая программа въ финансовой политикѣ правительства. Изъ прямыхъ налоговъ, падавшихъ на землю въ XII в., извѣстны: 1) казначеевы, дьячьи и подъяческія пошлины; 2) кормъ намѣстниковъ и волостелей; 3) дань; 4) ямскія деньги; 5) полоняничныя деньги; 6) натуральныя повинности — посошное и городовое дѣло... Во второй половинѣ вѣка были введены новые налоги — пищальныя деньги, а полоняничныя деньги превратились въ регулярную подать. Кромѣ того, старыя повинности—посошное дѣло и городовое дѣло стали переводиться кое-гдѣ на деньги. Однако, не всѣ виды земельной собственности подлежали обложенію перечисленными налогами. Въ этомъ отношеніи существуетъ большая пестрота, какъ это доказано С. Б. Веселовскимъ въ его трудѣ „Сошное письмо“.

Однообразіе въ обложеніи—фактъ значительно болѣе поздняго времени. Такъ дворцовыя волости, помимо всякихъ дворцовыхъ налоговъ, давали „деньги за посошный кормъ“, деньги ямскимъ охотникамъ на подмогу и прогоны, полоняничныя деньги. Посошную службу и городовое дѣло несли всѣ дворцовыя волости *). Населеніе Поморья, на посадѣ и уѣзда было обложено данными деньгами, ямскими, пищальными и приметными деньгами „за городовое, застное и ямчужное дѣло“. Кромѣ того, населеніе вносило также деньги за помѣстный доходъ, если оно успѣло освободиться отъ намѣстниковъ и получило уставную грамоту.

Перечисленные виды налоговъ не исчерпываютъ всѣхъ мѣстныхъ поступленій и, кромѣ того, въ мѣстности собирались далеко не полностью и не въ одинаковомъ размѣрѣ. Помимо общегосударственныхъ поступленій населеніе Поморья отбывало еще разныя мѣстныя и отъѣзжія службы у разныхъ государевыхъ дѣлъ: кабаковъ, таможныхъ, при продажѣ и покупкѣ хлѣба, ямскую гоньбу, ибо въ Поморьѣ не было казенныхъ ямщиковъ. Наконецъ, въ Поморьѣ существовала еще одна чисто мѣстная повинность—сибирскіе хлѣбные запасы. Населеніе Поморья было обязано возить въ Сибирь хлѣбъ на жалованіе сибирскимъ служилымъ людямъ. Эта принудительная возка хлѣба осложнялась еще обязанностью закупки хлѣба и отвѣтственностью за своевременную доставку его на мѣсто своего назначенія.

---

*) Изъ мѣстныхъ налоговъ надо отмѣтить: посошный хлѣбъ съ вытей.

Что же касается обложенія помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, то, по мнѣнію С. Б. Веселовскаго, „здѣсь гораздо меньше особенностей и больше однообразія“. Во второй половинѣ вѣка для этихъ земель обязательно существовали три общихъ начала: откупа за намѣстничій кормъ, полоняничныя деньги и деньги ямскимъ охотникамъ. Особое мѣсто въ исторіи обложенія XVI в. занимаютъ города, находившіеся внѣ Поморья. Тотъ же изслѣдователь отмѣчаетъ его крайнюю пестроту и наличность обилія мѣстныхъ особенностей. Посадское населеніе платило если не всюду, то во многихъ посадахъ данныя, ямскія, приметныя, пищальныя деньги, за намѣстническій кормъ.

Только въ концѣ XVI вѣка замѣтна тенденція ввести болѣе однообразную единицу обложенія. Въ концѣ XVI вѣка вводится соха въ 800 четей. Вопросъ замѣнѣ маленькихъ сохъ и сошекъ уже былъ предметомъ вниманія изслѣдователей русскаго прошлаго. А. А. Лаппо-Данилевскій и П. Н. Милюковъ, кажется, первые заговорили болѣе подробно съ фактами въ рукахъ о реформѣ посошнаго обложенія. Но и въ настоящее время едва ли можно считать выясненнымъ этотъ вопросъ во всѣхъ отношеніяхъ. Еще многое нуждается въ болѣе детальномъ уясненіи. Автору „Сошнаго письма“ С. Б. Веселовскому, послѣднему изъ тѣхъ, кто касался вопроса о введеніи Большой Московской сохи, самая реформа представляется осуществленной въ виду слѣдующаго соображенія.

С. Б. Веселовскій указываетъ, что и раньше, до введенія Большой Московской сохи, были нерѣдки образованія по отдѣльнымъ мѣстностямъ болѣе крупныхъ окладныхъ единицъ, путемъ соединенія для оклада налогами и повинностями болѣе мелкихъ обежъ, вытей и сошекъ и самое соединеніе, очевидно, вызывалось какими-то мѣстными нуждами обложенія. Но, по мнѣнію С. Б. Веселовскаго, Большую Московскую соху отнюдь нельзя разсматривать какъ результатъ соединенія болѣе мелкихъ окладныхъ единицъ. Большая соха, думаетъ тотъ же изслѣдователь, является готовой нормой, приносимой писцами извнѣ, а не естественнымъ соединеніемъ вытей. И возникновеніе таковой нормы надо искать внѣ техники обложенія. Введеніе Большой Московской сохи вызвано необходимостью построить обложеніе „на началахъ удобства оклада какъ для самаго правительства, такъ и въ удобствахъ платежа податей и отбыванія повинностей для населенія“. —Но все таки, помнѣнію, С. Б. Веселовскаго, только однѣми нуждами обложенія нельзя объяснить введеніе Большой Московской сохи. Приходится считаться и съ другими явленіями, въ частности съ стремленіемъ правительства „достигнуть болѣе точнаго соотвѣтствія между служилымъ, помѣстнымъ и вотчиннымъ землевладѣніемъ и службой съ него, а также достигнуть уравненія въ тяглѣ и болѣе тяжелаго обложенія монастырскихъ и церковныхъ земель“.

Этимъ и объясняется почему рядомъ съ сохой въ 800 четей существуетъ монастырская соха въ 600 четей. Таковое предположеніе выше названнаго изслѣдователемъ, нуждающееся, по его мнѣнію, въ дальнейшемъ обоснованіи и изученіи.

Смутное время—тяжелый моментъ для финансовъ московскаго государства Правительству Шуйскаго было ясно, что довольствоваться только одними финансовыми поступленіями стало фактически невозможно. Да и поступленія, вслѣдствіе охватившей страну разрухи, правильными быть не могли. Приходилось измышлять новые источники доходовъ. Такъ правительство Шуйскаго стало прибѣгать къ безпорядочнымъ займамъ у частныхъ лицъ. Таковы были займы у Строгоновыхъ и Соловецкаго монастыря. Затѣмъ, правительство Шуйскаго рѣшило выпустить монету на 25% легче стоимостью, что, конечно, способствовало полной дезорганизаціи финансовъ страны. Финансовые вопросы были предметомъ усиленнаго вниманія со стороны руководителей перваго земскаго ополченія. Прежде всего они стали разсылать требованія воеводамъ о немедленномъ сборѣ

„окладныхъ и неокладныхъ и всякихъ денежныхъ сборовъ“ и о присылкѣ „сполна“ ихъ въ полки подъ Москву. Кромѣ того, представители провинціальной администраціи должны были прислать въ Москву и тѣ документы, по которымъ собираются эти доходы,—представить выписки изъ „писцовыхъ, дозорныхъ и платежныхъ“ книгъ, по которымъ„ збираютъ ямскіе, Большого приходу и четвертные всякіе денежные доходы“, а также книги разныхъ таможенныхъ, кабацкихъ и уставныхъ грамотъ. „Собранныя подати необходимо послать въ Москву со старостами, цѣловальниками и провожатыми, чтобы имъ тѣ деньги довезти до Москвы здорово и безстрашно“.

Однако голосъ представителей земскаго ополченія, кажется, не имѣетъ особеннаго вліянія на населеніе, такъ какъ такія напоминанія приходилось дѣлатья постоянно. Послѣ убійства Пр. ок. Ляпунова представителями земли считали себя Дмитрій Трубецкой и Иванъ Заруцкій. И они тоже стремились собрать въ полки необходимые денежные (рессурсы) по всей вѣроятности эти обращенія оказались безрезультатными. Слишкомъ часто приходилось объ этомъ напоминать. 22 августа 1911 года „по совѣту всей земли бояре и воеводы постановили собрать для ратныхъ людей подъ Москвой шубы, съ сохи по 27 шубъ и съ трехъ вытей по шубѣ. Посошная раскладка примѣнялась въ часновладѣльческихъ, духовныхъ и свѣтскихъ имѣніяхъ. Вытная раскладка имѣло мѣсто въ дворовыхъ и черныхъ волостяхъ. Для сбора за шубами были посланы особые уполномоченные, получившіе наказъ. Шубы должны были быть „просторны и не ветчаны“. Сборщики должны были, никому не„ норовити и посулы, а поминки не брати“.

Вмѣстѣ съ этимъ провинціальная администрація получила приказаніе содѣйствовать всячески посланнымъ для сбора шубъ для ратныхъ людей. Шубный сборъ былъ вызванъ близостью зимняго времени. Онъ былъ обязателенъ для всѣхъ и, казалось, не допускалъ никакихъ изъятій. На дѣлѣ было иное. Бояре подъ Москвой стали забрасываться челобитіями объ освобожденіи просителей отъ шубнаго сбора. Рязанцы, ссылаясь на свое разореніе отъ набѣговъ татаръ, благодаря, которымъ многіе изъ нихъ умираютъ голодной смертью, просили смиловаться. Серпуховскіе бояре, посадскіе люди и власти монастырскіе просили „не правити шубами для нашіе бѣдности и разоренія отъ литовскихъ и крымскихъ людей“. Указавъ на полное запустѣніе своего уѣзда—о томъ же просили Тверяки. И правительству приходилось прислушиваться къ голосу мѣстнаго боярства и освобождать населеніе отъ шубнаго сбора.

Обращались къ правительству подъ Москвой съ подобной же просбой и отдѣльныя лица, ссылаясь на свою бѣдность и разореніе, на небольшой размѣръ помѣстья. Иногда просьба объ освобожденіи отъ шубнаго сбора мотивировалась долголѣтней службой.

Такія челобитія отнюдь не исключенія, а явленія обычнаго порядка, и освобожденіе многихъ отъ шубнаго сбора обрекало самый сборъ на полную неудачу. Помимо этого, кажется, вообще, шубный сборъ потерпѣлъ неудачу. Казацкое правительство не было признано всей землей. Недаромъ правительство посылало дополнительныя приказанія „ругая воеводъ за промедленіе, а сборщикамъ угрожая за промедленіе кнутомъ“.

На дѣлѣ же сборщики были не виноваты.

Отдѣльныя группы населенія отказывались подчиниться требованіямъ правительства и, кромѣ того не всегда матеріальныя условія жизни населенія являлись достаточнымъ для сбора шубной подати. Въ общемъ, несомнѣнно, шубный сборъ потерпѣлъ неудачу. Стремясь увеличить доходныя поступленія, казацкое правительство раздавало на откупъ кабаки, беря впередъ откупныя деньги, а также требовало, чтобы взятыя откупа находились въ рукахъ тѣхъ, кто ихъ откупилъ. Впрочемъ, трудно сказать насколько послѣднее требованіе было выполнимо и слушалась ли провинціальная администрація казацкаго правительства.

Недовольствуясь постоянными сборами, казацкое правительство рѣшило обратиться къ сбору экстренныхъ поступленій. Правительство обращалось къ населенію съ просбой дать „закупныя деньги ратнымъ людямъ для подмосковныя земскія службы“ сколько кому можно, дабы они не разошлись изъ подъ Москвы, а у правительства денегъ нѣтъ „дати нечево“.

Финансовая политика перваго земскаго ополченія вплоть до его окончательнаго распада была случайна и должна была удовлетворять только нуждамъ текущаго момента. Да и результаты ея, вѣроятно, были ничтожны, такъ какъ провинціальная администрація не обнаруживала сильнаго стремленія подчиняться приказаніямъ правительства, оставшагося подъ Москвой, послѣ фактическаго распаденія перваго земскаго ополченія.

Когда образовалось второе земское ополченіе, то, по предложенію Козьмы Минина, съ населенія собиралась третья деньга — т.-е. треть животовъ и промысловъ. Этотъ сборъ былъ частью добровольнымъ пожертвованіемъ, частью принудительнымъ займомъ, часть котораго была возвращена нижегородцамъ. Когда ополченіе сформировалось и находилось въ Ярославлѣ, кн. Пожарскій разослалъ сборщиковъ для сбора податей, или предписывалъ населенію прислать собранныя деньги въ Ярославль. Мало того, руководители второго земскаго ополченія отдавали распоряженіе и о сборѣ недоимокъ за прежніе годы. И освободиться отъ этого можно было только подачей спеціальнаго челобитія объ освобожденіи отъ уплаты недоимокъ прежнихъ лѣтъ. Когда собрался земскій соборъ для выбора государя, то въ рукахъ его сосредоточилось и управленіе финансами страны.

Верховное завѣдываніе финансами находилось въ вѣдѣніи собора до тѣхъ поръ, пока не укрѣпилась въ Москвѣ новая власть. Заботясь о томъ, чтобы воеводы и приказные люди собирали „всякіе доходы“ и присылали ихъ въ Москву, соборъ, подчеркивая свою силу и значеніе, настаивалъ на недѣйствительности прежнихъ указовъ и распоряженій, и поэтому члены собора „жалованіяхъ безъ всего собору и безъ боярскаго приговору никому никакія расходы давать не велѣли“. Рекомендуя воеводамъ и дьякамъ быстрый сборъ налоговъ, соборъ настаивалъ на примѣненіи самыхъ строгихъ мѣръ по отношенію ко всѣмъ ослушникамъ воли земскаго собора „чтобы имъ впередъ ослушатись было не повадно“. Новое правительство получило довольно разстроенное финансовое хозяйство. Въ центральныя учрежденія денежныя поступленія притекали не регулярно, несмотря на повторныя требованія правительства Смутнаго времени. Помимо этого, само населеніе прекратило уплату слѣдуемыхъ съ него податей или уплачивало съ большой неохотой, съ не малыми недоимками. Да и администрація на мѣстахъ часто присваивала себѣ правительственныя средства и довольно безконтрольно ими распоряжалась. Дѣятели второго земскаго ополченія, озабоченные недостаткомъ денежныхъ средствъ, примѣняли мѣры для ихъ сбора и при этомъ рѣшили собирать „всякіе денежные сборы на сторонѣ“. Эта старая финансовая система была усвоена и новымъ правительствомъ Михаила. Однако, при ея выполненіи, встрѣтилилось не мало существенныхъ трудностей и отсутствіе точнаго учета денежныхъ поступленій, благодаря гибели массы финансовыхъ документовъ и непризнаніе пока на мѣстахъ новой власти

Стремясь къ тому, чтобы наладить денежныя поступленія по старымъ документамъ, правительство Михаила было весьма озабочено отысканіемъ необходимыхъ денежныхъ средствъ для удовлетворенія насущныхъ нуждъ. Для этого приходилось обратится и къ внѣшнему займу и добровольнымъ пожертвованіямъ. Первый имѣлъ мало успѣха. Только персидскій шахъ снабдилъ правительство нѣкоторой суммой да англичане прислали тогда деньги, когда особенной необходимости въ нихъ уже не чувствовалось. И добровольныя пожертвованія, кажется, были незначительны. Небольшія суммы были заняты у иностранцевъ,

постоянно торговавшихъ съ Россіей и впослѣдствіи имъ возвращенныхъ. Въ виду финансоваго кризиса правительство царя Михаила весной и лѣтомъ 1613 г. разослало парочныхъ, чтобы просить у всякихъ чиновъ денегъ взаймы. Правительство просило населеніе государю „послужити, взаймы деньгами и хлѣбомъ и всякими запасами государя ссудити и тѣмъ ратныхъ людей пополнити и противъ непріятеля нашей вѣры и государственныхъ недруговъ и измѣнниковъ охрабрити". Правительство давало обѣщаніе въ будущемъ, когда наладится жизнь, „заплатити все изъ своей царской казны тотчасъ безъ всякаго переводу". Призывая къ патріотическимъ и религіознымъ чувствамъ всякихъ чиновъ людей, правительство иногда упоминало о возможной карѣ небесной, если православная вѣра разорится. Обращаясь къ населенію съ просьбой о добровольной ссудѣ деньгами новое правительство указывало населенію, что давать-то ссуду оно должно „обложась по своимъ прожиткамъ и промысламъ". Въ томъ же году было назначено еще два чрезвычайныхъ налога: 1) были взяты лошади или деньги за нихъ, правда не совсѣхъ частей государства и 2) были собраны пушечныя запасы. Помимо этого, населенію на мѣстахъ приходилось тратить большія деньги на постройку укрѣпленій, выдавать хлѣбные и денежные жалованія мѣстнымъ горнизонамъ. Наконецъ, правительство стало на путь, проторенный при Василіи Шуйскомъ, и выпускало на рынокъ болѣе легкую монету. Конечно, всѣхъ этихъ финансовыхъ мѣропріятій оказалось недостаточно. Въ январѣ 1614 года былъ назначенъ новый сборъ хлѣбныхъ запасовъ и денегъ за нихъ ратнымъ людямъ. Впрочемъ, первый этотъ сборъ окончился неудачей. Въ виду того, что финансовая нужда не уменьшилась, правильное поступленіе налоговъ фактически было невозможно, какъ по отсутствію у правительства средствъ для правильнаго сбора налоговъ, такъ и въ виду несоотвѣтствія между сошнымъ письмомъ и дѣйствительнымъ положеніемъ страны, правительство въ лицѣ земскаго собора рѣшило прибѣгнуть къ сбору экстреннаго налога. Апрѣльскимъ приговоромъ 1614 г. было рѣшено произвести сборъ пятинной деньги со всего государства. Впрочемъ, полнаго приговора собора не сохранилось. Нѣтъ также и наказовъ сборщикамъ пятины. Во всякомъ случаѣ, новый сборъ былъ не для всѣхъ экстреннымъ налогомъ. Для нѣкоторыхъ мѣстностей это былъ только принудительный заемъ. Правительство въ этомъ случаѣ обѣщало „зачести вамъ въ наши данные и оброчные и въ иные наши доходы и въ пошлины впередъ въ 123 г. (1615 г.) и въ иные прежніе годы".

Теоретически экстренный сборъ былъ обязателенъ для всѣхъ не исключая „грамотчиковъ, тарханщиковъ и льготчиковъ", всѣхъ привелигированныхъ землевладѣльцевъ. Однако, на практикѣ черезъ челобитіе можно было освободиться отъ уплаты пятинныхъ денегъ, что иногда влекло за собой и возвращеніе уже взятой суммы. Такія изъятія мотивировались поразному. Вологодскій архіепископъ Некторій получилъ обратно свои деньги „для строенія церкви Божіей и для ради домового опустошенія", Кирилло-Бѣлозерскій монастырь былъ освобожденъ подъ условіемъ что онъ „ратныхъ людей въ монастырь и городъ и осаду отъ воровъ держать собою и жалованье ратнымъ людямъ давать изъ монастырской казны".

По приговору собора пятинныя деньги подлежало брать, „и съ посада и съ уѣзда, съ грамотчиковъ и съ тарханщиковъ и съ льготчиковъ, съ гостей и съ посадскихъ и съ слободскихъ, и съ уѣздныхъ со всякихъ людей и съ дворцовыхъ селъ и сѣверныхъ волостей и съ протопоповъ и поповъ, за которыми вотчины и данныя земли есть и съ монастырскихъ крестьянъ".

Этотъ перечень субъектовъ обложенія, однако, не полонъ. Обложенію пятой деньгой подлежали и иностранцы, жившіе своими дворами и торговавшіе въ Московскомъ государствѣ. Была попытка привлечь къ уплатѣ пятинныхъ денегъ и инородцевъ. Только пашенные крестьяне, что еще было указанно П. Н. Ми-

люковымъ, были освобождены отъ уплаты этого сбора Большинство крестьянъ было освобождено только потому, что они были люди небогатые, и животы и промыслы ихъ были свободны отъ обложенія. Впрочемъ, по мнѣнію С. Б. Веселовскаго это мнѣніе довольно категорично. На дѣлѣ и крестьяне, не имѣвшіе торговъ иногда платили. До послѣдняго времени не были извѣстны подробности относительно этого и послѣдующихъ экстренныхъ сборовъ. И только благодаря изслѣдованію С. Б. Веселовскаго „Семь сборовъ запросныхъ пятинныхъ денегъ“ можно представить задуманныя операціи въ довольно отчетливомъ видѣ.

Сборъ пятинныхъ денегъ былъ порученъ особымъ сборщикамъ пятинщикамъ, которые собирали ихъ въ теченіе всего 1614 и начала 1615 года. По пріѣздѣ на мѣсто, сборщики собирали мѣстное населеніе и читали приговоръ собора о сборѣ пятинныхъ денегъ. Затѣмъ населеніе было обязано выбрать изъ своей среды складчиковъ „изъ всякихъ людей“ и привести къ присягѣ на томъ, что они будутъ окладывать вправду. Нарушавшіе свою присягу должны были уплатить двойной или тройной штрафъ. Предоставляя окладчикамъ обложеніе населенія по собственному усмотрѣнію, пятинщики только въ томъ случаѣ вмѣшивались въ ихъ дѣйствія, когда находили оклады выборныхъ невѣрными. Впрочемъ, болѣе ретивые пятинщики дѣйствовали и въ этомъ случаѣ по собственному усмотренію, облагая самостоятельно населеніе. Во всякомъ случаѣ, обязанности пятинщиковъ были довольно хлопотливы, такъ какъ случаи утайки и обмана бывали неоднократно. Объектомъ обложенія служили „животы, торги и промыслы“ если послѣднихъ было болѣе чѣмъ на 10 рублей. Съ такой суммы брали пятую долю т.-е. 20%. Сборъ новыхъ денегъ происходилъ при весьма неблагопріятной обстановкѣ. Населеніе было разорено отъ смуты, благодаря грабежамъ бродячихъ шаекъ. Мѣстами населеніе открыто оказывало пассивное сопротивленіе. При пріѣздѣ сборщиковъ населеніе иногда обнаруживало намѣреніе разбѣжаться по лѣсамъ. Это особенно примѣненно по отношенію къ инородцамъ. Въ концѣ концовъ пятинщикамъ, поговоря съ воеводой, минуя правительства, пришлось отказаться отъ сбора пятой деньги съ инородцевъ.

Иногда сопротивленіе носило совершенно открытый характеръ, нежелая „себя класть въ складъ“ и „считая, что выборныхъ людей дати не кого“. Довольно часто населеніе показывало пониженную оцѣнку своего имущества, и, такое явленіе отнюдь не было какой-либо случайностью. Быть можетъ этимъ надо объяснять незаконныя дѣйствія плательщиковъ, которые въ Казани, на Устюжнѣ облагали населеніе, имѣвшее животовъ ниже 10 рублей.

При облаженіи пятинщиками населенія происходили частыя недоразумѣнія на почвѣ неправильнаго, съ точки зрѣнія населенія, обложенія. Случалось, что сборщики пятины несчитались съ тѣмъ, что тѣ или другія лица вели торговлю въ кредитъ, и, несмотря на это, пятинщики „долговъ ни у кого не вычитали“. Кромѣ того, пятинщики иногда одного и того же торговаго, человѣка подвергали двойному обложенію, если только его товаръ оказался записаннымъ въ двухъ мѣстахъ, что было вполнѣ возможо при тогдашней таможенной политикѣ.

Чтобы бороться съ злоупотребленіями субъектовъ обложенія, пятинщики требовали, для просмотра таможенныя описи, выслушивали доносъ частныхъ лицъ, сыскивали промыслы людей „всякими мѣрами“. Но едва ли всѣ указанные пріемы достигали поставленной себѣ цѣли. Такова была практика сбора пятины.

Довольно спорнымъ является вопросъ, что собственно было ея объектомъ. Въ исторической литературѣ мнѣнія по этому поводу существенно расходятся. П. Н. Милюковъ считаетъ ее налогомъ съ дохода; С. Ф. Платоновъ—налогомъ поимущественнымъ. По мнѣнію В. О. Ключевскаго—пятининый сборъ—это наименьшій чистый годовой доходъ только съ торговаго и оборотнаго капитала, или

доходной недвижимости: лавки, завода и т. д. С. Б. Веселовскій не соглашается съ вышеназванными опредѣленіями. Онъ думаетъ, что пятина не всегда налогъ, но часто для нѣкоторыхъ категорій принудительный заемъ, а для другихъ— она зачитывалась, какъ недоимки по доходамъ. Иногда же зачитывалась въ будущіе налоги; ее нельзя назвать подоходнымъ налогомъ, при которомъ въ основу обложенія берется доходъ за опредѣленный срокъ. Этого, конечно, не могло быть; пятинщики берутъ обыкновенно пятину съ наличной движимости, которую имъ удается опредѣлить, какъ это бывало съ торгово-промышленнымъ населеніемъ. При наличности недвижимости, какъ у сельскаго населенія, пятинщики принимали въ основу обложенія сошное письмо и мірскія разрубы. Иногда же весь доходъ исчислялся стоимостью всей движимости, что, конечно, для сборщиковъ представляло не малое затрудненіе. Кромѣ того, пятина, падая на движимость, безразлично къ наличной движимости отдѣльныхъ хозяйственныхъ статей, должна была, естественно, отразиться, какъ на частно владѣльческомъ, такъ и на народномъ хозяйствѣ.

Внутреннее положеніе государства заставило правительство прибѣгнуть къ сбору второй пятины. Объ этомъ состоялось рѣшеніе въ апрѣлѣ 1615 г., времени, когда еще не выяснились итоги сбора первой пятины. Въ ея назначеніи, кажется, Земскій Соборъ не принималъ участія. Сравнительно съ первой пятиной, новый сборъ представлялъ нѣкоторыя особенности. Во-первыхъ, былъ отмѣненъ свободный минимумъ отъ обложенія. Посадскія люди, имѣвшіе животовъ и промысловъ менѣе, чѣмъ по 10 рублей, должны были платить по гривнѣ или 2 гривны съ двора. Для сельскихъ массъ былъ принятъ не квотативный, а репартиціонный налогъ по 120 рублей съ сохи. Такимъ образомъ, вторая пятина затрагивала интересы всего населенія, а не только низшіе слои, посадскаго и уѣзднаго населенія. Сборъ второй пятины былъ начатъ въ концѣ 1615 г. и затянулся и на первую половину слѣдующаго года.

Собравшійся въ началѣ 1616 года Земскій Соборъ уже въ мартѣ назначилъ сборъ третьей пятины, необходимость которой мотивировалась отсутствіемъ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, „которые безъ нашего жалованья служить не хотятъ“. Новый сборъ былъ построенъ на нѣсколько иныхъ основаніяхъ. Соборъ установилъ опредѣленный окладъ, приходившійся на долю того или иного города. Неторговые посадскіе и уѣздные люди платили по 120 рублей съ сохи. Опредѣляя городскія нормы окладовъ третьей пятины, правительство, по всей вѣроятности, какъ думаетъ С. Б. Веселовскій, пользовалось данными сбора первыхъ двухъ пятинъ.

Принятая система обложенія дѣлала совершенно лишнимъ институтъ пятинщиковъ. Сборъ новой пятины теперь лежалъ всецѣло на отвѣтственности самого населенія, которое для оклада и сбора было обязано выбрать съ посада и съ уѣзда людей „добрыхъ и вѣрныхъ, душей прямыхъ и богобоязливыхъ“ и связать ихъ присягой въ томъ, что они будутъ окладывать и собирать правду „не такъ, какъ въ прошлыхъ годахъ многіе животы свои таили“. Собранныя деньги выборные были обязаны прислать въ Москву послѣ Великаго дня, „безо всякаго перевода, не дожидаясь въ тѣхъ деньгахъ приставовъ изъ прогоновъ“. Пятина собиралась „со всякихъ людей, съ животовъ, и съ тѣхъ, кто не платилъ ничего въ прошломъ при сборѣ второй пятины, хотя бы имѣлъ самое не большое имущество, чтобы никто въ избылыхъ не былъ“. Сборъ новой пятины былъ законченъ въ началѣ 1617 года.

Нужда въ деньгахъ заставила Земскій Соборъ въ іюнѣ 1617 года постановить сборъ новой пятины. Мотивы для сбора были тѣ же: „ратные люди остаются безъ жалованья, съ голоду ѣли кобылятину и собакъ, и потому многіе изъ нихъ разбѣжались“. Оклады четвертой пятины были утверждены Соборомъ. Однако въ организаціи сбора не все ясно. Остается невыясненнымъ,

принимали ли участіе въ уплатѣ окладовъ одни торговые люди, или неторговые люди посадовъ и уѣздовъ были обязаны по примѣру предыдущей пятины давать посошныя деньги.

Въ августѣ 1618 года безъ участія Земскаго Собора былъ назначенъ сборъ пятой пятины въ окладахъ предыдущаго года. Распоряженіе о сборѣ пятины сопровождалось требованіемъ своевременной ея присылкѣ подъ угрозой „тѣ деньги доправити на населеніи и взяти съ него вдвое". И эти угрозы не были только словами. Обязанность сбора пятой деньги, лежала на мѣстныхъ провинціальныхъ воеводахъ. Наконецъ, когда въ сентябрѣ 1619 года приходилось готовиться къ защитѣ отъ королевича Владислава—было рѣшено собрать еще разъ запросныя деньги, кажется, по окладамъ 1617 года. Такъ затруднительное финансовое положеніе государства заставляло правительство прибѣгать къ постоянному сбору экстренныхъ налоговъ. Послѣдніе три сбора были легче первыхъ. Отчасти это можно объяснить истощеніемъ средствъ населенія, отчасти тѣмъ, что къ этому времени была закончена Шведская война и заключено перемиріе со шведами. Третья же пятина была наиболѣе тяжелой для населенія. Въ общемъ же бюджетѣ пятинныя деньги составляли 10% всѣхъ налоговъ.

Назначая пятинные и запросные сборы, правительству перваго Романова приходилось создавать для сбора денегъ спеціальные учрежденія-приказы, поручаемые лицамъ, близко стоявшимъ ко двору и имѣвшимъ тамъ придворныя связи. Послѣ 1619 года правительство даетъ населенію передышку на 12 лѣтъ и возобновило сборъ экстренныхъ сборовъ только въ 1631 году, когда приходилось готовиться къ Смоленской войнѣ. Въ теченіе 1631—1633 годовъ производились экстренные сборы съ монастырскихъ и церковныхъ земель по 35 рублей съ 400 чегей. Въ январѣ 1632 года собрались для наемныхъ нѣмцевъ хлѣбные запасы съ четвертей всѣхъ уѣздовъ. Смоленская война 1633—1634 гг. потребовала новые экстренные сборы со всѣхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ въ походѣ. Вмѣстѣ съ этимъ правительство прибѣгло и къ сбору пятины, съ каковой цѣлью посылались изъ Москвы особые уполномоченные изъ столичнаго торговаго люда, а на мѣстахъ создавались особыя коллегіи окладчиковъ, частью по выбору мѣстныхъ міровъ, частью по указанію изъ Москвы. На каждый городъ былъ положенъ опредѣленный окладъ, величина котораго опредѣлялась промышленнымъ значеніемъ того или другого города.

Новая пятина была встрѣчена населеніемъ довольно враждебно. Въ однихъ мѣстахъ при появленіи пятинщиковъ, населеніе разбрелось „безвѣсно", въ другихъ мѣстахъ окладчики жаловались, что имъ велятъ окладывать „пятой деньгой не вправду, не по животомъ и промысломъ". Иногда мѣстная администрація въ лицѣ воеводы оказывала сборщикамъ существенное противодѣйствіе. Случалось также, что назначенные въ Москвѣ выборные, когда узнавали о состоявшемся назначеніи, разбѣгались и уже на мѣстахъ приходилось брать добавочныхъ окладчиковъ изъ посадскихъ людей; дворниковъ монастырскихъ и пушкарей. Да и наличное населеніе всякими правдами и не правдами стремилось избѣжать пятиннаго сбора, и пятинщикамъ приходилось тратить не малое усиліе, что бы опредѣлить цѣнность имущества того или другого посадскаго человѣка.

Послѣ Смоленской войны въ теченіе трехъ лѣтъ правительство не собирало никакихъ экстренныхъ сборовъ, но крымскіе набѣги 1637 года снова заставили къ нимъ прибѣгнуть. Было рѣшено для военныхъ цѣлей собрать сборы по 4 разрядамъ: съ земели духовенства съ чети пашни по 40 алтынъ, а съ черныхъ земель, дворцовыхъ селъ по полтынѣ съ выти, съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель съ живущей чети по 20 алтынъ, а съ вдовъ и недорос-

лей по 10 алтынъ. Всѣ эти сборы сильно подорвали платежныя силы населенію, нанесли огромный ударъ по матеріальному положенію. Недаромъ среди служилаго класса существовало опредѣленное оппозиціонное настроеніе, особенно рѣзко выразившееся на Соборѣ 1642 года, на которомъ мелко помѣстные служилые люди рекомендовали правительству цѣлую финансовую программу, рекомендуя на содержаніе ратныхъ людей собирать съ неслужилыхъ людей „чтобъ и неслуживые съ служивыми людьми въ равенствѣ были, никто бъ въ избылыхъ не былъ“. Даточныхъ же людей брать „съ большихъ мѣстъ, съ монастырей и съ пожалованныхъ людей, за которыми помѣстія и вотчинъ много“.

Къ экстреннымъ сборамъ прибѣгало правительство и второго Романова. Въ 1654 году была собрана десятая деньга со всѣхъ лицъ, занимавшихся торговлей, въ 1654—1656 годахъ была собрана подмога даточными людьми. Въ 1662 году была снова собрана „пятая деньга“ съ торговыхъ и посадскихъ людей, а съ остальныхъ общественныхъ группъ по полтынѣ со двора. Такой же сборъ былъ назначенъ и въ 1663 году.

Въ 1668 году былъ опять сборъ десятой деньги „со всякихъ чиновъ торговыхъ людей съ пашенныхъ крестьянъ по 25 коп. со двора. „Экстренные сборы были назначены въ 1670,1671,1673,1678,1679,1680 годахъ. Постоянность экстренныхъ сборовъ является прекраснымъ показателемъ той вѣчной нужды въ деньгахъ которую ощущало правительство первыхъ двухъ Романовыхъ. Форсируя народныя платежныя силы, такъ какъ экстренные сборы превращались для населенія почти въ обыкновенные налоги, правительство новой династіи сейчасъ же принялось за возстановленіе нормальнаго поступленія обыкновенныхъ доходовъ. Въ этомъ отношеніи послѣ Смуты царилъ полный хаосъ.

Передъ правительствомъ въ области финансовой политики лежало нѣсколько задачъ, а именно: выясненіе дѣйствительнаго поступленія налоговыхъ поступленій и состояніе народнаго хозяйства; кромѣ того правительству приходилось задуматься надъ вопросомъ, какъ заставить населеніе и администрацію прислать въ Москву своевременно собраныя подати.

Правительство второго ополченія также добивалось, чтобы собранные налоги аккуратно доставлялись въ Москву, чтобы всѣ налоговыя поступленія были собираемы „по прежнему“. Но грамоты временнаго правительства не производили особаго впечатленія и на населеніе, и на администрацію, и налоговыя поступленія шли весьма неисправно. Положеніе новаго правительства было еще затруднительнѣе: множество финансовыхъ документовъ погибло, да и самая власть не пользовалась пока особымъ авторитетомъ среди населенія. Благодаря этому, грозные указы „не слушать грамотъ“ воеводскихъ и другихъ „опричь грамотъ съ Москвы“ оказывались лишенными силы и значенія.

Незная, сколько населеніе обязано платить налоговъ и не имѣя подъ руками необходимыхъ платежныхъ книгъ, правительство пыталось по оставшимся документамъ составить себѣ картину налоговыхъ поступленій. Кромѣ того, посылая изъ Москвы спеціальныхъ сборщиковъ или поручая воеводамъ, правительство стремилось установить на мѣстахъ количество сборовъ, падающихъ на населеніе. Съ этой цѣлью населенію предлагалось представить платежныя книги, сотныя выписи, а если добровольно населеніе отказывалось ихъ дать, то рекомендовалось ихъ поймать.

Но и эти мѣропріятія недостигли цѣли. Населеніе „не хотя твоей государевой подати платить, для своего воровства писцовыя книги и сотные грамоты у себя“ потаило. Правда, кое гдѣ плательщики соглашались уплачивать небольшіе налоги, но въ то же время не платили множества другихъ пошлинъ.

Рядомъ съ этимъ, правительство для тѣхъ же цѣлей вызывало въ Москву посадскихъ цѣловальниковъ, откупщиковъ, но и эта мѣра не оправдала возлагаемыхъ на нее ожиданій.

Наконецъ, либо по собственному усмотрѣнію, либо по челобитію посадовъ отдѣльныхъ лицъ, учрежденій и волостей правительство производило дозоры, дабы выяснить дѣйствительное состояніе платежныхъ силъ и средствъ. Во многихъ мѣстахъ образовалась значительная пустота. Дозоръ правительства былъ необходимъ для ея регистраціи и для освобожденія отъ уплаты посошной подати за пустую землю. Благодаря дозорамъ было общее пониженіе окладовъ. Кромѣ того, отдѣльные мѣстности и города получили льготы, либо въ всѣхъ податяхъ, либо только въ нѣкоторыхъ. Завѣдываніе такими дозорами составляло обязанность тѣхъ приказовъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились тѣ или другіе города. С. Б. Веселовскій съ убѣдительною ясностью доказалъ, что при производствѣ дозоровъ у правительства не было опредѣленной выработанной системы, и что въ данномъ случаѣ каждый приказъ дѣйствовалъ по собственному плану и усмотрѣнію. Въ общемъ, дозоры производились очень медленно и не оправдали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ. 13 мая 1626 г. въ Москвѣ былъ большой пожаръ, произведшій страшныя опустошенія въ архивахъ приказовъ. Кое-что потомъ было возстановлено, но масса собранныхъ матеріаловъ погибла безвозвратно. Правительство тогда рѣшило снова послать писцовъ для производства описаній, но въ общемъ и послѣднія производились очень медленно. По-мнѣнію С. Б. Веселовскаго, медленность описанія зависѣла отъ широты и сложности поставленныхъ писцамъ задачъ, на которыхъ лежали: провѣрка основаній владѣнія угодьями, разборъ земельныхъ тяжбъ, межеваніе спорныхъ, большею частью новыхъ, владѣній, колебанія Помѣстнаго Приказа въ вопросѣ о положеніи въ живущее, а такъ какъ многія писцы не получали объ этомъ никакихъ указовъ, то и не заботились о примѣненіи ихъ при производствѣ описаній. Смоленская война прервала начатыя описанія. Пришлось ихъ оканчивать уже послѣ войны. И въ послѣдующее время правительство неоднократно обращалось къ производству описанія той или другой мѣстности, того или другого города. Особое мѣсто занимаетъ описаніе 1646—1647 г., вызванное челобитьемъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ. Писцы должны были провѣрить основаніе крѣпости наличнаго населѣнія, дабы новыя переписныя книги могли стать основаніемъ крестьянской крѣпости.

Въ связи съ этимъ перепись должна была прежде всего охватить частновладѣльческихъ крестьянъ и бобылей, посадскихъ людей, населеніе дворовыхъ и черныхъ волостей. Среди описаній второй половинѣ вѣка, помнѣнію автора „Сошнаго письма“ заслуживаетъ вниманіе описаніе 1678 года, когда съ очевидной ясностью выяснилось необходимость новаго описанія и новой переписи. Перепись была закончена въ 1678 г. а съ слѣдующаго года, указами 2 и 5 сентября 1679 года стрѣлецкій хлѣбъ и другіе доходы собирались подворно, по вновь составленнымъ переписнымъ книгамъ, при этомъ дворы задворныхъ людей облагались наравнѣ съ крестьянскии и бабыльскимии.

Если произведенныя описанія съ одной стороны, должны были привести въ порядокъ прямое обложеніе и выяснить финансовые рессурсы правительства то, съ другой стороны, разныя пожалованія вотчинами, и деньгами, продажи земли въ вотчину, отдача „дикихъ поль“ на льготныхъ условіяхъ были актами, достигавщими обратныя цѣли въ сравненіи съ тѣми, какіе себѣ ставило правительство при производствѣ описаній.

Производство дозоровъ находилось въ вѣдѣніи приказовъ.

Въ XVI—XVII вѣкахъ сначала даже не финансовымъ приказамъ приходилось вѣдать дозоры въ тѣхъ городахъ, которые судомъ и данью тянули или находились въ вѣдомствѣ того или другого приказа. Но послѣ смутнаго времени въ этомъ отношеніи происходятъ существенныя перемѣны и измѣненія. Писцовое дѣло надо было централизовать, производить дозоры по одному плану и подъ одинаковымъ контролемъ въ особенности, когда выяснились неудовлетворительные

итоги первыхъ посмутныхъ описаній. Послѣ различныхъ колебаній и отдѣльныхъ попытокъ централизовать производство дозоровъ описанія частновладѣльческихъ имѣній были сосредоточены въ вѣдомствѣ Помѣстнаго Приказа.

Производство описанія начиналось по указу государя или приговору бояръ, чему часто предшествовали челобитья мѣстнаго населенія. Самоописаніе поручалось спеціальнымъ писцамъ, а и зрѣдка, въ особенности первое время послѣ Смуты, и мѣстнымъ воеводамъ, съ своей стороны поручавшимъ производства описанія своимъ довѣреннымъ людямъ „добрымъ дворянамъ“. Писцовъ, по требованію того или иного приказа, назначалъ Разрядъ, при чемъ правительство отъ лица, назначеннаго писцомъ, не требовало никакихъ особыхъ знаній, разсматривая писцовую службу, какъ обыкновенную приказную службу. Случалось иногда, что въ писцы попадали и неграмотные люди. Противъ отдѣльныхъ писцовъ иногда возбуждался отводъ со стороны частныхъ лицъ, иногда на томъ основаніи, что они сосѣди по имѣнію, что писецъ „отцу его врагъ, или питаетъ къ челобитчику недружбу“. Правда, государь въ 1681 г. издалъ указъ о запрещеніи поднимать дѣло объ отводѣ писцовъ по недружбѣ, но указъ не имѣлъ никакого практическаго значенія. Назначенныя лица приводились къ присягѣ, а потомъ получали соотвѣтствующія инструкціи.

При производствѣ описанія писцы получали кормы отъ населенія либо натурой, либо деньгами. Писецъ получалъ мясо, овощи, хлѣбъ, а въ постные дни, гдѣ было это возможно, мясо замѣнялось рыбой. Отправляясь на производство описанія, писецъ бралъ съ собой выданный ему писцовый наказъ и разнаго рода другіе документы въ родѣ писцовыхъ, дозорныхъ книгъ, платежницъ съ послѣднихъ, служившіе ему необходимымъ справочнымъ пособіемъ при производствѣ описанія.

Посошное обложеніе, по мнѣнію С. Б. Веселовскаго, было построено на принципѣ посильности. Этотъ принципъ идетъ изъ глубокой старины и сохраняетъ свою силу и значеніе въ теченіе всего XVII вѣка въ двоякомъ отношеніи: „какъ равномѣрно-обременительное для всѣхъ тягло, соотвѣтствующее силамъ каждаго тяглеца, и, во-вторыхъ, какъ максимальное, но не превосходящее силы и равномѣрное для всѣхъ тягло“. Дозорщики должны были класть „въ правду, не норовя никому ни въ чемъ и недружбою никакого не дѣломъ не писати“; „смотрѣти и беречи накрѣпко, чтобы государеву тяглу убыли, а имъ лишнія тяготы не было“. Если кому-нибудь давались какія-либо льготы, то послѣднія должны были даваться, „смотря по человѣку и по его животомъ и промысломъ“ Такъ поступали дозорщики на посадахъ. При производствѣ обложенія уѣздныхъ людей принимались во вниманіе хлѣбопашество и связанныя съ нимъ промыслы; торговля и промыслы для уѣздныхъ людей имѣли второстепенное значеніе.

Писцы должны были „не по дѣлу ни на кого лишка въ сошномъ письмѣ и въ оброкѣхъ не прибавляти и искати во всемъ государю прибыли, какъ бы государевѣ казнѣ было прибыльнѣе“

Тотъ же принципъ посильности лежалъ и при обложеніи частновладѣльческихъ крестьянъ.

Когда какой-либо писецъ пріѣзжалъ на мѣсто, то онъ былъ обязанъ потребовать къ себѣ земскихъ старостъ и свѣдущихъ выборныхъ людей, „которые бъ про торговыхъ и про волостныхъ людей и про землю, и про всякія угодья вѣдали, и выборы на тѣхъ людей взяти за волостныхъ людей руками“. Кромѣ того писцы могли допрашивать и самихъ тяглыхъ людей, когда это было необходимо для пользы дѣла. При описаніи частновладѣльческихъ земель писцамъ оказывали содѣйствіе сами землевладѣльцы, и, по порученію послѣднихъ, ихъ старосты и приказчики. Для правильнаго обложенія были необходимы вѣрныя свѣдѣнья объ объектахъ обложенія. Всѣмъ утайщикамъ правительство угрожало опалой и казнями. Всѣмъ доносчикамъ въ утайкѣ сулились награды. Несмотря

на угрозы, населеніе не подавало настоящихъ данныхъ, и писцамъ сплошь и рядомъ не удавалось раскрыть настоящую тягло-способность населенія. На этой почвѣ возникали недоразумѣнія и споры, которые не всегда кончались полюбовно и тогда рѣшеніе спора между писцомъ и населеніемъ переносилось въ Москву...

При производствѣ описанія, писцы во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ должны были обращаться за указами къ государю и поступать согласно полученнымъ указаніямъ. Послѣ окончанія работы составлялся перечень съ книгъ того или другого письма и немедленно представлялся въ приказъ, какъ показатель итоговъ работы писца. Затѣмъ, приказу приходилось имѣть дѣло со всѣмъ описаніемъ въ его цѣломъ, при этомъ приказъ могъ или самостоятельно утвердить вновь составленныя книги или представить ихъ наусмотрѣніе государя. Если приказъ находилъ, что составленное вновь описаніе не противорѣчитъ интересамъ казны, то оно незамедлительно утверждалось приказомъ. Бывали случаи, когда и государь не находилъ возможнымъ утвердить составленное описаніе или полностью или частично. Когда описаніе утверждалось, оно хранилось въ приказѣ, изъ котораго по просьбѣ населенія выдавались послѣднему сотныя грамоты и выписи изъ писцовныхъ книгъ. Писцамъ же строго запрещалось выдавать сотныя, пока книги не будутъ утверждены соотвѣтствующей властью. Такъ, производство описанія было для правительства единственнымъ средствомъ, хотя и мало совершеннымъ, собрать и имѣть подъ руками необходимыя свѣдѣнія для прямого обложенія, которое сначала было посошнымъ, а потомъ посошное обложеніе, медленно умирая, уступило мѣсто подворному.

Помимо производствъ общихъ или частичныхъ описаній, правительства обоихъ Романовыхъ предпринимали и другія финансовыя мѣры, не всегда дававшія тѣ результаты, къ которымъ стремились правительства. Пришлось правительству царя Михаила въ поискахъ денегъ обратить свое вниманіе на поступленія отъ косвенныхъ сборовъ.

Правительство царя Михаила обратило вниманіе на незначительныя поступленія таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ. Причина этого, помнѣнію правительства, заключалась въ неправильной организаціи сбора податей. Цѣловальниками у кабаковъ были большею частью „молотшіе люди“. Послѣдніе не всегда были на высотѣ положенія: „всегда ходили пьяны“, разворовали выкуренное вино и продавали его для себя, не представляли никакой отчетности и не имѣли подъ руками соотвѣтствующихъ оправдательныхъ документовъ. Сначала правительство требовало, чтобы кабацкіе головы выбирались изъ мѣстныхъ состоятельныхъ людей, но это не оправдало ожиданій правительства, и ему пришлось прибѣгать къ назначенію въ головы иногородныхъ зажиточныхъ лицъ; изъ числа гостей и гостинной сотни. Отъ выборнаго человѣка требовали добрыхъ нравственныхъ качествъ, опытности и грамотности. Къ головамъ присоединялись въ кабацкіе и таможенные цѣловальники мѣстные добрые люди, „которымъ бы можно было вѣрить“, и за которыхъ ручались бы ихъ избиратели. Отъ головъ требовали ежемѣсячной отвѣтственности, правильнаго веденія книгъ. Мѣстные же воеводы и дьяки контролировали дѣятельность головъ и цѣловальниковъ. За всякія матеріальныя убытки отвѣчали передъ правительствомъ или голова или населеніе, выбиравшіе цѣловальниковъ оказавшихся ворами.

Затѣмъ правительство приступило къ пересмотру жалованныхъ грамотъ, что было детально изучено А. С. Лаппо-Данилевскимъ и С. Б. Веселовскимъ. Пересмотръ былъ произведенъ въ теченіе 1620—1630 годовъ. Вмѣсто старыхъ грамотъ иммунисты получали новыя, если, конечно были какія-либо основанія для подтвержденія иммунитета. Вмѣстѣ съ этимъ было издано новое уложеніе, которое въ значительной степени урѣзывало право иммунистовъ. Всѣ иммунисты теперь были обязаны уплачивать рядъ налоговъ, какъ то: ямскія деньги, стрѣлец-

кія хлѣбные запасы и участвовать въ повинности городового и сторожевого дѣла. Отмѣнялась безпошлинная продажа всѣхъ товаровъ иммуниста и разрѣшалась безпошлинная покупка товаровъ только для потребительскихъ цѣлей въ полномъ соотвѣтствіи съ жалованными грамотами, при чемъ надъ безпошлинной дѣятельностью держателей грамотъ устанавливался контроль, который на основаніи списковъ съ жалованныхъ грамотъ, провѣрялъ, на сколько въ дѣйствительности иммунистъ былъ свободенъ отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ. Нельзя, конечно, не согласиться съ Е. Д. Сташевскимъ, что, правительство, издавая такое Новое Уложеніе, стремилось совершенно уничтожить податныя привилегіи, такъ какъ правительство привлекло иммунистовъ къ платежу основныхъ палоговъ, а также къ отбыванію весьма тяжелыхъ натуральныхъ повинностей. Затѣмъ правительству пришлось нѣсколько понизить налоговыя ставки и даже отмѣнить кое-какіе изъ натуральныхъ сборовъ.

Въ общемъ же въ политикѣ перваго Романова не было никакого опредѣленнаго плана, не было никакой системы. Правительство бросалось отъ одного мѣропріятія къ другому, стремясь всѣми средствами собрать возможно больше денегъ. Но уже фактъ превращенія экстренныхъ сборовъ въ постоянные указывалъ, что правительственныя ожиданія не оправдались: государство постоянно испытывало денежный голодъ. Правительство царя Алексѣя тоже преслѣдовало въ финансовой политикѣ тѣ же задачи и цѣли, и нельзя сказать, чтобы и оно имѣло въ своемъ распоряженіи какой-либо опредѣленно выработанный-финансовый планъ. Стремясь къ увеличенію прямыхъ поступленій, правительство повысило ставки на оброчныя статьи съ принадлежавшихъ казнѣ рыбныхъ ловель, сѣнныхъ покосовъ, звѣриныхъ лововъ. Облагались также оброкомъ торговыя лавки, харчевни, бани и разнаго рода иныя промышленныя предпріятія. Затѣмъ подать „полоняничныя деньги“ была превращена въ постоянную, и при томъ собиравшуюся со всякихъ людей, какъ тяглыхъ, такъ и не тяглыхъ, была значительно увеличена стрѣлецкая подать. Ея ставки постоянно повышались въ зависимости отъ увеличенія кадровъ стрѣлецкаго войска. Тогда правительство рѣшило замѣнить нѣкоторые изъ прямыхъ налоговъ повышеннымъ налогомъ на соль. Новая соляная пошлина шла вчетверо выше старой, вмѣсто 5 коп.—20 коп. съ пуда. Правительство разсчитывало, что задуманный имъ финансовый опытъ окончится полнымъ успѣхомъ. Населеніе будетъ покупать необходимую для обихода соль и дастъ правительству необходимыя деньги. Но ожиданія правительства не оправдались: населеніе не покупало соли, и казна понесла значительные убытки. Населеніе же осталось безъ постной пищи, такъ какъ, благодаря дороговизнѣ соли, не было въ достаточномъ количествѣ соленой рыбы. Финансовое предпріятіе окончилось полнымъ крахомъ, и его пришлось быстро ликвидировать. Въ началѣ 1648 г. ненавистная народу соляная пошлина была отмѣнена.

Тѣ же финансовыя затрудненія заставили правительство взять въ свои руки продажу табаку, но и эту монополію пришлось отмѣнить послѣ мятежа 1648 года. Продавая „богомерзкое зелье“ по очень дорогой цѣнѣ правительство, отмѣнивъ введенную имъ табачную монополію, вернулось къ старому закону царя Михаила, каравшему смертной казнью всякаго, кто торговалъ табакомъ или употреблялъ его.

Интенсивная внѣшняя политика царя Алексѣя потребовала большого количества серебряной монеты, недостатокъ которой уже сталъ весьма замѣтно ощущаться. Введеніе покровительственнаго тарифа 1654 г. сократило торговлю съ иностранцами и уменьшило приливъ серебряной монеты, такъ какъ въ значительной степени сократилась таможенныя поступленія. Недостатокъ серебра ставилъ на очередь вопросъ о монетной реформѣ. Съ этой цѣлью правительство стало выпускать неполноцѣнную монету. Такъ, ефимки, ходив-

шіе на рынкѣ по 42 коп., переливались въ 64 копейки. Съ началомъ польской войны правительство стало чеканить серебряные рублевики съ принудительнымъ курсомъ, при томъ весьма высокимъ въ то время, и рыночная цѣна серебрянаго ефимка оставалась равной 40 копейкамъ. Рядомъ съ серебряными деньгами правительство стало выпускать и деньги мѣдной чеканки полтинники, алтыны, копейки и грошовики, ходившіе сначала по нарицательной цѣнѣ съ серебромъ „съ серебряными заровно". Сначала задуманная операція пользовалась полнымъ довѣріемъ со стороны населенія, но затѣмъ это довѣріе исчезло, и рынокъ охватила паника, повлекшая за собой полное паденіе цѣнности мѣдныхъ денегъ, доведшее страну до банкротства.

Нуждаясь въ серебрѣ, правительство стремилось изъять серебро изъ обращенія и наводнило рынокъ недорогой мѣдью, что сразу повлекло за собой паденіе курса мѣдныхъ денегъ. Уже въ 1655 году ея накопилось на сумму до 20 мил. рублей. Паденіе цѣнности мѣдныхъ денегъ совершалось прямо-таки катастрофически. Въ 1658 г. за серебряный рубль давали 1р. 4 коп. мѣдныхъ. Спустя два года цѣнность мѣдныхъ денегъ еще болѣе упала. Въ 1660 году серебряный рубль равнялся 2 мѣднымъ. Благодаря злоупотребленіямъ, денежный рынокъ былъ наводненъ мѣдными деньгами, и въ 1663 году давали за серебряный рубль 12—15 руб. мѣдныхъ. Паденіе цѣнности мѣдныхъ денегъ способствовало поднятію цѣнъ на всѣ продукты. Вздорожаніе жизни было огромное, хотя не всѣ общественныя группы одинаково страдали отъ катастрофическаго паденія цѣнности мѣдныхъ денегъ. Богатые посадскія люди, сумѣвшіе скупить товары первой необходимости, переносили спокойно дороговизну жизни, но мелкій торгово-промышленный людъ, провинціальная служилая масса, получавшая жалованіе мѣдными деньгами, влачила полуголодное существованіе. Москва была во власти голоднаго и раздраженнаго городского населенія. Недовольство скоро превратилось въ стихійное движеніе—бунтъ съ грабежами и убійствами лицъ, заподозрѣнныхъ въ спекуляціи, обманѣ, скрытіи запасовъ. Неорганизованное, стихійное движеніе было, конечно, подавлено правительственной властью съ свойственной ей жестокостью, но правительству пришлось открыто признать неудачу своей финансовой операціи, и 11 іюня 1663 г. отмѣнить мѣдныя деньги. Отнынѣ всякое жалованіе уплачивалось серебромъ. Возстанавливая серебряное обращеніе и запрещая выпускъ на рынокъ мѣдной монеты, правительство царя Алексѣя, однако, было лишено возможности выпустить послѣднюю по рыночной цѣнѣ, уплачивая отъ 5 коп. до 1 коп. за рубль, что совершенно отчетливо говорило о полномъ финансовомъ крахѣ московскаго государства, что, въ свою очередь, оказало большое вліяніе на нѣкоторыя позднѣйшія финансовыя мѣропріятія московскаго правительства второй половины XVII вѣка. Правительство первыхъ Романовыхъ, поставленное въ весьма тяжелыя финансовыя условія, конечно, не могло жить только одними экстренными сборами. Приходилось подумать и о возстановленіи постоянно дѣйствующаго финансоваго аппарата. Благодаря частнымъ и общимъ дозорамъ въ связи съ укрѣпленіемъ власти представителей новой династіи, явилась возможность учета финансовыхъ средствъ государства и платежныхъ силъ населенія. Нормальный бюджетъ былъ возстановленъ. Явилась возможность веденія со стороны новаго правительства активной финансовой политики; повышенія старыхъ окладовъ, введенія новыхъ налоговъ, иногда даже радикальныхъ измѣненій въ принятой системѣ финансовой политики. Новые налоги были введены сейчасъ же послѣ ликвидаціи смуты. Въ 1614 году были введены новыя ямскія деньги, что объяснялось полной невозможностью со стороны ямщиковъ нести исправно свою службу благодаря неполученію ими жалованья. Въ томъ же году былъ введенъ новый налогъ—сборъ хлѣбныхъ запасовъ ратнымъ людямъ на жалованье, падавшій на всѣ города и сохи, тогда какъ города и уѣзды Поморья и дворцовыя села ямскихъ денегъ не платили.

Новый налогъ не всегда былъ натуральнымъ сборомъ. Отдѣльныя мѣстности получали право уплачивать деньги вмѣсто натурой.

Такъ Поморскіе города „для дальняго провоза и крестьянскія легости“ были освобождены отъ взноса сбора натурой. Вообще, по мнѣнію С. Б. Веселовскаго, платежъ деньгами былъ рѣдкимъ исключеніемъ и только разрѣшался по особымъ челобитіямъ. Въ связи съ монетной операціей, кончившейся официальнымъ признаніемъ властью государственнаго банкротства. страшно поднялись хлѣбныя цѣны, что объяснялось торговыми людьми тѣмъ, что всякое „хлѣбное“ жалованіе теперь уплачивается деньгами. Большой спросъ на хлѣбъ и содѣйствовалъ росту хлѣбныхъ цѣнъ. Такое объясненіе было и односторонне, и неправильно, но правительство приняло во вниманіе указанія свѣдущихъ торговыхъ людей и вернулось къ сбору стрѣлецкаго налога—опять натурой, дабы избѣжать необходимости повышенія денежнаго жалованія. Но населеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подавало челобитья объ уплатѣ налога деньгами.

Съ ликвидаціей финансовой мѣдной операціи, правительство въ 1663 году окончательно перевело стрѣлецкую подать на деньги въ серебяной валютѣ, что въ значительной степени ухудшило положеніе податной массы, такъ какъ новый налогъ былъ тяжелѣе стараго, и прогрессивный ростъ недоимокъ былъ превосходнымъ показателемъ тяжести подати для населенія. Правда, въ 1672 г. правительство нѣсколько понизило денежный окладъ, и, конечно, П. Н. Милюковъ совершенно правъ въ своемъ утвержденіи, что эти небольшія измѣненія не могли увеличить платежной способности населенія. Сборы поступили попрежнему съ большой неаккуратностью, о чемъ свидѣтельствуютъ и челобитья самого населенія, указывающія также на пустоту населенія, какъ слѣдствіе бѣгства послѣдняго. Подъ вліяніемъ такихъ челобитій, правительство въ 1678 году послало переписчиковъ для составленія новыхъ переписныхъ книгъ, а указомъ 5 сентября 1679 года отмѣнило прежнія прямыя подати и постановило брать вмѣсто нихъ со двора по 1 р. 50 коп.

Новая подать сохранила свое названіе стрѣлецкой подати и была распространена на всѣ посады и уѣзды. Но повсемѣстно введенный новый налогъ поступалъ также весьма неаккуратно. Населеніе по старому убѣгало, и правительственная власть была безсильна что либо сдѣлать. Въ 1681 г., правительство рѣшило сложить недоимку за 1680 г., и чтобы узнать, въ какомъ размѣрѣ населеніе въ состояніи платить бездоимочно подати, постановило призвать выборныхъ по 2 человѣка отъ города. Выборные указывали на весьма неблагопріятные обстоятельства, благодаря которымъ „они... оскудали и разорились въ конецъ“ и потому нуждались въ значительныхъ уменьшеніяхъ налоговыхъ ставокъ.

Поэтому, всѣ города были раздѣлены на 10 категорій сообразно своей налогоспособности отъ 80 к. до 2 руб. со двора. Эту подать платили всѣ посады и тѣ уѣзды, которые издавна ее платили, еще съ 1620 года. Остальные уѣзды со всѣхъ видовъ землевладѣнія платили только полоняничныя и ямскіе деньги, по 10 коп. со двора церковныхъ крестьянъ, а съ крестьянъ дворцовыхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ только по 5 коп., что объяснялось обремененностью частновладѣльческихъ крестьянъ господскими повинностями. Съ другой стороны, въ такомъ распредѣленіи податныхъ окладовъ явно отражалась сословная политика московскаго правительства XVII вѣка.

Правительству царя Алексѣя пришлось принять нѣкоторыя рѣшительныя мѣропріятія въ сферѣ косвенныхъ налоговъ. Еще въ началѣ царствованія Алексѣя были отмѣнены откупа и была введена казенная монополія, но затѣмъ въ виду весьма стѣсненнаго финансоваго положенія указъ 1652 года былъ отмѣненъ, и боярскій приговоръ отъ 15 іюня 1663 года снова допустилъ откупную систему „для

пополненія государевой казны ратнымъ людямъ на жалованье". Зато въ сферѣ таможенной политики, правительство было болѣе послѣдовательно. Введеніе одной рублевой пошлины привело къ отмѣнѣ множества разныхъ проѣзжихъ и рыночныхъ сборовъ. Это же положеніе было сохранено и въ Ново-Торговомъ уставѣ 1667 года, при чемъ рублевая пошлина распространялась и на иностранныхъ купцовъ внутри Россіи.

Прямое и косвенное обложеніе во второй половинѣ XVII вѣка быстро растетъ. Увеличеніе бюджета П. Н. Милюковъ ставитъ въ тѣсную зависимость отъ военныхъ потребностей государства, колоссальнаго увеличенія численности арміи, въ особенности войскъ, обученныхъ по европейскимъ образцамъ. Въ 1632 году—служилое ополченіе составляло только 26% всей арміи, а войска иноземнаго строя—6%. Къ 1623 году % первыхъ упалъ до $8^1/_2$, а вторыхъ поднялся до 27. Поэтому, если расходъ на армію въ первой трети XVII вѣка составлялъ 275.000 рублей, то въ 1663 г. онъ поднялся до 1.000.000 руб., не говоря о хлѣбной подати натурой, при этомъ, почти $^3/_4$ всего военнаго бюджета шло на удовлетвореніе расходовъ по содержанію войскъ иноземнаго строя. Соотношеніе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ отчетливо видно изъ бюджета 1680 года, найденнаго П. Н. Милюковымъ.

Прямые налоги въ бюджетѣ 1680 года какъ ординарные, такъ и экстренные составляли 44% всего бюджета. Косвенные налоги равнялись 53,3% доходнаго бюджета и пошлины—2,7. %, общій бюджетъ уже достигъ до 1.220.367 руб.

Согласно офиціальной терминологіи XVII вѣка, государственные доходы дѣлились на два отдѣла: неокладные и окладные. И тѣми и другими могли быть и прямые и косвенные налоги, если держаться современной классификаціи налоговъ.

Къ окладнымъ налогамъ относятся: данныя деньги ямскія и полоняничныя деньги, а также стрѣлецкая подать.

Къ окладнымъ налогамъ надо отнести также и такъ называемый оброкъ. Возникновеніе данныхъ, ямскихъ и полоняничныхъ денегъ относится еще къ эпохѣ татарскаго ига. Въ XVII вѣкѣ данныя деньги объединяли много разныхъ прямыхъ спеціальныхъ податей, какъ-то подать на военное дѣло, пищальныя и емчужныя деньги, сборъ за городовое и засѣчное дѣло,—намѣстничъ доходъ и кормъ, казначеевы и дьячьи пошлины.

Оброчныя деньги—это плата за пользованіе различными угодьями, доходными государственными статьями. Величина оброка зависѣла отъ соглашенія и никогда не была неизмѣнной. Оброчныя деньги—индивидуальный платежъ, за исправную уплату котораго не были отвѣтственны сельскіе міры. Впрочемъ, иногда оброкъ могъ имѣть и другое значеніе. По разнымъ соображеніямъ, обыкновенно, по челобитію самихъ тяглецовъ обыкновенное тягло на нѣкоторое время могло быть замѣнено оброкомъ. Замѣна тягла срочнымъ оброкомъ—несомнѣнно облегчала плательщиковъ того или другого прямого налога. Если окладъ прямыхъ налоговъ отличался нѣкоторой устойчивостью, то окладъ оброка постоянно колебался, но всякій разъ при сдачѣ на оброкъ тѣхъ или другихъ угодій администрація неизмѣнно имѣла въ виду его прирость „наддачу".

Заботясь о своевременномъ и правильномъ поступленіи косвенныхъ налоговъ, правительство обыкновенно сдавало ихъ на откупъ за опредѣленный окладъ. Но послѣ 1681 г. откупа были уничтожены, и сборъ косвенныхъ налоговъ, какъ раньше, когда не находилось откупщиковъ, былъ возложенъ на мѣстные посадскіе міры, при чемъ правительство, лишенное возможности опредѣлить норму оклада, все-таки для его фиксаціи доходъ предыдущаго года считало минимальнымъ окладомъ. Отвѣтственность за недоборъ падала на головъ и цѣловальниковъ, и на міры, избравшіе ихъ. Только въ случаѣ производства слѣдствія, когда будетъ выяснено, что недоборъ вызванъ не „воровствомъ" го-

ловъ и цѣловальниковъ, а рядомъ серьезныхъ обстоятельствъ и условій, правительство снимало всякую отвѣтственность съ головъ и цѣловальниковъ. Къ неокладнымъ налогамъ относились всѣ остальныя денежныя поступленія, среди которыхъ пошлины составляли первое мѣсто.

Единицей обложенія въ XVII вѣкѣ была большая московская соха, занявшая мѣсто малыхъ сохъ, сошекъ и иныхъ провинціальныхъ окладчыхъ единицъ. На реформу посошнаго обложенія уже давно было обращено вниманіе въ исторической литературѣ, но только въ послѣднее время этотъ вопросъ былъ подвергнутъ детальному изученію въ лицѣ С. Б. Веселовскаго. Впрочемъ, и для вышеназваннаго изслѣдователя реформа посошнаго обложенія въ видѣ созданія новой окладной единицы—большой сохи нуждается еще въ дальнѣйшемъ обоснованіи и утвержденіи. Мнѣнія изслѣдователей о реформѣ сошнаго письма уже были высказаны раньше, и теперь къ нимъ возвращаться не будемъ (см. стр. 57). Созданіе новой повсемѣстной окладной единицы не уничтожило мѣстныхъ провинціальныхъ единицъ обложенія, служившихъ основаніемъ для раскладки сошнаго письма. Одной изъ такихъ раскладочныхъ единицъ и при томъ наиболѣе распространенной, являлась выть, съ теченіемъ времени поставленная въ опредѣленныя отношенія къ сохѣ. И вопросъ о выти былъ неоднократно предметомъ изслѣдовательскаго вниманія историковъ и историко-юристовъ. По словамъ Сергѣевича выть—это—„доля, часть участка“, но этимъ еще не опредѣляется значеніе выти, какъ единицы обложенія. По мнѣнію того же Сергѣевича—выть сначала была окладной единицей для „потребностей дворцоваго хозяйства“, и земли черныхъ крестьянъ въ выти не клались; что противорѣчило даннымъ, сообщеннымъ еще раньше Бѣляевымъ, который, какъ и Лаппо-Данилевскій, постоянно указывалъ на противоположность сошнаго и вытнаго письма. Ошибочность этого утвержденія была подмѣчена еще П. Н. Милюковымъ. Въ XVII вѣкѣ выть существуетъ повсемѣстно въ черныхъ волостяхъ Поморья и въ дворцовыхъ волостяхъ. Зато выть совершенно исчезла въ частно-владѣльческихъ земляхъ, гдѣ, кажется, не всегда онѣ были и въ болѣе раннее время, какъ предполагаетъ С. Б. Веселовскій. Во всякомъ случаѣ, съ переходомъ черныхъ и дворцовыхъ земель въ руки служилаго класса—выть немедленно исчезала. С. Б. Веселовскій думаетъ, что выть не могла появиться исключительно для нуждъ частнаго хозяйства; и гдѣ она служила для цѣлей обложенія. Происхожденіе выти—фискальнаго характера. Пріемы вытнаго и сошнаго письма—совершенно одинаковы. Если, согласно установившимся пріемамъ землемѣрія, въ выти было доброй земли—12 четей, то средней приходилось обыкновенно 14 четей—16—худой. Точно также и монастырская выть была меньше выти остальныхъ видовъ землевладѣнія. Въ общемъ выть—раскладочная единица, которую отнюдь нельзя назвать „хозяйственнымъ надѣломъ крестьянской семьи“, такъ какъ крестьяне, за немногими исключеніями, сидятъ на участкахъ земли, составляющихъ какую-нибудь незначительную долю выти. Въ 20 годахъ XVII вѣка рядомъ съ сохой, какъ единицей обложенія, появляется „живущая четверть, впервые отмѣченная А. С. Лаппо-Данилевскимъ. Для послѣдняго живущая четверть, состоящая изъ нѣкотораго количества дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, обыкновенно 8 и 4 для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, и изъ 6 и 3 для монастырскихъ, является переходомъ отъ сохи къ двору, какъ податной единицѣ. Благодаря введенію „живущей чети“ стало облагаться не „каждое хозяйство въ отдѣльности, а небольшая сумма такихъ хозяйствъ“. Къ мнѣнію вышеназваннаго изслѣдователя примыкаетъ и В. О. Ключевскій, для котораго переходъ къ подворному обложенію совершился не сразу, а черезъ промежуточную ступень, при чемъ самая реформа связана съ разрушеніемъ тягловой цѣльности сохи, благодаря сокращенію запашки, какъ слѣдствію запустѣнія центра и отлива населенія на окраины. Это запустѣніе и заставило правитель-

ство прибѣгнуть къ новой окладной единицѣ—живущей четверти. П. Н. Милюковъ, считая данныя А. С. Лаппо-Данилевскаго очень цѣнными для опроверженія ходячаго мнѣнія о сравнительно позднемъ введеніе подворнаго обложенія, ставитъ ему въ упрекъ невыясненіе отношеній живущей четверти къ сошному письму, ибо послѣднее продолжало существовать рядомъ съ новой окладной единицей, да и въ самихъ актахъ „живущая четверть“ ставится въ связь съ „сошнымъ письмомъ“. Для Милюкова—живущая четверть не отмѣна сошнаго письма, а одинъ изъ способовъ его раскладки, хотя далеко не повсемѣстный. Она естественно примѣняется въ городахъ, а внѣ города на частновладѣльческихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, земляхъ, гдѣ число крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ было необходимо, какъ средство опредѣлить общую платежную способность имѣнія. Недаромъ она появилась раньше всего на служилыхъ земляхъ, гдѣ „живущими“ считаются только распаханныя земли, принимавшіяся во вниманіе при раскладкѣ податей. Перелогъ и дикое поле не принимались во вниманіе при раскладкѣ податей. Наконецъ, послѣднее время вопросъ о живущей четверти былъ разсмотрѣнъ С. Б. Веселовскимъ, и при томъ исчерпывающимъ образомъ. Точка зрѣнія послѣдняго весьма далека отъ утвержденій Лаппо-Данилевскаго и Ключевскаго. По мнѣнію С. Б. Веселовскаго, указы 1620,—1632, не создавали никакой новой окладной единицы, а только „давали объективныя нормы какъ класть въ живущее сошное письмо“. Живущая четь не есть переходъ къ подворному обложенію, а попытка сохранить и обновить сошное письмо, которое постепенно разрушалось. Приравненіе дворовыхъ сохъ, вытей и четей, къ тому или иному количеству дворовъ для опредѣленія оклада живущаго—есть техническій пріемъ положенія людей въ тягло, употреблявшійся и раньше, а въ 20—30 гг. XVII в. распространившійся какъ общее правило на земли служилыхъ людей и отчасти на монастырскія и церковныя, если послѣднія находились въ уѣздахъ среди доминирующаго служилаго землевладѣнія. Разрушеніе сошнаго письма пошло быстрымъ темпомъ послѣ Смуты, и обложеніе „посиламъ“ стало фактически невозможнымъ вслѣдствіе разоренія служилаго населенія. Общее недовольство, произвольныя дѣйствія писцовъ заставили правительство ухватиться за какое-нибудь объективное, хотя и грубое, основаніе оклада, чтобы собрать необходимыя деньги, и при томъ безъ особеннаго раздраженія со стороны заинтересованныхъ круговъ общества.

Если живущая четь не была переходомъ къ подворному обложенію, но все-таки, по мнѣнію С. Б. Веселовскаго, „когда она была примѣнена, то изо дня въ день пріучала приказныхъ и населеніе къ мысли, что возможно и при извѣстныхъ условіяхъ вполнѣ удобно соразмѣрять тягло и класть его на людей не по силамъ, а подворно“.

Во всякомъ случаѣ послѣ реформы 1620—1630 гг. большая московская соха потеряла свое значеніе обще-государственной окладной единицы.

Большая московская соха въ томъ видѣ, какъ она сложилась еще во второй половинѣ XVI вѣка, употреблялась для оклада земель, занятыхъ подъ пашню. Сошное письмо примѣнялось и по отношенію къ посадамъ. Только характеръ сохи измѣнился подъ вліяніемъ особенностей собственно городского быта. Вопросомъ о посадской занималось не мало изслѣдователей. Послѣднее время къ нему вернулся С. Б. Веселовскій и далъ ему совершенно иную постановку, отличную отъ болѣе раннихъ изслѣдователей. Посады и посадскіе люди не всѣ находились въ одинаковомъ положеніи относительно обложенія. Одни посады были расписаны по сошному письму; другіе платили оброкъ. На такія же двѣ группы дѣлились и посадскіе тяглецы. Податное положеніе посадовъ не оставалось неизмѣннымъ. Разбогатѣвшій посадъ, бывшій на оброкѣ, переводился на сошное письмо. Обѣднѣвшіе же города оказывались непригодными для сошнаго письма. Переходъ посада изъ одного состоянія по

обложенію въ другое—явленіе обыкновенное въ XVII вѣкѣ. Иногда городъ самъ хлопоталъ о переводѣ его съ сошнаго—письма на оброчное состояніе, что зависѣло отъ разныхъ условій, обыкновенно, вслѣдствіе обычнаго разоренія и какъ вслѣдствіе послѣдняго запустѣніе. Трудно сказать, по какимъ объективнымъ признакамъ города расписывались либо по сошному письму, либо клались на оброкъ. Обложенію на посадѣ подлежали только тяглые дворы. Казенныя помѣщенія, дворы, занятые правительственною администраціей, осадные дворы служилыхъ людей и дворы низшихъ служилыхъ людей были свободны отъ всякаго обложенія.

По при производствѣ дозора писцы были обязаны провѣрить, на основаніи какихъ причинъ тотъ или другой дворъ былъ нетяглымъ. Впрочемъ, иногда бѣлые дворы, не тянувшіе тягла съ міромъ, были обложены оброкомъ, а иногда и несли совмѣстно съ посадомъ такія повинности, отъ которыхъ никто не былъ освобожденъ.

Посадскіе дворы въ податномъ отношеніи дѣлились на нѣсколько статей, обычно на 2 или 3: дворы сошные, оброчные или безоброчные. Иногда въ посадахъ нѣтъ то той, то другой статьи.

Дворы посошные—это дворы людей, имѣвшихъ нѣкоторый имущественный достатокъ. Оброчными дворами владѣютъ „бѣдные и худые люди", не платящіе „для бѣдности" никакихъ государевыхъ податей. Послѣднее мѣсто занимали бобыли, нетяглые худые люди, которые дѣлаютъ черное дѣло и живутъ въ наймахъ, а въ сошное письмо и въ оброкъ не пригодились. Такое дѣленіе было принято вологодскими писцами 1623—1624 г., но, въ общемъ, ничего однообразнаго въ этомъ вопросѣ не было.

Господствовали удивительное разнообразіе и своеобразіе административнаго усмотрѣнія, а писцовые наказы не даютъ для этого никакихъ объективныхъ признаковъ для яснаго отвѣта на причины такого разнообразія, почему въ одномъ посадѣ люди годились въ сошное письмо, а въ другомъ—нѣтъ. Правда, присутствіе при описаніи выборныхъ людей—могло дать писцамъ нѣкоторый матеріалъ для опредѣленія податного положенія двора, хотя данныя выборныхъ людей отнюдь не могли быть обязательными для лицъ, производившихъ дозоръ, посчитаться съ ними, конечно, писцамъ, приходилось. Посадскіе дворы были связаны круговой порукой. Уменьшеніе тяглыхъ дворовъ увеличивало тяжесть обложенія наличныхъ посадскихъ дворовъ, и потому за посадскими мірами оставалось право облагать тяглые дворы, не положенные писцами въ сошное письмо.

Посадскіе дворы, положенные въ сошное письмо, дѣлились на три категоріи: на лучшихъ, среднихъ и младшихъ, при чемъ наказы не устанавливали никакихъ объективныхъ признаковъ для отнесенія тяглыхъ дворовъ къ той или другой категоріи. Можно думать, что въ данномъ случаѣ имѣли значеніе и личное усмотрѣніе писца и показанія посадскихъ выборныхъ міровъ.

С. Б. Веселовскій считаетъ неправильнымъ представленіе о посадской сохѣ, какъ сохѣ дворовой—состоящей изъ того или иного опредѣленнаго количества дворовъ въ зависимости отъ ихъ качества. Въ писцовыхъ наказахъ, правда, не во всѣхъ, число дворовъ на соху совсѣмъ не опредѣлено, а потому было большое разнообразіе въ опредѣленіи количества дворовъ на соху. По мнѣнію того же изслѣдователя болѣе распространенною была порма —40 дворовъ лучшихъ людей, 50—60 среднихъ, 70—80 младшихъ, 100 и больше самыхъ худыхъ дворовъ. Такъ, въ Торопцѣ на соху приходилось 46 дворовъ; Серпуховѣ среднихъ по 50—52 двора, а младшихъ по 75—76 дворовъ. Въ Изборскѣ на соху 91 дворъ, въ Себежѣ 75 дворовъ. Въ Вязьмѣ 80 дворовъ лучшихъ людей, среднихъ по 50, молодшихъ по 70, а молодшихъ же и убогихъ по 100 дворовъ на соху и т. д. Однако, эти выработанныя практикой жизни нормы по-

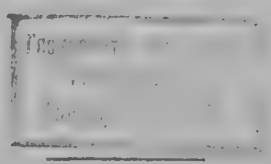
теряли свое значеніе въ царствованіе Михаила. Пришлось отъ нихъ отказаться, и постепенно утвердился пріемъ сошнаго письма по людямъ. Такъ по дозору 1613 года. Вологда въ зависимости отъ „людей“ должна была платить съ трехъ сохъ; этотъ окладъ былъ оставленъ въ 1617 г., когда производился новый дозоръ Вологды. До разоренія Н.-Новгородъ платилъ окладъ съ 7 сохъ, а въ 1617 г., когда посадъ дважды погорѣлъ, 594 оставшихся двора были положены въ 2 сохи, а 494 двора охудалыхъ людей, „которымъ по обыскамъ тягла платить не мочно“. Аналогичныя данныя въ изобиліи приведены въ изслѣдованіи С. Б. Веселовскаго. Оклады писцовъ могли быть уменьшены правительственною властью, вѣроятно, по челобитію тяглецовъ.

Впрочемъ, прошенія послѣднихъ не всегда удовлетворялись верховной властью. Во всякомъ случаѣ, обложеніе „по людямъ“ дѣлало совершенно излишнимъ дѣленіе дворовъ на статьи и при окладѣ кладутся въ счетъ безъ изъятія всѣ посадскіе дворы.

Посошное обложеніе просуществовало до 80 г. XVII вѣка, но не замѣтное его вытѣсненіе дворомъ, какъ единицей обложенія началось довольно рано, еще во второй четверти XVII вѣка, когда отрицательныя стороны сошнаго письма еще не были видны правительству во всей своей отчетливости. Идея дворового числа входитъ въ государственной строительный обиходъ въ 1638 г. при возникновеніи вопроса о сборѣ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ. По государеву указу и боярскому приговору населеніе было обязано выставить даточныхъ людей, за исключеніемъ подмосковнаго землевладѣнія, съ 20 дворовъ по человѣку, но тотъ же сборъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, находившихся въ вѣдомствѣ четей и Казанскаго двора, можно было замѣнить денежнымъ взносомъ по 2 рубля съ двора. Такъ была введена въ государственный обиходъ идея дворового числа, и теперь эта новая идея начинаетъ постепенно кристаллизоваться въ сознаніи московскаго правительства. Да и командующіе классы находили дворъ болѣе подходящей единицей обложенія. По крайней мѣрѣ на соборѣ 1642 года дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ просили взять съ нихъ „деньги и всякіе запасы ратнымъ людямъ“...„сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ“. Правительство прислушивалось къ голосу командующихъ классовъ и, закончивъ въ 1646 г. подворную перепись, воспользовалось данными ея, какъ для раскладки новаго экстреннаго сбора „ратнымъ людямъ на жалованье“ по двѣ гривны со двора, а затѣмъ перевело полоняничныя деньги на подворное обложеніе. Къ сбору даточныхъ людей и денегъ на жалованье ратнымъ людямъ по дворовому числу правительство прибѣгало въ 1656 г., 1659, 1660, 1661, 1663, 1668, 1679 годахъ. Сборы эти падали на торгово-промышленныхъ людей; тяглыхъ и нетяглыхъ, на крестьянъ и бобылей, на низшихъ служилыхъ людей, иногда на духовенство и служилыхъ людей. Наконецъ, приступая къ консолидаціи прямой подати и производству новой переписи 1678 г. и составленія новыхъ переписныхъ книгъ, правительство окончательно перешло къ подворному обложенію. Высчитывая общую сумму податей для того или другого округа, правительство предоставляло право самимъ плательщикамъ распредѣлять между собою падавшій на округу правительственный окладъ, опять-таки, какъ при сошномъ письмѣ, „по тяглу и промысламъ“ каждаго двора.

Въ распредѣленіи денежныхъ поступленій въ XVI—XVII вѣкахъ можно отмѣтить смѣшеніе принциповъ, взаимно исключающихъ другъ друга, именно отсутствіе рѣзко выраженной демаркаціонной линіи между поступленіями дворцовыми и государственными. Даже при наличности точно-опредѣленнаго учрежденія, куда поступали сборы, они могли быть по царскому распоряженію отправлены туда, куда прикажетъ государь. Это смѣшеніе окончательно не стерлось даже въ теченіе всего XVII вѣка. Дворцовымъ хозяйствомъ въ широкомъ смыс-

лѣ завѣдывалъ приказъ Б. Дворца, къ которому были также причислены дворы: сытенный, хлѣбный, житный, кормовой и казенный. Послѣдній завѣдывалъ дворцовыми и подмосковными ремесленниками, а также садоводствомъ, виноградіемъ и шелководствомъ. Всѣ же эксплуатаціонныя казенныя земли находились въ вѣдомствѣ Б. Дворца, но сюда же поступали и обще-государственныя подати: данныя, ямскія, полоняничныя деньги etc. Въ вѣдомствѣ Б. Дворца находились и поземельныя владѣнія духовенства вплоть до возникновенія въ 1649 г. спеціальнаго Монастырскаго приказа и послѣ 1677 г. П. Н. Милюковъ даже думаетъ, что въ XVI вѣкѣ всѣ доходы Московскаго государства вѣдаетъ Б. Дворецъ. Но въ концѣ послѣдней четверти XVI в. выдѣляется изъ его вѣдомства Большой Приходъ, куда стали поступать обще-государственные налоги. Вмѣстѣ съ этимъ изъ вѣдомства Б. Приходъ выдѣляются областные приказы-чети (Галицкая, Владимирская, Костромская, Устюжская), вѣдавшіе сначала обще-государственные налоги мѣстнаго происхожденія, но въ XVII в. эта разница исчезла, и четверти вѣдаютъ всякіе государственные доходы, сохраняя за собою значеніе областныхъ приказовъ. Сюда поступали данныя, оброчныя, стрѣлецкія, ямскія деньги и подати всякаго наименованія. Затѣмъ, нѣкоторыя области, сохранившія цѣлость, имѣли свои приказы: Казанскій дворецъ, Сибирскій и Новгородскіе приказы, куда поступали доходы съ соотвѣтствующихъ территоріальныхъ единицъ. Наконецъ, многіе приказы сами по себѣ не имѣли финансоваго значенія, но къ нимъ были приписаны нѣкоторые города. Среди такихъ приказовъ доминирующее мѣсто занималъ Разрядъ и Посольскій приказъ. Съ консолидаціей прямой подати упрощивается и финансовое управленіе. Косвенные налоги переходятъ въ вѣдомство приказа Большой Казны, что способствовало паденію четей, которыя и были въ 1680 г. вмѣстѣ съ Б. Приходомъ приписаны къ вѣдомству приказа Большой казны. Прямые налоги поступаютъ въ Стрѣлецкій и Ямской приказы.

Къ свѣдѣнію слушательницъ.

Для сдачи экзамена необходимо знакомство со второй частью курса М. К. Любавскаго „Лекціи по древней русской исторіи", книгой *В. И. Ничета* „Смутное время въ Московскомъ государствѣ" или то же по лекціямъ *С. Ф. Платонова*. Весь XVII вѣкъ можетъ быть изученъ либо по лекціямъ С. Ф. Платонова, либо по курсу В. О. Ключевскаго.